

LADY
FANTASY

КОРОЛЕВА ТЕНЕЙ

САРА ДЖ. МААС

Удивительное путешествие в мир фэнтези, эпическое повествование, наполненное романтическими приключениями в духе «Голодных игр» и политическими интригами, как в «Игре престолов».

The Hunger Games Examiner

АЗБУКА

Annotation

Селена Сардотин, наследница террасенского престола, любимица богов, потомок народа фэ, лучшая в мире женщина-ассасин, возвращается под чужим именем в столицу Адарланского королевства, чтобы продолжить борьбу с королем-тираном, поработившим ее страну. Оружие Селены не только верный клинок, она способна управлять магией. Но магия ушла с Эрилейского континента, и первое, что Селене предстоит сделать, — высвободить запретные силы, способные помочь ей в справедливой борьбе.

Впервые на русском языке новая книга сериала!

Сара Дж. Маас

Королева теней

* * *

Эту книгу я посвящаю тебе, Алекс Брэкен.

*За шесть лет переписки по электронной почте.
За тысячи страниц твоих критических замечаний.
За твое сердце тигра и мудрость джедая.
И за то, что ты такой, какой есть.*

*Я так рада, что тогда написала тебе письмо.
И благодарна, что ты на него ответил.*

Часть 1

Повелительница теней

Во тьме обитало нечто, ожидавшее его.

Древнее, жестокое существо бродило в тенях, терзающих его разум. Оно явилось сюда из иного мира и принесло с собой первозданный холод. Между ним и существом пока еще сохранялся невидимый барьер, однако преграда становилась все слабее всякий раз, когда существо кралось вдоль стены, проверяя ее на прочность.

Имя было первым, что он забыл, когда тьма окутала его. Когда это случилось? Может, недели, может, месяцы или даже зоны назад. Потом он забыл имена тех, кто так много значил для него. Зато помнил ужас и отчаяние. Они наполняли окружающую тьму, повторяясь с регулярностью барабанного боя. Несколько минут пронзительных криков, крови и ледяного ветра. В том зале со стеклянными стенами и красным мраморным полом были люди, которых он любил. Была женщина, лишившаяся головы.

Обезглавленная якобы по своей вине.

Прекрасная женщина с изящными руками, похожими на золотистых голубков. Пусть он и не помнил ее имени, она была ни в чем не виновата. Виноват был человек, восседавший на стеклянном троне. Тот человек повелел своему караульному отрубить ей голову.

Отсеченная голова женщины покатила по мраморному полу, а потом наступила тьма. И во тьме — лишь этот страшный момент, повторяющийся снова и снова. Сущность из иного мира находилась где-то рядом, ожидая, когда он сломается и уступит ее напору. Принц.

Он не помнил, кто является принцем: существо или он сам. Наверное, не он. Принц бы не позволил обезглавить женщину у себя на глазах. Принц встал бы на пути убийственного меча. Принц спас бы ее.

А он не спас. И его самого никто не спасет. Это он знал.

Где-то за пределами теней по-прежнему существовал реальный мир. И он должен был играть там какую-то роль. Не по собственному выбору. По воле человека, приказавшего казнить ту прекрасную женщину. Когда он играл эту роль, никто не замечал, что он всего лишь марионетка, едва способная говорить и двигаться, ибо его разум сковывали кандалы. Невидимые, за что он их и ненавидел. Ненависть была одним из немногих остававшихся у него чувств.

«Я знала, что мне нельзя влюбляться в вас», — сказала та женщина, и вскоре ее не стало. Они оба не имели права любить друг друга. Он заслужил эту тьму. Как только рухнет незримая граница и заждавшаяся сущность нанесет свой удар, проникнет в него и заполнит до краев... он получит по заслугам.

Он оставался скованным ночью. Свидетелем, слышавшим крики и видевшим кровь. Он видел и слышал, как по мраморному полу катилась отрубленная голова. Надо было сопротивляться. Он и сопротивлялся. Отчаянно сопротивлялся в последние секунды. А потом ему на шею надели черный каменный ошейник.

Сущность по-прежнему ждала во тьме. Сил дальше сражаться с нею у него не было.

Аэлина Ашерир-Галатиния — наследница огня, любимица богини Мэлы Огненицы и законная королева Террасена — находилась сейчас далеко не в подобающей королеве обстановке. Она стояла возле обшарпанной трактирной стойки и внимательно прислушивалась к звукам, долетавшим из «покоев наслаждений». Эти звуки она вычленяла из прочих выкриков, стонов и похабного пения. Заведение, точнее, притон, в котором она находилась, называлось «Склеп», что вполне оправдывало его местоположение. За несколько прошедших лет подземный притон изжевал и выплюнул нескольких владельцев, но сам остался неизменным. Душным, насквозь провонявшим прокисшим элем и немывыми телами и под завязку набитым отбросами общества и преступным людом.

Впрочем, сюда порою тянуло сынков столичной знати и отпрысков богатых торговцев. Но далеко не все, кто бодро спускался по осклизлым ступеням в «Склеп», поднимались обратно, к свежему воздуху и солнечному свету. Причины были разными. Кто-то опрометчиво показывал кошелек, полный золотых или серебряных монет. Кто-то был настолько пьян или самоуверен (иногда то и другое сразу), что думал, будто сможет прыгнуть в яму для поединков и остаться живым. Порою они грубо обходились с местными жрицами любви, обитавшими в каморках с занавесками вместо дверей. «Склеп» преподавал богатым чужакам жестокий урок, и те на всю жизнь запоминали, каких людей по-настоящему ценят хозяева притона.

Аэлина потягивала из кружки эль, недавно налитый потным трактирщиком. Конечно, дешевое, разбавленное водой пойло лишь называлось элем, но, по крайней мере, было холодным. Помимо вони немывтых тел, ноздри Аэлины уловили запах жарящегося мяса и чеснока. Голодный желудок призывно заурчал, но его хозяйка была не настолько безрассудна, чтобы заказывать здесь еду. Во-первых, прежде чем попасть на вертел, это мясо успевало послужить лакомством для крыс, обитавших в окрестных закоулках. А во-вторых, посетителям побогаче в пищу добавляли нечто такое, после чего они очухивались в одном из тех самых закоулков обобранные до нитки. Если вообще очухивались.

Одежда Аэлины была грязной, но достаточно изысканной, а потому привлекательной для воря. Прежде чем сделать первый глоток, она тщательно осмотрела и обнюхала эль. Кажется, без «сюрпризов». Утолить голод ей придется где-то в другом месте. Но вначале нужно выполнить задачу, ради которой Аэлина и спустилась в эту преисподнюю, — узнать о событиях, происходивших в Рафтхале во время ее отсутствия.

Интересно, кто из здешних посетителей так понадобился Аробинну Хэмелу, что тот рискнул назначить встречу здесь? Особенно нынче, когда свирепые караульные в черных мундирах рыскали по городу, словно волчьи стаи.

Мимо одного такого отряда Аэлине удалось проскользнуть. Помогла суматоха, сопровождающая приход корабля в гавань. Но она успела заметить черного дракона, вышитого на мундирах караульных. Черное на черном. Должно быть, адарланский король решил наконец отбросить все декорации и показать свое истинное лицо. Долой красный и золотой — традиционные цвета империи. Теперь главным цветом Адарлана стал черный. Черный символизировал смерть, два Ключа Вэрда, которыми владел король. Черный был и цветом валгов — древних демонов, из которых он теперь создавал свою неодолимую армию.

Думая об этом, Аэлина невольно вздрогнула и залпом допила остатки эля, после чего

поставила опустевшую кружку на стойку. Ее темно-рыжие волосы тускло блестели под чугунной свечной люстрой, свисавшей с потолка.

Из гавани Аэлина поспешила на набережную и довольно скоро оказалась в пределах Тенюшника. Так назывался столичный рынок, где торговали всем, что душе угодно, включая и контрабандные товары. Аэлина купила брусок краски для волос, добавив несколько серебряных монет за то, что торговец разрешил ей воспользоваться каморкой в недрах его лавки. Через полчаса светлые, еще не успевшие отрасти волосы Аэлины стали темно-рыжими. Если караульные ждали ее возможного возвращения в Рафтхол, они наверняка высматривали девушку с золотистыми волосами. В том, что караульные, да и не только они, ждали ее возвращения, Аэлина не сомневалась. Уже несколько недель, как до Рафтхола дошло известие, что королевская защитница не сумела выполнить порученное задание — убить вендалинскую королевскую семью и похитить чертежи оборонительных сооружений.

Аэлина заблаговременно — еще два-три месяца назад — предупредила о надвигающихся бедах короля и королеву Эйлуэ. Они успели подготовиться. Но оставался еще один человек, которому грозила опасность. Ей нужно было обязательно повидать этого человека и только потом приступить к осуществлению своих замыслов. Он лучше, чем кто-либо, сумел бы ей объяснить и то, почему гавань наводнена солдатами в черных мундирах и почему город стал менее шумным, зато более напряженным. Едва сойдя на берег, Аэлина сразу же ощутила состояние подавленности, владевшее людьми.

Если где и узнавать о судьбе командира королевских гвардейцев, то «Склеп» был для этого самым подходящим местом. Достаточно лишь подслушать нужный разговор или удачно пристроиться к игрокам в карты. Аэлине повезло: на рынке она заметила Тарна — ассасина, одного из любимчиков Аробинна. Он всегда ходил туда покупать яд для своего ремесла. Оказалось, что им по пути: после Тенюшника Тарн отправился в «Склеп».

Возле заведения Аэлина мельком увидела еще нескольких ассасинов из гильдии Аробинна. Те спускались вниз. Все это неспроста. Если ассасины здесь, значит где-то рядом должен находиться и их хозяин. Так бывало, когда Аробинн встречался с очень важной персоной. Или очень опасной.

Аэлина не вошла следом за Тарном и остальными ассасинами, а еще несколько минут провела на улице, рассчитывая увидеть Аробинна. Должно быть, он появился раньше и уже находился внизу.

Ко входу в «Склеп» подвалила пьяная ватага купеческих сынков. Аэлина спустилась вместе с ними, изо всех сил стараясь не привлекать к себе внимания. Пробравшись к трактирной стойке, она стала наблюдать за залом.

Одетая в темный плащ с глубоким капюшоном, Аэлина оставалась практически незаметной. Если найдется глупец, вздумавший ее ограбить, она тоже проверит содержимое его кошелька, поскольку денег у нее осталось совсем мало.

Аэлина вздохнула. Видели бы ее сейчас подданные! Аэлина, повелительница Неукротимого Огня и она же — ассасин и воровка. Родители и дядя перевернулись бы в могилах.

И тем не менее бесполезных навыков не бывает, в чем Аэлина убеждалась не раз.

Она спросила себе еще кружку эля.

— На твоём месте, девочка, я бы поостерегся столько пить, — послышался рядом насмешливый голос.

Аэлина повернула голову вбок и увидела рядом с собой человека среднего роста. Такое

заурядное, незапоминающееся лицо могло принадлежать кому угодно, в том числе и ассасину. Но у него на поясе висела старинная абордажная сабля. Ее Аэлина помнила отчетливее, чем физиономию владельца. У человека была красноватая кожа, темные глаза-бусинки и густые брови. Кто-то счел бы его простоватым и вполне безобидным малым. Но облик был не более чем маска, под которой скрывался безжалостный и ненасытный убийца.

Аэлина повернулась спиной к залу и облокотилась о стойку, положив руки крест-накрест.

— Здравствуй, Тарн, — небрежно бросила она.

Пару лет назад Тарн был правой рукой Аробинна, его заместителем. Сохранил ли он свое положение в гильдии, Аэлина не знала. Порочный, расчетливый мерзавец, Тарн всегда выполнял у Аробинна самую грязную работу и делал это с редкостным рвением.

— Я так и думала: не пройдет и несколько минут, как кто-то из ищек Аробинна меня вынюхает.

Тарн изобразил искреннюю улыбку. Вышло, как обычно, фальшиво.

— Если мне не изменяет память, это ты всегда была его любимой сучкой.

Аэлина усмехнулась, повернувшись лицом к Тарну. Они с ним были почти одинакового роста. Худощавое телосложение помогало этому ассасину проникать в самые тщательно охраняемые места. Увидев Тарна, трактирщик отошел в дальний угол стойки.

Склонив голову к плечу, Тарн кивнул в затемненное пространство у стены:

— Последний закуток. Он там дожидает заказчика.

Аэлина бросила взгляд в указанном направлении. Обе стены «Склепа» имели ниши, где шлюхи принимали жаждущих. Занавески, прикрывавшие вход, во многих местах были задернуты кое-как. Глаза Аэлины равнодушно скользили по корчащимся в соитии телам, по женщинам с изможденными лицами и пустыми глазами, ожидавшим случая в очередной раз продать свое тело и заработать хоть какие-то деньги в этой зловонной дыре. За ближайшими столиками сидели охранники, сутенеры и любители поглазеть на чужие сокоупления. К нишам примыкало и несколько закутков с деревянными стенками. Их обычно занимали желающие встретиться и поговорить, так сказать, наедине.

Аэлина и без подсказки, руководствуясь собственной интуицией, с самого начала вела наблюдение за этими закутками.

Переборки закутков не доходили до пола, позволяя видеть ножки столов и ноги тех, кто за ними сидел. В самом дальнем закутке, почти тонувшем в сумраке, из-под стола поблескивали дорогие, безупречно начищенные кожаные сапоги. Их владелец сидел, вытянув ноги. Вторая пара сапог — изношенных и грязных — упиралась в пол. Складывалось впечатление, что собеседник Аробинна был готов, в случае чего, дать деру. Или, если он был откровенно глуп, затеять поединок.

В том, что он глуп, Аэлина не сомневалась. Иначе бы он не выставил своего телохранителя на всеобщее обозрение — словно нарочно возвещая всем и каждому, что в последнем закутке происходит важная встреча.

Телохранитель... точнее, телохранительница была худощавой молодой женщиной в плаще с капюшоном. Вооруженная до зубов, она стояла поблизости, прислонившись к деревянному столбу. Ее длинные темные волосы выбивались из-под капюшона. Женщина вела тщательное наблюдение за залом, чем тоже выдавала себя. Ее плащ был без знаков отличия, без эмблем, позволяющих судить о принадлежности тому или иному дому. Последнее не удивляло: ее хозяин на свой манер заботился о секретности переговоров.

Почему-то он посчитал «Склеп» более безопасным местом для встречи с Аробинном. Обычно такие встречи происходили в Башне ассасина или в какой-нибудь неприметной таверне, принадлежавшей Аробинну. Собеседник явно не знал, что Аробинн входит в число крупных совладельцев «Склепа». Достаточно едва заметного кивка — и тяжелая, окованная железом дверь мгновенно закрывается изнутри. И тогда ни собеседник Аробинна, ни телохранительница живыми отсюда не выйдут.

Но оставался вопрос: почему Аробинн согласился встретиться здесь?

Аэлина продолжала смотреть туда, где сидел человек, безжалостно поломавший ей жизнь.

У нее сводило живот, однако она улыбнулась Тарну и сказала:

— Я знала, что тебя водят на не слишком-то длинном поводке.

Прежде чем Тарн успел открыть рот, Аэлина повернулась и пошла к закутку. Она лопатками чувствовала взгляд Тарна и знала, как отчаянно ему хочется рубануть саблей ей по спине.

Не оборачиваясь, она послала Тарну непристойный жест. В ответ послышались ругательства, но даже они были лучше похабной песенки, которую сейчас играли местные музыканты.

По пути Аэлина привычно оценивала каждое лицо. Она сразу видела, где сидят гуляки, где расположилось ворье, а где коротают время оставшиеся без работы ремесленники. Телохранительница заметила ее, и рука женщины скользнула к эфесу меча.

«Тебя это не касается, — мысленно сказала ей Аэлина. — Но давай устрашай. Отрабатывай хозяйские денежки».

Аэлину подмывало посмеяться над телохранительницей. В другое время она бы так и сделала. Но сейчас ее главной целью был предводитель ассасинов. Или то, что ожидало ее в закутке.

Аэлина была вполне готова ко многим неожиданностям, с которыми могла столкнуться, вернувшись в Рафтхол. Готовилась она долго и основательно.

Отплыв из Вендалина, она целый день отдыхала и тосковала по Ровану. После того как она и фэйский принц связали себя кровной клятвой, его отсутствие чувствовалось очень остро. Ее тоска по Ровану была сродни тем странным болям, что иногда появляются в несуществующей руке или ноге, которых человек давно лишился на войне или в силу несчастного случая. Нечто подобное ощущала и Аэлина, хотя даже тоска по своему карранам ^[1] было занятием бесполезным. Узнай об этом Рован, он бы задал ей перцу.

На второй день их разлуки Аэлина раздобыла у капитана корабля перо, чернила и стопку бумаги, щедро заплатив серебром. После этого заперлась у себя в тесной каюте и принялась писать.

В Рафтхале жили двое злодеев, поломавшие жизнь Аэлины и погубившие тех, кого она любила. Она мысленно поклялась, что не покинет адарланскую столицу, пока не увидит их обоих мертвыми.

Страницу за страницей покрывала она своими замыслами, пока у нее не получился список имен, мест и целей. Запомнив каждый шаг разработанной стратегии со всеми вспомогательными шагами и расчетами, Аэлина сожгла листы. Огонь перенес силу написанного в ее кровь. Убедившись, что вся бумага превратилась в пепел, она открыла иллюминатор и высыпала его в ночные океанские воды.

А через несколько недель ее путешествия наступил момент, к которому Аэлина

готовилась заранее, но все равно испытала потрясение. Адарланский берег был уже достаточно близко, когда корабль пересек невидимую границу, и все магические способности Аэлины исчезли. Долгие месяцы она училась владеть магией огня, достигнув совершенства. И вдруг все ушло. Когда гаснет костер, остаются угли. Но в ее жилах не осталось даже маленького магического уголька. И это была пустота иного свойства, отличная от разлуки с Рованом.

Человеческая оболочка давила на нее. Аэлина свернулась клубочком на корабельной койке и стала учиться заново дышать, думать и двигаться без изящества бессмертного существа. Она и не подозревала, насколько привыкла к этому изяществу. Какой же душой она была, если превратила свои магические способности в костыль, в подпорку и позволила себе забыть о возвращении в мир, где магия не действует. Ей наверняка достанется за это от Рована, когда он сам придет в норму. Хорошо, что она велела ему не вступать в адарланские дела и не позволила отплыть вместе с нею.

Аэлина дышала соленым морским воздухом, удивительным запахом мачтовых сосен, из которых был сделан корабль, и напоминала себе, что научилась убивать голыми руками задолго до того, как силой огненной магии научилась расплавлять кости. Чтобы расправиться с врагами, она не нуждалась в дополнительной силе, скорости и подвижности, которыми обладала в своем фэйском облике.

То страшное обучение она прошла у человека, одновременно бывшего ее спасителем и мучителем. Он никогда не называл себя ее отцом, братом или возлюбленным. И сейчас этот человек в нескольких шагах от нее беседовал с важным заказчиком.

Усилием воли Аэлина сбросила напряжение, угрожавшее сковать ее по рукам и ногам. Двигаясь с кошачьей плавностью, она прошла последние двадцать шагов, отделявшие ее от закутка.

Она была почти рядом, когда заказчик Аробинна вдруг вскочил с места, бросил предводителю ассасинов несколько резких фраз и вышел к своей телохранительнице.

Капюшон скрывал его лицо, но Аэлина узнала его походку. Узнала подбородок, чуть выступавший из-под теней капюшона. Его левая рука потянулась к ножнам.

Но возле пояса не было знакомого ей меча с эфесом в виде орла. Не было и черного мундира. Только простая коричневая одежда, покрытая пятнами грязи и крови.

Этот человек не успел сделать и пары шагов, как Аэлина плюхнулась на свободный стул. За столом играли в карты. Трое игроков вопросительно уставились на нее.

Ей было наплевать.

Краешком глаза она видела, как телохранительница указала хозяину на нее.

— Возьмите меня в игру, — сбивчиво попросила Аэлина ближайшего игрока. — Сдайте мне карты.

— Но мы уже добрались до середины кона.

— Тогда со следующего, — сказала Аэлина, откидываясь на спинку стула и опуская плечи.

Меж тем Шаол Эстфол смотрел в ее сторону.

Шаол Эстфол — заказчик Аробинна.

Или ему что-то очень понадобилось от ее бывшего хозяина, если он рискнул сюда прийти.

Что за чертовщина происходила в Рафтхоле, пока ее не было?

Игроки азартно шлепали карты на влажную от эля поверхность стола. Взгляд командира королевских гвардейцев упирался в спину Аэлины. Жаль, она не видела его лица, скрытого сумраком капюшона. Вопреки пятнам крови на одежде, Шаол двигался так, словно вовсе не был ранен.

Тревога за этого человека, месяцами не отпускавшая Аэлину, постепенно начинала спадать. Он жив. Но тогда откуда кровь?

Должно быть, он решил, что от нее не исходит никакой угрозы. Шаол подал знак своей телохранительнице, и они направились к трактирной стойке. Нет, к лестнице. Шаол шел легко и непринужденно, чего не скажешь о его спутнице. Та по-прежнему была натянута как струна. К счастью, никто не обратил внимания на их уход, а командир королевских гвардейцев больше не оглянулся.

Аэлина успела довольно быстро пристроиться к игрокам, и потому Шаол вряд ли узнал ее с этими рыжими волосами. Хорошо. Зато она его узнала бы в любом виде и состоянии: идущего, неподвижного, в плаще и без плаща.

Шаол быстро поднимался по ступеням, не оглядываясь, однако его спутница несколько раз обернулась на Аэлину. Что ж это за телохранительница выискалась? Помнится, когда она покидала дворец, в тамошней гвардии не было ни одной женщины. Король придерживался старых и нелепых взглядов, считая войну и охрану исключительно мужским занятием.

Итак, она видела Шаола, но это ровным счетом ничего не изменило. Во всяком случае, пока.

Аэлина сжала кулак, вдруг остро почувствовав, что у нее на правой руке нет кольца, когда-то подаренного Шаолом. Вплоть до этого момента она не замечала разницы.

Перед нею положили засаленную карту.

— Хочешь играть — ставь три монеты серебром.

Карты раздавал крепыщ, весь покрытый татуировкой. Его лысина выразительно качнулась в сторону аккуратной кучки монет, лежавших посередине.

Встретиться с Аробинном... Она никак не думала, что Шаол настолько глуп и безрассуден... Аэлина встала, усилием воли остужая гнев, закипавший в душе.

— У меня — ни гроша. Так что играйте без меня. Удачи.

Вверху хлопнула и закрылась входная дверь. Шаол со спутницей ушли. Видно, Аробинн не собирался им препятствовать.

Усилием воли Аэлина придала лицу выражение безразличия. Но ее по-прежнему удивляло странное совпадение. Встреча Аробинна с Шаолом состоялась не когда-нибудь, а в день ее возвращения в Рафтхол. Очень может быть, что Аробинн нарочно послал Тарна на Тенюшник — в качестве приманки. Не исключено и другое: Аробинн знал о замыслах капитана Шаола и чью сторону он держит. Возможно, Шаол тут вообще ни при чем, и Аробинн просто искал способ вернуть Аэлину под свое влияние.

Искать ответы у самого Аробинна было делом опасным, но такое решение

представлялось Аэлине более разумным, чем выскакать наружу и красться в темноте за Шаолом. Правда, она едва удерживалась, чтобы не поддаться своему порыву. Аэлине вспомнилась их последняя краткая встреча перед ее отплытием из Рафтхола. Раздавленная, опустошенная, она мечтала поскорее покинуть опустылевшую адарланскую столицу.

Но хватит воспоминаний!

Аэлина вошла в закуток и остановилась. Скрестив руки на груди, она смотрела на улыбающегося ей Аробинна Хэмела, предводителя Гильдии ассасинов и ее бывшего хозяина.

Расположившись на жестком стуле, с бокалом вина в руке, Аробинн выглядел точно так же, как в их последнюю встречу. Утонченное аристократическое лицо, шелковистые темно-каштановые волосы до плеч, темно-синий, безупречно пошитый камзол с небрежно расстегнутой верхней пуговицей. Впрочем, и эта небрежность была частью тщательно продуманного облика. Рубашка под камзолом тоже была расстегнута, обнажая шею и самую верхнюю часть загорелой груди. Ни ожерелья, ни цепочки. Левая рука Аробинна была закинута за спинку. Загорелые, испещренные шрамами пальцы барабанили по стулу, отбивая ритм очередной пошлой песенки, которую скверно исполняли местные музыканты.

— Приветствую тебя, дорогая, — промурлыкал Аробинн, и его серебристые глаза вспыхнули даже в сумраке закутка.

Из оружия при нем была лишь изящная рапира у пояса с такой же изящной гардой. Лишь золотая нить, покрывавшая гарду, выдавала богатство этого человека. А своим богатством Аробинн не уступал королям и императорам.

Аэлина уселась на противоположный стул, еще теплый после Шаола. Ее оружие, скрытое под одеждой, впивалось в тело, затрудняя движения. Особенно меч Златинец — тяжелый, с громадным рубином, вставленным в эфес. Древнее легендарное оружие, совершенно бесполезное в тесном закутке. Аробинн предусмотрел и это.

— А ты почти не изменился, — сказала Аэлина, откидывая капюшон. Прошли те времена, когда она говорила Аробинну «вы». — Кого-то жизнь в Рафтхоле губит, но к тебе по-прежнему благоволит.

Так оно и было. В свои без малого сорок лет Аробинн оставался обаятельным, спокойным и собранным. Таким же он был у себя в Башне ассасина в те страшные дни после гибели Саэма.

Аробинну не хватило бы никаких денег, чтобы расплатиться с нею за содеянное.

Предводитель ассасинов оглядел Аэлину с ног до головы. Неспешно. Оценивающе.

— Пожалуй, мне больше нравился твой естественный цвет волос.

— Обычная мера предосторожности.

Аэлина закинула ногу на ногу и тоже неспешно разглядывала своего бывшего хозяина. Никакого намека на то, продолжал ли он носить амулет Оринфа — ее фамильную драгоценность, знак принадлежности к королевскому роду Террасена. Аробинн украл у нее амулет в тот день, когда нашел ее, полуживую, на берегу реки Флурин. Амулет был тайным хранилищем третьего и последнего Ключа Вэрда. Аробинн убеждал Аэлину, что фамильную реликвию она потеряла, упав в воду. Тысячу лет предки Аэлины владели этим амулетом, не подозревая о его силе и не задумываясь, почему Террасен — процветающее королевство, не знавшее потрясений, — было идеалом, на который равнялись королевские дворы других стран. Аробинн, любивший драгоценности, никогда не носил их на шее. Возможно, амулет и сейчас был у него надежно спрятан где-то в Башне ассасина.

— Мне не улыбается снова оказаться в Эндовьере, — сказала Аэлина.

Серебристые глаза вспыхнули. Аэлина едва удержалась, чтобы не выхватить кинжал и не метнуть в Аробинна.

Нет, нельзя поддаваться эмоциям. Слишком многое зависело от этого человека, чтобы убивать его раньше времени. Аэлина немало раздумывала и теперь знала, чего хочет и как этого достичь. Убийство Аробинна перечеркнуло бы ее замыслы. Особенно когда выяснилось, что их с Шаолом что-то связывает.

Наверное, для того Аробинн и заманил ее сюда. Пытается найти способ убедить ее шпионить за Шаолом и... обезопасить собственную шкуру.

— Разумеется, — все тем же мурлыкающим тоном произнес Аробинн, продолжая разговор. — Мне ненавистна сама мысль о твоём возвращении в Эндовьер. Однако должен сказать, что события двух минувших лет не повредили твоей красоте. Ты стала еще более блистательной. Из колючей девчонки превратилась в женщину. Это тебе к лицу.

Аробинн запрокинул голову. Аэлина догадывалась, что последует за этими словами, однако он тут же добавил:

— Или мне следует сказать, что тебе к лицу титул королевы?

Прошло десять лет с тех пор, когда они в последний раз открыто говорили о ее наследии. Тогда Аробинн убеждал ее навсегда забыть о королевском титуле и прежней жизни. Он учил Аэлину ненавидеть и бояться. Иногда, правда, намекал на ее происхождение. Чаще это звучало как угроза, как средство еще прочнее привязать ее к себе. Но Аробинн ни разу не назвал Аэлину ее настоящим именем; даже когда нашел ее на заледенелом берегу и привез в свое гнездо убийц.

— С чего ты взял, что меня привлекает королевский трон? — небрежно спросила Аэлина.

Аробинн столь же небрежно пожал своими широкими плечами:

— Конечно, сплетням доверять нельзя. И тем не менее... Около месяца назад из Вендалина дошло любопытное известие. Рассказывали, как некая королева, считавшаяся не то погибшей в детстве, не то пропавшей, лихо расправилась с легионом адарланских захватчиков. Наверное, наши уважаемые друзья теперь называют ее не иначе как «огнедышащей сукой-королевой».

Услышанное позабавило Аэлину и где-то даже польстило ей. Она знала, что весть о разгроме адарланских захватчиков непременно дойдет до пославшей их империи. Генерала Наррока и троих его помощников — валгских демонов — силой своей магии она сплющила, будто жаб, и превратила в горстки пепла... Удивительно, как быстро весть об этом достигла Адарлана.

— Нынче люди готовы верить во что угодно, — уклончиво сказала Аэлина.

— Конечно, — усмехнулся Аробинн.

На другом конце «Склепа» осатанелая толпа зрителей чествовала победителей боев в ямах. Предводитель ассасинов едва взглянул в том направлении и снова усмехнулся.

Почти два года назад Аэлина стояла в такой же толпе и смотрела, как Саэм, одного за другим, побеждает своих неопытных противников. Он торопился заработать побольше денег, чтобы вместе с Аэлиной навсегда уехать из Рафтхола и от Аробинна. Еще через несколько дней ее затолкали в тюремную повозку с крохотным зарешеченным оконцем и повезли в Эндовьер. А Саэм...

Саэма заманили в ловушку, зверски истязали и убили. Это сделал Рюк Фарран — правая

рука Йона Жайна, тогдашнего главаря преступного мира Рафтхола. С Жайном она расправилась сама, ударив кинжалом в его мясистую физиономию. Что касается Фаррана... Позже Аэлина узнала, что Фаррана убил Сэльв — камердинер и телохранитель Аробинна. Так он отомстил за Саэма. Дальнейшая судьба Сэльва ее не занимала. Возможно, Аробинн сам его прикончил, чтобы выправить отношения между Гильдией ассасинов и новым главарем столичного преступного мира. Еще один долг.

Все мое время. Нужно набираться терпения и ждать.

— Никак ты теперь ведешь дела в этой зловонной дыре? — с плохо скрываемой язвительностью спросила Аэлина. — Или с твоей Башней что-то случилось?

— Иным моим... собеседникам легче встречаться в людных местах, — ответил Аробинн, лениво растягивая слова. — В Башне они чувствуют себя настороженно.

— Должно быть, твой собеседник — новичок в игре, если не настоял на встрече в отдельном помещении.

— Вдобавок он мне не доверяет. Он подумал, что в закутке ему будет безопаснее говорить со мной.

— Похоже, он и про «Склеп» ничего не знает.

Естественно, не знает. Шаол никогда не бывал в этой дыре. Аэлина не рассказывала ему о той поре, когда ей приходилось сюда заглядывать. Было очень много такого, о чем она не рассказывала Шаолу.

— Что ж ты не спросишь меня про этого человека?

Аэлине удавалось сохранять выражение полного безразличия.

— Меня не касаются те, с кем ты ведешь свои дела. Захочешь — сам расскажешь. А нет — так нет.

Аробинн вновь небрежно пожал плечами. Это было частью его игры. Утаить крупицу сведений; важных или пустяшных — значения не имело. Главное — власть над другими. Он любил властвовать.

— Мне хочется о многом тебя расспросить, — вздохнув, признался Аробинн.

— Удивлена, что ты чего-то обо мне не знаешь, да еще признаёшься в этом.

Аробинн уперся затылком в стенку закутка. Сейчас его волосы напоминали свежую кровь. Часть посетителей зала видели его, но, поскольку Аробинн был, по сути, совладельцем «Склепа», здесь он мог не прятать своего лица. Ни у кого, включая и адарланского короля, не хватило бы глупости противостоять Аробинну Хэмелу.

— С тех пор как ты исчезла, дела пошли значительно хуже, — тихо произнес Аробинн.

Исчезла! Можно подумать, она по доброй воле отправилась в Эндовьер — отдохнуть от столичной суеты, а он тут ни при чем. Но Аэлина слишком хорошо его знала. Заманив ее в «Склеп», Аробинн осторожно прощупывал почву, выясняя, на что может рассчитывать. Прекрасно.

Его взгляд скользнул по толстому шраму на ее ладони — знаку ее клятвы, данной Нехемии. Аэлина поклялась на могиле принцессы, что освободит ее родное королевство Эйлуэ.

— Как много новых шрамов появилось у тебя. Мне больно смотреть на них. Сердце сжимается.

— А мне они нравятся, — возразила Аэлина, сказав чистую правду.

Аробинн изменил позу. Намеренно. Он все делал намеренно. Теперь неяркий свет упал на уродливый шрам, протянувшийся от уха до самой ключицы.

— Этот мне тоже нравится, — зловеще улыбнувшись, сказала она.

Теперь понятно, почему он не застегнул камзол.

— Подарочек от Сэльва, — пояснил Аробинн, сделав очередной грациозный взмах рукой.

Напоминание, сделанное мимоходом. Дескать, смотри, девочка, насколько я крепок и опасен. Сэльв был из числа лучших воинов, каких видела Аэлина. Если он погиб в поединке с Аробинном... Тех, кто оставался в живых, можно было пересчитать по пальцам.

— Сначала Саэм, потом я, — сказала Аэлина. — После нас — Сэльв. В какого же тирана ты успел превратиться! Интересно, в Башне еще кто-то остался, кроме Тарна? Или ты расправился со всеми, кто тебе чем-то не угодил?

Тарн по-прежнему ошивался возле трактирной стойки. Еще двое ассасинов сидели за разными столами, делая вид, что пьют эль и пялятся на шлях, но в действительности упорно следили за Аэлиной.

— Смотрю, Мюлен с Крепышом еще живы, — усмехнулась она. — Но они всегда хорошо умели лизать тебе задницу. Трудно представить, чтобы ты порешил и их.

Он тихо засмеялся:

— А я-то думал, мои люди научились не выделяться из толпы. — Аробинн глотнул вина и вдруг предложил Аэлине: — Может, вернешься домой и преподашь им несколько уроков?

Домой. Опять проверка. Опять игра.

— Ты же знаешь, я всегда рада поучить твоих желторотиков. Но на время пребывания в Рафтхоле у меня приготовлено другое жильё.

— И сколько же ты собираешься пробыть в блистательной столице?

— Столько, сколько необходимо, — ответила Аэлина, мысленно добавив: «Пока не получу то, что мне нужно, и не расправлюсь с тобой».

— Что ж, рад слышать.

Аробинн сделал еще пару глотков. Аэлина не сомневалась: вино ему здесь подавали особое. Она могла поклясться пылающим миром темных богов: Аробинн ни за что бы не стал пить разбавленную крысиную кровь, которую в «Склепе» называли вином.

— Однако, учитывая произошедшие события, тебе понадобится задержаться здесь по меньшей мере на несколько недель.

У Аэлины кровь застыла в жилах. Лениво улыбаясь Аробинну, в душе она молилась Мэле и Денне — сестрам-богиням, которых долгие годы считала своими покровительницами.

— Ты ведь наверняка знаешь об этих событиях. Я не ошибаюсь? — спросил он, покачивая вино в бокале.

Мерзавец! Он же сейчас вырывал у нее признание, что ей ничего не известно.

— Не потому ли королевская гвардия теперь щеголяет в этих впечатляющих новых мундирах? — усмехнулась Аэлина, хотя ей было не до шуток.

«Только не Шаол и не Дорин, не Шаол и не Дорин, не Шаол и...»

— Нет, дорогая. Эти люди — всего лишь забавное добавление к разнообразию нашего города. Мои ученики неплохо развлекаются, мучая их.

Аробинн допил вино.

— Хотя готов поспорить на кругленькую сумму, что новый страж короля присутствовал при тех событиях.

Аэлину затрясло, и всю свою силу воли она употребила на то, чтобы внутренняя дрожь

не передалась рукам. Неужели ее замыслы были хороши лишь на бумаге?

— Никто толком не знает, что же случилось в стеклянном замке в тот день, — начал Аробинн.

После всех испытаний, через которые она прошла, после событий в Вендалине, вернуться в этот... Ей сейчас отчаянно доставало Рована. До боли захотелось вдохнуть воздух, пахнувший соснами и снегом, и знать: что бы ни случилось, какие бы страшные новости ни поведал Аробинн, фэйский воин окажется рядом и поможет по кусочкам собрать ее распадающийся мир.

Но Рован был далеко отсюда. Аэлина молилась сестрам-богиням, чтобы судьба никогда не столкнула его с Аробинном.

— Может, изложишь суть? — спросила она. — Я не прочь выспаться.

Она говорила правду. С каждой минутой на нее все сильнее наваливалась усталость.

— Я подумал... учитывая, насколько вы были близки, а также учитывая твои способности... ты могла бы это почувствовать. Или хотя бы услышать. А ведь обвинения, предъявленные ему, весьма серьезны.

Гнида! Затягивая рассказ, Аробинн наслаждался каждой секундой. Если Дорин мертв или покалечен...

— Твой двоюродный брат Эдион заключен в тюрьму по обвинению в государственной измене. Он готовил в Рафтхале мятеж с целью сместить короля и возвести на трон тебя.

Мир остановился.

Остановился, на несколько секунд оттаял и снова остановился.

— Но сдастся мне, ты даже не подозревала о его заговоре, — продолжал Аробинн. — Я невольно думаю, уж не воспользовался ли король всем этим как предлогом заманить некую огнедышащую суку-королеву к адарланским берегам? Через три дня Эдиона должны казнить. Это назначено гвоздем программы на праздновании дня рождения принца. Ну чем не ловушка, а? Если бы я готовил нечто подобное, я бы действовал гораздо тоньше. Но не стоит упрекать короля за поднятый шум.

Эдион. В мозгу Аэлины вихрем понеслись мысли. Как могла, она остановила их поток и сосредоточилась на ассасине, сидевшем напротив. Аробинн никогда ничего не говорил просто так. Значит, нужно искать причину, заставившую его упомянуть об Эдионе.

— С чего это ты решил меня предупредить? — спросила Аэлина.

Эдион схвачен по приказу короля. Эдиона должны отправить на виселицу. Все это — ловушка, расставленная для нее. Все ее замыслы рушились.

Нет. Аэлина и сейчас видела их завершение. Она не откажется от задуманного. Но Эдион... вначале нужно позаботиться о нем. Пусть потом он ее возненавидит, пусть назовет предательницей, шлюхой и убийцей, погрязшей во лжи. Даже если он будет презирать все, что она сделала и кем стала, она должна его спасти.

— Считай это небольшой услугой с моей стороны. — Аробинн поднялся со стула. — Жестом доброй воли и веры.

Аэлина нутром чуяла: помимо доброй воли и веры, тут есть что-то еще. Возможно, это связано с Шаолом.

Она тоже встала и покинула закуток. Она знала: за ними сейчас следили не только прихвостни Аробинна. Они видели, как она вошла, потолкалась у стойки, затем направилась к закутку. Интересно, знает ли об этом Аробинн?

Тот лишь улыбнулся ей с высоты своего роста — он был на целую голову выше Аэлины.

Он нагнулся, и она позволила ему провести рукой по своей щеке. Мозоли на пальцах Аробинна сказали ей, что этот человек по-прежнему много и сосредоточенно упражняется.

— Я не жду, что ты мне поверишь, — произнес он. — И уж конечно, не жду, что ты меня полюбишь.

Только однажды — в те суматошные и трагические дни — Аробинн говорил о любви, признаваясь, что готов любить ее в любой ипостаси. Аэлина собиралась уехать с Саэмом. Аробинн пришел в ее жилище (стремясь к независимости, она заблаговременно купила двухэтажное здание старого склада). Он умолял Аэлину остаться, говорил, что его рассердил ее уход из Башни. Признавался: все, что потом он делал (а делал он весьма гнусные вещи), было вызвано ее безрассудным уходом. Аэлина не знала, какой смысл Аробинн вкладывал в слова: «Я тебя люблю». Она была склонна считать их очередной ложью — особенно после того, как Рюк Фарран одурманил ее, лишив возможности двигаться, и лапал своими грязными руками. А вскоре ее бросили в королевскую тюрьму.

Взгляд Аробинна потеплел.

— Я скучал по тебе, — признался он.

Аэлина отошла.

— Забавное признание. Всю осень прошлого года и зиму нынешнего я находилась в Рафтхале, но ты ни разу не попытался увидеться со мной.

— Мог ли я решиться? Боялся, что ты убьешь меня, едва увидев. Но мне сообщили, что сегодня ты наконец-то возвращаешься. У меня появилась надежда: может... ты передумала. Надеюсь, ты простишь мне... неуклюжий способ позвать тебя сюда.

Еще шаг и поворот. Куча слов о том, как он скучал. А о том, почему он затеял эту игру, — ни гугу.

— У меня были более серьезные заботы, чем вспоминать о тебе и гадать, жив ты или окончил свои дни.

— Разумеется. А сейчас твоя главная забота — Эдион. Ты ведь себе не простишь, если твоего дорогого брата казнят.

У Аэлины бешено заколотилось сердце. Она снова призвала на помощь волю.

— Все, чем я располагаю, — в твоём распоряжении, — продолжал Аробинн. — Эдион находится в королевской тюрьме. Его стерегут днем и ночью. Готов оказать любую помощь, любую поддержку. Ты знаешь, где меня искать.

— Что ты хочешь взамен?

Аробинн опять взглянул на нее, отчего ей стало не по себе. Его взгляд был каким угодно, но только не братским и не отеческим.

— Окажи мне одну небольшую услугу.

В голове Аэлины тревожно загудел колокол. Пожалуй, она охотнее согласилась бы на сделку с валгскими демонами.

— В моем городе обитают странные существа. Они рядятся под людей. Человеческие тела служат им чем-то вроде одежды. Я хочу знать, кто они такие.

Слишком много нитей. Аэлина не знала, за какую тянуть. А они того и гляди перепутаются между собой.

— Поясни.

— Несколько этих... оборотней нынче командуют королевской гвардией. Они беспощадны ко всякому, кто симпатизирует магии или когда-то сам имел магические способности. Каждый день, на рассвете и на закате, подозреваемых казнят. А эти существа...

похоже, они забирают себе силу казненных. Удивлен, что ты их не заметила. В гавани они так и шныряют.

— Для меня они все — чудовища, — сказала Аэлина.

Хорошо Шаол не стал одним из них. Впрочем, это слабо утешало.

Аробинн ждал.

Она тоже ждала.

Аэлина первой нарушила молчание.

— Это и есть моя услуга? Я должна рассказать тебе то, что знаю?

Отрицать собственную осведомленность было бесполезно, равно как и допытываться, откуда он узнал, что ей известно про этих существ.

— Часть услуги.

— Две услуги за одну цену? — фыркнула Аэлина. — Как это на тебя похоже.

— Две стороны одной монеты.

— Король много лет охотился за знаниями, дающими силу и власть. Особенно за древними, — начала она, пристально глядя на Аробинна. — Это позволило ему подавить всю магию на континенте. Затем он стал вызывать в наш мир древних демонов. Они поселялись в телах командиров его постоянно растущей армии. Демонами он управляет с помощью особых колец и ошейников из черного камня. Неудивительно, что демоны способны безошибочно распознавать бывших магов и всех, в ком имелись хотя бы крупинки магических сил.

Аэлина говорила правду, но не всю. Аробинну незачем знать о Знаках и Ключах Вэрда.

— Живя в замке, я сталкивалась с теми, кого король поработил. Демоны, обитавшие в этих людях, делали их сильнее. А в Вендалине я видела королевского генерала, одержимого демоном невероятной силы. Это был демон-принц.

— Наррок, — догадался Аробинн.

Если слова Аэлины потрясли и испугали его, внешне он оставался спокоен.

Аэлина кивнула, подтверждая его догадку:

— Демоны дают силу, но отнимают у человека жизнь. Демон-принц способен высосать из тебя все соки и погубить душу.

Она нервно сглотнула: ей вдруг по-настоящему стало страшно.

— Ты говорил про командиров. У них были ошейники или кольца?

Помнится, на пальцах Шаола она не заметила ни одного кольца.

— Только кольца, — сказал Аробинн. — А в чем разница?

— Чтобы управлять демоном-принцем, нужен ошейник. Кольца предназначены для управления демонами помельче.

— Как ты их убивала?

— Огнем. От демонов-принцев оставались лишь кучки пепла.

— Надо полагать, непростым огнем?

Аэлина кивнула.

— А если не огнем? Как можно убить того, кто носит черное кольцо?

— У меня на глазах одного одержимого убили ударом меча в сердце.

Она помнила, с какой легкостью Шаол тогда справился с Кэйном. Слабое утешение, и тем не менее.

— А тем, у кого ошейник, можно попытаться отсечь голову.

— Что происходит с людьми, в чьих телах поселяются демоны? От них остается лишь

оболочка?

Аэлине вспомнилось лицо Наррока. Генерал умолял его убить. За мгновение до гибели он вновь стал собой, почувствовав освобождение.

— Похоже, что так, — ответила она, не вдаваясь в подробности.

— Поймай мне одержимого и приведи в Башню, — вдруг сказал Аробинн.

— Это невозможно. И потом, зачем тебе одержимый?

— Рассчитываю выудить из него кое-какие полезные сведения.

— Тогда сам и лови! — огрызнулась Аэлина. — А для меня придумай другое поручение.

— Ты — единственная, кто сталкивался с этими существами и не погиб. — Взгляд Аробинна стал жестким и повелительным. — Желательно поскорее, но сроков тебе не устанавливаю. Выполнишь это условие — помогу тебе с освобождением Эдиона.

Столкнуться с валгом, даже не самым крупным...

— Вначале Эдион, — заявила Аэлина. — Мы спасаем Эдиона, а потом я рискну своей шкурой и займусь ловлей демона.

Если Аробинн вдруг узнает, что с помощью украденного амулета он может управлять валгом... Нет, об этом лучше сейчас не думать.

— Конечно, — согласился Аробинн.

Она понимала всю глупость своего следующего вопроса, но не удержалась и спросила:

— Зачем тебе понадобился демон?

— Это мой город. — Голос Аробинна вновь приобрел мурлыкающие интонации. — Замыслы короля меня не особо заботят. Но из-за подобных... нововведений я терплю убытки. И потом, мне надоело слышать карканье ворон, сутками пирующих на трупах казненных.

Что ж, они с Аробинном пришли хотя бы к какому-то соглашению.

— Твои интересы и твои доходы для тебя всегда и везде важнее всего остального.

Аробинн продолжал глядеть на нее глазами отвергнутого возлюбленного.

— Все имеет свою цену.

Он поцеловал Аэлину в щеку. Его губы были мягкими и теплыми. Поборов отвращение, она наклонилась к нему. Аробинн прошептал ей на ухо:

— Скажи, что я должен сделать ради искупления. Я готов ползать по горячим углям, спать на гвоздях, кромсать себя по кускам. Одно твое слово — и я это сделаю. Но позволь мне заботиться о тебе, как прежде... пока безумие не отравило мне сердце. Наказывай меня, пытай, терзай, но не отвергай моей помощи. Согласись на такую малость, и я весь мир брошу к твоим ногам.

У Аэлины пересохло в горле. Отступив на шаг, она взглянула в его привлекательное аристократическое лицо. В глазах Аробинна светилось горе, но за ним скрывался хищник. Она ощущала его почти на вкус. Если Аробинн знал об ее истории с Шаолом и позвал сюда капитана... Для чего? Чтобы ненароком вытянуть сведения? Чтобы проверить ее? Или же это было всего лишь его извращенным способом удостовериться, что он может ею управлять?

— Мне ничего...

— Нет, не торопись, — перебил ее Аробинн. — Не торопись отказываться. Выспись и обдумай на свежую голову. Но до того советую тебе прогуляться по нашим «ароматным» подземельям в юго-восточную часть города. Возможно, там ты встретишь человека, которого ищешь.

Аэлина выслушала это со скучающим выражением лица. Первая оторопь от встречи с

Аробинном прошла, и ей стало легче управлять своим лицом и эмоциями. Аробинн шагнул в зал. Трое его ассасинов сразу же напряглись.

— Если за два года ты столь разительно изменилась, может, и мне тоже было позволено измениться? — спросил он на прощание.

Аробинн стал пробираться к лестнице. Тарн, Крепыш и Мюлен двинулись следом, отставая на шаг. Тарн обернулся и вернул Аэлине ее непристойный жест.

Но Аэлина смотрела только на предводителя Гильдии ассасинов. Элегантная, исполненная силы походка, тело воина, облаченное в одежды аристократа.

Лгун. Опытный, хитрый, коварный лгун.

Аэлину окружало слишком много любопытных глаз, и потому она не стала дотрагиваться до щеки, еще сохранявшей след прикосновения губ Аробинна. И ее ухо тоже еще хранило тепло его дыхания.

Мерзавец. Аэлина бросила взгляд в сторону ям для поединков, посмотрела на грязные занавески ниш, за которыми обреченные женщины торговали собой. Слишком долго владельцы «Склепа» наживались на чужой крови, боли и страданиях. Она почти видела Саэма, выходящего на поединок: молодого, сильного, благородного.

Аэлина поплотнее натянула перчатки. Слишком много долгов ей нужно собрать, прежде чем она покинет Рафтхол и займет королевский трон Террасена. И начнет она незамедлительно. К счастью, сегодня она была настроена произвести кровопускание.

Долго ждать не придется. Либо Аробинн раскроет карты, либо подручные адарланского короля выйдут на тропу, и та приведет их из гавани сюда. Кто-то непременно явится по ее душу, и очень скоро. Неспроста возле входной двери вдруг стало подозрительно тихо. Во всяком случае, эта часть ее замыслов близилась к осуществлению. С Шаолом она будет разбираться потом.

Аэлина взяла со стола медяк из кучки оставленных Аробинном. На одной стороне монеты был выбит профиль жестокого короля, на другой красовался дракон. Аэлина показала язык обеим сторонам и загадала: если орел, Аробинн ее снова предал. Если решка — сюда явятся люди короля. Окованная железом дверь со скрипом открылась. Пахнуло холодным ночным воздухом.

Усмехнувшись, Аэлина подбросила монету.

Монета еще кружилась, когда по ступеням лестницы застучали сапоги четверых солдат в черных мундирах. Все были вооружены до зубов. Когда медяк закончил подпрыгивать и улегся на стол, под тусклым светом блеснуло изображение дракона. Аэлина Галатиния была готова избавить от лишней крови всех, кто встанет у нее на пути.

Эдион Ашерир знал, что ему суждено умереть, и конец неумолимо приближался.

Он не пытался достучаться до богов. Боги и в лучшие дни никогда не откликались на его мольбы.

За годы своей воинской службы, особенно после производства в генералы, Эдион свyksя с мыслью о смерти. Конечно, лучше погибнуть на поле боя, так чтобы о твоём подвиге сложили песню или балладу, которую затем станут рассказывать у очага.

Но о такой его кончине никто не сложит ни песен, ни баллад.

Скорее всего, его казнь сделают частью очередного королевского празднества, дабы позабавить гостей и одновременно нагнать на них страху. Или же король предпочтет дать ему умереть естественной смертью. Сгноит в этой сырой, холодной камере, а заражение крови медленно и верно подточит его здоровье.

Все началось с небольшой раны в боку, полученной три недели назад, когда одно гнусное чудовище выполнило приказ короля и обезглавило Соршу. Прежде чем бросить его в камеру, Эдиона раздели и тщательно осмотрели. К счастью, гвардейцы торопились, и он сумел утаить от них свою рану. Эдион рассчитывал, что умрет от потери крови или от воспаления и король не сможет сделать его пешкой в своей игре против Аэлины.

Аэлина... Скорее всего, король устроит из казни западню, чтобы заманить ее в замок и спровоцировать на попытку спасти двоюродного брата. Эдион твердил своему телу, что должен умереть раньше и разрушить зловещий замысел короля.

Он лишь не ожидал, что воспалившаяся рана причинит ему столько боли.

У Эдиона начался жар, который он всячески скрывал от ухмыляющихся стражников, которые дважды в день приносили пищу и воду. Теперь он уже не бушевал и не ругался, как прежде, а лишь делал вид. Его тюремщики были трусоваты и не решались подойти к нему слишком близко. Они не замечали, что он больше не пытается сломать цепи, едва позволявшие ему сделать несколько шагов по камере. Теперь Эдион вставал исключительно по нужде, а все остальное время валялся на зловонной подстилке. Тюремщики не замечали и этого.

На него хотя бы не нацепили каменный ошейник. В тот страшный вечер, когда все перевернулось вверх тормашками, Эдион видел один такой, лежавший возле королевского трона. Он мог поспорить на любые деньги, что ошейник из черного Камня Вэрда предназначался для сына короля. Эдиону хотелось верить, что тот избрал смерть и не стал отцовским псом, посаженным на цепь.

Эдион повернулся на заплесневелом сене. И сейчас же ребра обожгла боль. С каждым днем ему становилось хуже. Будь он обычным человеком, смерть наступила бы гораздо раньше. Но часть фэйской крови, унаследованной им, упорно вела битву за жизнь Эдиона, не оставляя попыток исцелить его рану. Вскоре и эти попытки прекратятся. Воспаление переборет бессмертную благодать.

Зато как приятно сознавать, что исчадие зла, захватившее адарланский трон, ничего не добьется от своего бывшего «верного генерала» и не сделает его даже косвенным предателем двоюродной сестры. Все эти годы Эдион втайне хранил память о своем прошлом и о тех, кого любил. Осталось недолго. Когда его сокрушенное сердце перестанет биться, он встретится с ними.

Он — воин и потому выдержит все атаки лихорадки, все нападения тошноты и прорывы боли. Еще немного потерпеть, а там явится смерть и позовет за собой.

Эдион очень надеялся, что смерть явится к нему раньше Аэлины.

Аэлина неслась по кривым трущобным улочкам, не позволяя себе даже минутной остановки, чтобы убрать окровавленное оружие в ножны. Это она тоже делала на бегу. Надеяться, что в темноте королевские ищейки не заметят каплю крови, было непозволительно глупо. А значит, нужно запутать след. Ей повезло, иначе этот вечер вполне мог окончиться ее собственным кровопусканием.

Вот когда Аэлина по-настоящему оценила муштру Рована, гонявшего ее по склонам и долинам Камбрианских гор. Она бежала с приличной скоростью, не сбивая дыхания. Голова соображала четко и ясно. На Вендалине ей довелось столкнуться с оборотнями, улепетывать от древних созданий размером с дом и испепелить четверых демонов-принцев. После таких испытаний два десятка солдат, гнавшихся за ней, не очень-то и пугали.

Но головной боли они ей добавили. Еще неизвестно, чем кончится это приключение. Те, кто вломился в «Склеп», ни разу не упомянули имени Шаола. Лица гвардейцев были ей совершенно незнакомы. Зато она сразу ощутила отстраненность, свойственную тем, кто имеет дело с Камнем Вэрда или подпал под его власть. На солдатах не было ни ошейников, ни колец, однако что-то подсказывало Аэлине: перед нею лишь оболочки людей. Все человеческое в них успело сгнить.

Радовало хотя бы то, что Аробинн ее не предал. Но как вовремя он покинул «Склеп»! Всего за считанные минуты до появления солдат. Как ни плутала она после гавани, а королевские ищейки все-таки ее нашли. Возможно, Аробинн устроил ей испытание, пожелав убедиться, сохранила ли она былые способности и навыки. Проверка требовалась ему на тот случай, если она примет условия их сделки. Прорубая — другого слова не подберешь — себе путь к лестнице, Аэлина задавалась вопросом: а признавал ли Аробинн, что весь этот вечер был испытанием и для него? Это ведь из-за нее в «Склеп» явились солдаты. Она представляла, как взбесится Аробинн, узнав о погроме, учиненном в притоне. «Склеп» приносил ему громадный доход.

Доход получали и те, кто некогда истязал Саэма, наслаждаясь каждым мгновением его страданий. В частности, бывший подручный Рюка Фаррана, изрядно разбогатевший на торговле дурманным зельем и женским телом. И надо же ему было сегодня оказаться на пути ее кинжалов. Как опрометчиво с его стороны!

Кровавый разгром, учиненный ею в «Склепе», Аэлина считала еще достаточно милосердным. Будь при ней ее магическая сила, она бы сожгла притон. Но магическая сила покинула ее еще на пути в Рафтхол, а смертное тело, невзирая на месяцы суровых тренировок, постепенно начинало уставать, превращаясь в обузу. Переулок, по которому бежала Аэлина, выходил на широкую улицу. Слишком широкую и открытую.

Она свернула к ближайшему кирпичному строению. К нему примыкала груда ломаных ящиков и прочего хлама. Высота груды была достаточной для задуманного ею маневра. Если все правильно рассчитать, она сумеет подпрыгнуть и достичь оконного карниза.

За спиной Аэлины слышался топот ног и крики. Здорово вымуштровали этих солдат, если они гнались за нею, почти не отставая.

Солдаты, черт бы их побрал!

Аэлина вскочила на ящики и полезла вверх. Вся груда предательски шаталась. Аэлина старалась лезть быстро и точно соизмерять каждое свое движение. Один неверный шаг — и

она рухнет внутрь полусгнившей груды или опрокинет шаткое нагромождение. Ящики скрипели и стонали, но Аэлина упорно лезла, пока не добралась до заветной вершины и не прыгнула оттуда к нависшему карнизу.

Ее пальцы взвыли от боли. Они с такой силой впились в кирпич, что перчатки не уберегли ее ногти, и те сломались. Стиснув зубы, Аэлина подтянулась на руках, выбралась на карниз и влезла в открытое окно.

Она попала в убогую, темную, но на удивление чистую кухню. Сквозь дверь, открытую в узкий коридор, пробивался свет единственной свечи. Голоса ее преследователей звучали все громче. Выхватив кинжалы, Аэлина бросилась в коридор.

В доме, куда она попала, жили люди. Хорошие, плохие — значения не имело. На мгновение Аэлине стало совестно: своим появлением она навлекла беду на ни в чем не повинных жильцов. Но те в случае чего отделаются испугом. А если солдаты доберутся до нее...

Под ногами тряслись и скрипели половицы. Две комнаты, и в каждой кто-то был. Аэлина мысленно выругалась.

Она открыла дверь первой комнаты. Там на грязных подстилках спали трое взрослых. Во второй комнате она увидела двоих спящих. Один проснулся и порывисто сел.

— Лежи! — прошипела Аэлина и бросилась к третьей двери, ведущей на лестницу.

Хлипкий засов был подперт стулом. Аэлина представила, с какой легкостью солдаты вышибли бы не менее хлипкую дверь. Стул она швырнула в коридор. Если солдаты полезут через окно, это хотя бы ненадолго замедлит их продвижение. Затем она отодвинула засов, явно державшийся на соплях. Порывшись в кармане, достала серебряную монету и бросила на пол. Этого должно было хватить на новый замок и починку двери.

На лестнице было совсем темно. Судя по скрипу, деревянные ступеньки порядком сгнили.

Солдаты достигли лестничной двери и теперь барабанили в нее.

Аэлина бросилась наверх. Каждый вдох отзывался острой болью, словно ей в легкие натолкали стекла. После четвертого этажа лестница сузилась и...

Аэлина умела двигаться бесшумно, но сейчас это было ей ни к чему. Солдаты и так знали, где она. Рванув ржавую дверь, она выбралась на крышу. Там она позволила себе немного отдышаться, попутно оглядывая крышу и окрестные улицы. Переулок за ее спиной был слишком широким, улица слева — еще шире. Но придется спускаться в переулок и искать ближайшую сточную решетку.

«Но до того советую тебе прогуляться по нашим „ароматным“ подземельям в юго-восточную часть города. Возможно, там ты встретишь человека, которого ищешь», — вспомнила она слова Аробинна. Аэлина догадалась, кого он имел в виду. Еще один его подарочек, еще один фрагмент их игры.

Обхватив водосточную трубу, Аэлина легко соскользнула вниз. Теперь крики солдат слышались сверху. Они успели вылезти на крышу. К несчастью, Аэлина угодила в лужу, отчетливо вонявшую мочой. Чертыхнувшись, она бросилась бежать, памятуя, что путь ее лежал в еще более зловонный мир.

Увидев сточную решетку, Аэлина остановилась, опустилась на колени и взялась за осклизлый металл. Крышка на удивление быстро поддалась. Аэлина полезла внутрь, стараясь не сорваться со вбитых скоб. Потом, уже изнутри, вернула на место решетку. На ее счастье, сливной колодец не был забит нечистотами. Но снизу уже поднималось густое зловоние, ища

встречи с ее ноздрями. Аэлина стиснула зубы, подавляя рвотные позывы.

Солдаты могли сколько угодно глазеть с крыши. Аэлина как сквозь землю провалилась, что было недалеко от истины.

Аэлина ненавидела подземные сточные каналы.

Да кто их любит? Грязь, вонь, скопище насекомых. Правда, разветвленная сеть зловонных подземелий позволяла очень быстро, а главное, беспрепятственно попасть в любую часть Рафтхола. Конечно, если уметь ориентироваться в этих лабиринтах.

Однако ненависть Аэлины имела совсем другую причину. Как-то Аробинн поручил ей выследить и убить одного человека. Но у того оказался слишком «несговорчивый» телохранитель. Аэлина очутилась в сточном канале, идущем под богатой частью города. Телохранитель знал, что в Рафтхоле время от времени пускают воду из особых хранилищ, промывая таким образом всю сеть сточных канав. Подъем уровня воды грозил Аэлине неминуемой смертью. Единственным спасением было броситься в зловонный поток и плыть, надеясь достичь какого-нибудь колодца и выбраться наверх. И Аэлина плыла по зловонной реке. Когда она наконец достигла колодца, от нее не только выразительно пахло. Какая-то часть зловонной реки очутилась у нее в желудке. Но наверху Аэлину ждало новое испытание: сточную крышку заклинило. А вода меж тем уже поднималась по колодцу, угрожая утопить ее у самой поверхности...

Это граничило с чудом, но поблизости оказался Саэм. Услышав крики Аэлины, он сумел открыть неподатливую решетку и вызволить ее.

Аэлина потом отмывалась несколько дней. А уж сколько раз ее тошнило, не поддавалось счету.

Когда она сейчас ставила решетку на место, у нее дрожали руки. Собрав остатки воли, Аэлина спустилась вниз, на каменный пол. Тьма здесь не была кромешной. То тут, то там сквозь решетки лился неяркий лунный свет.

Перво-наперво Аэлина замерла и стала вслушиваться.

Чтобы попасть в юго-восточную часть города, она двинулась по узкому берегу древнего сточного канала, представлявшего собой одну из главных рукотворных подземных рек. Должно быть, канал прорыли еще во времена Гавина Хавильяра, которому приглянулась река Авери, и он решил построить здесь свою столицу. Аэлина то и дело останавливалась, замирая и вслушиваясь. Похоже, солдаты все же потеряли ее след.

Туннель, по которому она шла, вывел ее к месту, где сходились еще четыре туннеля. Аэлина замедлила шаг, держа руки на эфесах кинжалов. Два первых туннеля были достаточно хорошо освещены луной. Третий был потемнее и пошире. Он вел в сторону королевского стеклянного замка. Но Шаол явно пришел на встречу с Аробинном не отсюда. Четвертый туннель уходил на юго-восток.

И без своего фэйского наследия, позволявшего видеть и чувствовать намного острее смертных, Аэлина поняла: что-то здесь не так. Темнота туннеля не была естественной. Туда не проникал лунный свет из решеток. Из темных недр не доносилось никаких звуков. Даже привычной крысиной возни.

Еще один трюк Аробинна? Или подарок? Аэлина снова прислушалась. Ответом ей была полная тишина. Все негромкие звуки остались у нее за спиной.

Не зная, как поступить, Аэлина расхаживала вдоль черты, где неяркий свет граничил с непроницаемой темнотой. Потом нагнулась, подобрала обломок камня и швырнула во тьму.

Камень исчез бесследно и, что самое удивительное, беззвучно. Никаких признаков его падения в сточный канал или на берег.

— На твоём месте я бы не стала этого делать.

Аэлина обернулась на спокойный женский голос, приготовившись выхватить кинжалы. Голос принадлежал телохранительнице, которую ранее она видела в «Склепе». Та стояла шагах в двадцати позади Аэлины. Лицо, как и в притоне, скрывал глубоко надвинутый капюшон.

Так. Один из той пары — на месте. Что касается Шаола...

Аэлина вынула кинжал и направилась к телохранительнице, впитывая в себя каждую мелочь.

— Кстати, я бы тоже не советовала подкрадываться к тем, о ком ты ничего не знаешь. Особенно в подземельях.

Когда Аэлина подошла достаточно близко, женщина подняла руки. Её изящные ладони были покрыты шрамами. Даже в неяром свете, пробивавшемся сверху, Аэлина заметила её загорелую, а может, смуглую кожу. Если телохранительница Шаола сумела незаметно приблизиться к ней, значит прошла неплохую выучку. Наверное, и владеть оружием обучена. И не наверное, а точно, раз Шаол привел её в «Склеп» в качестве телохранительницы. Но куда исчез он сам?

— Зловонные притоны и зловонные сточные канавы, — усмехнулась Аэлина, доставая второй кинжал. — Какая насыщенная у тебя жизнь.

Женщина оттолкнулась от стены. В тени капюшона качнулись её длинные темные волосы.

— Не всем выпадает милость получать королевское жалованье, госпожа королевская защитница.

Итак, телохранительница знала, кто перед нею. Успела ли она рассказать Шаолу? И все-таки куда исчез он сам?

— Позволь узнать, почему мне нельзя бросать камешки в этот туннель?

— Идем со мной, — не отвечая на вопрос, сказала телохранительница.

— Это не ответ, — усмехнулась Аэлина.

Худошавая женщина подошла ближе. Теперь размытый лунный свет освещал капюшон и её лицо. Привлекательное, хотя довольно суровое. Аэлина прикинула её возраст. Телохранительница была на два или три года старше её.

— За тобой гонятся двадцать королевских гвардейцев, — с оттенком равнодушия сказала женщина. — Они не настолько глупы, как тебе кажется, и очень скоро могут оказаться здесь. Поэтому я предлагаю тебе пойти со мной.

Аэлине очень хотелось послать телохранительницу ко всем чертям, но вместо этого она улыбнулась и спросила:

— А как ты меня нашла?

Собственно говоря, Аэлине было ровным счетом наплевать как. Она старалась прощупать незнакомку.

— Называй это удачей. Я сегодня на дежурстве. Высунула нос на поверхность и увидела, что ты успела завести себе новых друзей. Обычно к тем, кто разгуливает вдоль сточных каналов, мы применяем иную тактику: сначала нападаем, а вопросы задаем уже потом.

— Кто это «мы»? — насмешливо спросила Аэлина.

Женщина молча пошла, но не в пугающую темноту, а по одному из освещенных

туннелей. На кинжалы Аэлины она не обратила никакого внимания. Аэлина сочла это признаком самоуверенной глупости. Или глупой самоуверенности.

— Королевская защитница, я не стану принуждать тебя идти со мной. Решай сама. Если согласишься, узнаешь то, что будет тебе небезынтересно. Но можешь остаться и здесь и дальше бросать камешки, ожидая ответов.

Аэлина обдумала сказанное, вспомнив все, что успела увидеть и услышать за сегодняшний вечер. По ее спине пробежал холодок, однако она спрятала кинжалы в ножны и пошла вслед за телохранительницей.

Пока шли, она старалась успокоиться и собраться с силами. Телохранительница двигалась быстро и даже с каким-то изяществом. Пройдя один туннель, она свернула во второй, а потом в третий. Аэлина отмечала в уме каждый поворот, старалась запомнить характерные особенности.

— Как ты меня узнала? — спросила она.

— Видела в городе. Давно, в прошлом году. Меня немного смутили рыжие волосы, потому я не сразу тебя узнала в «Склепе».

Краешком глаза Аэлина следила за своей провожатой. Возможно, телохранительница и не знала, кем на самом деле является Шаол. Он вполне мог назваться другим именем, хотя эта женщина намекает, будто знает, что нужно Аэлине.

Тем же спокойным, равнодушным голосом телохранительница спросила:

— Гвардейцы гонятся за тобой потому, что узнали тебя? Или из-за того, что ты наконец-то затеяла потасовку в «Склепе»? Тебя же так и тянуло с кем-нибудь сцепиться.

— А ты как думаешь? — вывернулась Аэлина. — Скажи, эти гвардейцы подчиняются капитану Эстфолу?

— Нет. — Женщина негромко рассмеялась. — Эти гвардейцы ему не подчиняются.

Аэлина удержалась от взгласа облегчения, хотя слова телохранительницы породили новый шквал вопросов.

Как назло, она наступила на что-то подозрительно мягкое. Ее передернуло. Телохранительница остановилась перед входом в очередной длинный туннель. Первая половина его освещалась луной, свет которой струился через решетки. Зато вторая половина тонула в неестественной темноте. И тишина. Та же непривычная, зловещая тишина.

— Нам сюда, — сказала телохранительница, достигнув невысокой лестницы.

Дальше проход тянулся не вдоль самого берега канала, а шел на некоторой высоте.

«Ну и дура же ты, если подставила мне спину», — подумала Аэлина, вынимая кинжал.

Они успели зайти достаточно далеко.

Ничего не подозревая, телохранительница столь же изящно поднялась по ступенькам. Аэлина прикинула расстояние до ближайших выходов, затем глубину зловонного потока, лениво текущего по каменному руслу. Чтобы утопить тело, такой глубины хватит.

Аэлина неслышно оказалась за спиной у телохранительницы и обняла ее, словно близкую подругу, приставив к горлу кинжал.

— Изволь уложиться в одну фразу, — прошептала Аэлина, чуть сильнее вдавив лезвие кинжала в шею телохранительницы. — Сумей одной фразой убедить меня в целесообразности сохранить тебе жизнь.

Женщина сошла со ступенек и, надо отдать ей должное, не сделала глупых попыток дотянуться до своего оружия, скрытого под плащом. Учитывая, что Аэлина стояла впритык к ее спине, подобная затея все равно ничего бы не дала. Телохранительница лишь сглотнула, слегка дернув горлом, отчего лезвие еще больше впилося ей в гладкую кожу.

— Я веду тебя к капитану, — сказала она.

Аэлина еще немного усилила нажим на кинжал:

— Твои слова не убеждают мою руку. Ей так и хочется полоснуть кинжалом по твоему горлу.

— Три недели назад капитан сложил с себя обязанности командира королевских гвардейцев и вскоре бежал из замка. Он примкнул к нашему делу. К повстанческой борьбе.

Аэлина ощутила слабость в ногах. У нее подгибались колени.

Похоже, ей следовало включить в «круг своих интересов» не только короля и Аробинна, но еще и мятежников, гордо именующих себя повстанцами. Они наверняка захотят поквитаться с нею за убийство Аркера Фэнна. Этого куртизана, оказавшегося предателем, Аэлина убила прошлой зимой. То, что Шаол примкнул к мятежникам, ничего не меняло.

Эту мысль Аэлина прогнала сразу же, не дав ей разрастись.

— А что с принцем?

— Жив, но по-прежнему в замке, — хрипло ответила женщина. — Этого тебе достаточно, чтобы освободить мое горло от соседства с твоим кинжалом?

Да. И нет. Если Шаол теперь заодно с мятежниками... Аэлина опустила кинжал и отошла, встав в круг лунного света, льющегося сквозь решетку.

Телохранительница резко обернулась. Ее рука скользнула под плащ, схватившись за оружие. Аэлина прищелкнула языком. Пальцы женщины замерли на поблескивающем эфесе.

— Я решила сохранить тебе жизнь, а это — твоя благодарность? — насмешливо спросила Аэлина, откидывая капюшон. — Удивлена, хотя... тут нечему удивляться.

Мятежница — так теперь Аэлина мысленно называла эту женщину — убрала пальцы с эфеса и тоже откинула капюшон. На ее миловидном и в то же время суровом лице не было ни капли страха. Темные глаза внимательно следили за Аэлиной. Кто она? Союзница или враг?

— Объясни, зачем ты здесь, — тихим голосом попросила мятежница. — Капитан говорит, что ты на нашей стороне. Но сегодня в «Склепе» ты почему-то пряталась от него.

— Прежде всего я хочу знать твое имя. — Аэлина прислонилась к сырой стене.

— Мое имя тебя не касается.

— Вот как? — приподняла одну бровь Аэлина. — Ты хочешь получить ответы, но почему-то не спешишь отвечать на мои вопросы. Неудивительно, что он оставил тебя подпирать столб. Трудно играть, когда не знаешь правил игры.

— Я слышала про случившееся той зимой. Ты ворвалась в здание, где скрывались наши, и многих убила. Ты убивала повстанцев, моих друзей.

Невозмутимое лицо женщины — а может, просто маска — слегка вздрогнуло.

— Поэтому мне не очень-то верится, что ты заодно с нами. Прости, но я не могу быть с тобой прямой и открытой.

— По-твоему, я должна была дружески хлопнуть по плечу тех, кто похищает и истязает моих друзей? Или мне нужно было посмеяться, когда я получила записку с угрозой их убить? Может, и того отъявленного мерзавца, зверски убившего мою лучшую подругу, я тоже должна была слегка пожурить и отпустить, а не вспарывать ему брюхо? — Она подошла к женщине. — Прикажешь извиняться за содеянное? Или ползать на коленях, умоляя о пощаде?

Лицо мятежницы оставалось бесстрастным. Возможно, ее хорошо научили владеть собой. А может, она от природы была ледышкой.

— По-моему, мы напрасно теряем время, — усмехнулась Аэлина. — Лучше отведи меня к капитану. Заодно спросишь, каково ему было, когда его скрутили и притащили в ваше логово.

Женщина взглянула в темноту и покачала головой.

— Если бы не твои игры с кинжалом, я бы еще раньше тебе сказала, что мы уже пришли. — Она махнула в сторону темной части туннеля. — Добро пожаловать.

Аэлине вдруг захотелось схватить женщину за плечи и несколько раз хорошенько ударить о грязную влажную стену, показав, что та имеет дело с королевской защитницей. Но в этот момент ее уши уловили чье-то хрипкое дыхание, доносившееся из темноты. Человеческое дыхание. Затем послышались приглушенные голоса.

Аэлина слушала. Судя по шагам, сюда шли люди. Кто-то шепотом требовал поторапливаться. Другой велел успокоиться. Аэлина напряглась всем телом, услышав третий голос:

— У нас всего двадцать минут до отплытия корабля. Шевелитесь!

Этот голос она узнала.

И все же едва удержалась, чтобы не вскрикнуть, когда из темноты появился Шаол Эстфол. Вместе со спутником они вели, а точнее, волокли хромого, отощавшего человека. Еще один мятежник, вооруженный, шел сзади, прикрывая их со спины.

Еще издали капитан увидел Аэлину. Дальше он шел, не спуская с нее глаз.

И не улыбался.

Раненых было двое. Одного тащили Шаол со спутником, второго — еще двое. Их лица Аэлина видела впервые. Процессию замыкали двое мужчин и женщина. Охрана.

Женщину они отпустили едва заметным кивком. Та снова исчезла в темноте.

Остальные молча прошли мимо Аэлины, не опуская оружия. У всех на одежде она заметила пятна крови. Красной и черной, которую знала очень хорошо. И двое тех, в ком жизнь едва теплилась.

Этот взгляд изможденных, опустошенных глаз тоже был ей хорошо знаком, как и пустые, ничего не выражающие лица. На Вендалине она появлялась слишком поздно и не могла помочь жертвам демонов. Однако Шаол со спутниками непонятным образом сумели вырвать этих двоих. У Аэлины свело живот. Значит, мятежница, приведшая ее сюда, следила за безопасностью пути, по которому вели спасенных.

Вопреки предположениям Аробинна, валги обитали не только внутри королевских гвардейцев. Где-то в подземелье прятался демон более высокого ранга. Скорее всего, демон-принц. Вот откуда эта странная темнота и мертвая тишина. Подумав об этом, Аэлина мысленно выругалась. И Шаол был...

Раненый, которого вели Шаол со спутником, больше не мог идти. Его пришлось нести. Чем ближе они подходили к Аэлине, тем отчетливее она видела лицо Шаола. У него была ранена нижняя губа. Из уголка рта сочилась кровь. Они не просто шли сюда. Они пробивались с боем.

— Как все это понимать? — шепотом спросила Аэлина у мятежницы.

— Мне не приказывали давать тебе объяснения.

Аэлина не решилась допытываться. Особенно в присутствии Шаола. Его бронзовые глаза округлились, когда он увидел кровь на плаще Аэлины.

— Ранена? — хрипло спросил он.

Аэлина молча покачала головой... Боги! Боги милосердные. Сейчас, увидев лицо Шаола... Он почти не изменился. То же грубоватое мужское обаяние. Лишь загара добавилось на лице, да и само лицо чуть вытянулось. В остальном это был прежний Шаол. Человек, которого она любила, пока... пока все не начало стремительно меняться.

Аэлина не раз воображала их встречу. Тогда ей казалось, что ее захлестнет поток слов и чувств.

По его щеке тянулся тонкий белый шрам. Шрам, оставшийся от нанесенной ею раны. В ту ночь, когда убили Нехемию, Аэлина набросилась на Шаола, обвиняя его в гибели принцессы.

Наверное, не удержи ее Дорин, она бы тогда убила капитана.

Нынешний Шаол отличался от *того* Шаола. А тот Шаол безоговорочно верил королю, верил в святость присяги и своего долга. Между ним и Аэлиной возникла непреодолимая пропасть. Она не могла ни забыть случившегося, ни простить Шаола.

Нынешнему Шаолу хватило ее жеста. Теперь он смотрел на женщину рядом с Аэлиной. Его разведчицу, докладывающую ему так, словно он был предводителем мятежников.

— Впереди все чисто. Держитесь восточных туннелей.

Шаол кивнул.

— Идите, — сказал он спутникам. — Я вас догоню.

Все это было произнесено с будничной решительностью. Похоже, он и здесь оставался командиром.

Те двинулись дальше, настороженно поглядывая на Аэлину. Мятежница, приведшая ее сюда, стояла не шелохнувшись.

— Несарина!

В устах Шаола ее имя прозвучало как приказ.

Женщина не двинулась с места, продолжая смотреть на Аэлину. Оценивая, словно подсчитывала свои шансы в возможном поединке.

Аэлина лениво улыбалась ей.

— Фелак! — рявкнул Шаол.

Темные, почти черные глаза женщины мгновенно переместились на него. Если фамилия Несарины не выдавала ее происхождения, то миндалевидные, чуть приподнятые в уголках глаза (вдобавок слегка подведенные черным) указывали на Южный континент, откуда происходили ее родители или один из них. Удивительно, что женщина не только не пыталась это скрыть, а, наоборот, подчеркивала, да еще где! На ответственном дежурстве! В Рафтхоле весьма настороженно относились к приезжим, особенно издалека.

Движением подбородка Шаол указал на спины своих удаляющихся спутников.

— Отправляйся в гавань, — распорядился он.

— По соображениям безопасности, кому-то из нас лучше остаться здесь.

Несарина и с ним говорила все тем же ровным, холодным голосом.

— Помоги нашим добраться до гавани, а потом со всех ног беги к себе. Если опоздаешь, гарнизонный командир сразу заметит твое отсутствие.

Несарина смерила взглядом бывшую королевскую защитницу. Аэлина еще раз удивилась ее способности превращать лицо в каменную маску.

— Откуда нам знать, что она не пришла сюда по его приказу?

Аэлина сразу догадалась, о ком речь, и подмигнула Несарине.

— Если бы я сюда пришла по приказу короля, ты, Несарина Фелак, была бы уже мертва.

Ни следа удивления, ни намек на страх. По части ледяной невозмутимости эта женщина могла бы соперничать с Рованом.

— Завтра на закате, — довольно резко произнес Шаол, обращаясь к Несарине.

Она спокойно выдержала его взгляд, замерев, после чего зашагала вдогонку своим товарищам. Ее движения напоминали текущую воду.

— Тебе ведь тоже надо идти, — не своим, каким-то тонким и скрипучим голосом сказала Аэлина. — Им нужна твоя помощь.

Шаол поджал окровавленные губы:

— Я их догоню.

Он не пригласил Аэлину пойти вместе. Может, ей самой нужно было вызваться?

— Вернулась, значит...

Помнится, раньше Шаол стригся коротко. Теперь его волосы стали длиннее и неопрятнее.

— Эдион... Это ловушка.

— Я знаю про Эдиона.

Боги, неужели ей больше нечего сказать?

Шаол отрешенно кивнул:

— Ты... ты изменилась.

— Само собой. — Аэлина потрогала свои крашенные волосы.

— Нет, — возразил Шаол, приблизившись к ней на шаг. — Твое лицо. Твоя поза. Ты...

Он тряхнул головой, глядя во тьму туннеля, где скрылись мятежники.

— Идем со мной.

Аэлина согласилась. Они шли очень быстро, почти бежали. Где-то впереди слышались шаги соратников Шаола.

Аэлине многое хотелось сказать, но усилием воли она загоняла слова обратно. Не сейчас.

«Я люблю тебя», — произнес он в день ее отъезда на Вендалин. Аэлина в ответ могла лишь торопливо сказать, что виновата.

— Вы спасали этих двоих? — спросила она, оглядываясь назад и убеждаясь, что погони нет.

Шаол угрюмо кивнул:

— В Рафтхоле вновь стали охотиться на бывших магов. Их ловят и казнят. Новые гвардейцы короля затаскивают их в туннели и держат там до казни. Эти гвардейцы любят тьму. Похоже, в ней они черпают силы.

Нечто в этом роде Аэлина сегодня уже слышала от Аробинна.

— А почему осужденных не держат в тюрьмах? — удивилась она.

Насколько она помнила, темноты там было вдоволь. Даже для валгов.

— В тюрьмах слишком много посторонних глаз. Гвардейцам не нужны свидетели. Прежде чем осужденные попадут на плаху или на виселицу, из них выжимают все соки.

Аэлину прошиб холодный пот.

— На пальцах гвардейцев есть черные кольца?

Шаол кивнул. У нее замерло сердце.

— Всех вы не спасете. Больше не ходи в туннели. И своим товарищам запрети.

— Так вопрос не стоит, — усмехнулся Шаол. — Мы туда ходим, потому что только мы и способны на это.

К запаху нечистот примешался запах морской воды. Кажется, они были где-то неподалеку от Авери.

— Как понимать твои слова?

— Обычные люди их не интересуют. Гвардейцы их даже не замечают. Но зато они сразу чувствуют тех, в чьем роду были маги. Даже если сам человек никогда в жизни никакой магией не занимался.

Шаол бросил на нее косой взгляд:

— Потому я и отправил Рена на север. Подальше от Рафтхола.

Аэлина едва не споткнулась о камень.

— Рена... Ручейника?

Шаол снова кивнул.

Аэлине показалось, что каменистая почва уходит у нее из-под ног. Рен Ручейник. Еще одно дитя Террасена. Жив. Пока еще жив.

— Из-за Рена мы обо всем этом и узнали, — продолжал Шаол. — Мы проникли в одно их гнездо. Эти... существа смотрели только на него. Меня и Несарину они словно не видели. Мы едва унесли оттуда ноги. На следующий же день я отправил Рена в Террасен — собирать силы местных повстанцев. Видела бы ты, с какой неохотой он уезжал.

Все это было крайне интересно и... граничило с безумием.

— Эти существа — древние демоны. Валги. Они...

— Кормятся силами человека, высасывая его до последней капли. Когда наступает время казни, человека больше нет. Одна оболочка. Ты это хотела сказать?

— Да! — сердито бросила Аэлина. — Только я не нахожу в этом ничего смешного.

В кошмарных снах ей часто снились демоны-принцы. Их руки сладострастно шарили по ее телу. Демоны угощались ею, пировали на ее жизненных силах. Всякий раз она с криком просыпалась, но рядом не было фэйского воина, который напомнил бы ей, что они одержали победу над валгами.

— А я и не шучу, — сказал Шаол. Его взгляд скользнул к Златинцу, висящему у нее на плече. — У тебя новый меч?

Аэлина кивнула. Ее и Шаола разделяло расстояние протянутой руки — и долгие месяцы, когда она то скучала по нему, то ненавидела. Пока выбиралась из пропасти, куда ее толкнул Шаол. И вот она снова с ним... Аэлина крепилась, чтобы не попросить у него прощения. Но не за шрам, оставленный ее кинжалом. За то, что ее сердце, пусть и не до конца, исцелилось и что его, Шаола... в ее сердце больше не было. И вряд ли он когда-нибудь займет там прежнее место.

— Стало быть, ты докопался, кто я на самом деле, — сказала Аэлина, надеясь, что спутники Шаола далеко и не услышат ее слов.

— Я это понял в день твоего отплытия.

Аэлина обернулась. Вгляделась в темноту. Никого.

Шаол не делал попыток ее обнять или хотя бы взять за руку. Мятежники, шедшие впереди, приблизились к небольшому туннелю. Аэлина знала этот туннель. Он вел в гавань. Но не в ту, где Аэлина сошла на берег. В старую, оказавшуюся теперь в труппной части Рафтхола.

— Кстати, мне удалось спасти Быстроногую, — помолчав, сказал Шаол.

Аэлина едва не вскрикнула:

— И где теперь моя собака?

— В надежном месте. Отец Несарины владеет несколькими рафтхольскими пекарнями. Дела его шли так успешно, что он сумел купить загородный дом. Не так далеко от Рафтхола, у подножия холмов. Твою псину тайком переправили туда. Она там прижилась, держит в страхе местных овец. Сама понимаешь, оставить собаку в городе я не мог. Лай выдал бы нас с потрохами.

— Конечно... Спасибо за заботу. А как это дочь землевладельца угораздило примкнуть к мятежникам?

— Тут не все так просто. Несарина служит в городской гвардии. Она поступила туда вопреки отцовской воле. Я знаком с нею не первый год.

Слова Шаола не дали ответа на главный вопрос.

— Ей можно доверять?

— То, что ты говорила о себе, применимо и к Несарине. Если бы она служила королю, мы давным-давно были бы мертвы.

— Согласна.

Аэлина с трудом сглотнула, убрала кинжал и сняла перчатки. Казалось, ей нужно чем-то занять свои руки. Но теперь Шаол увидел, что палец, на котором он привык видеть свой подарок — кольцо с аметистом, — был пуст. Кровь, впитавшаяся в ткань перчаток, запачкала Аэлине пальцы. Красная и черная. От последней исходило зловоние.

Заметив, что кольца больше нет, Шаол поднял глаза на Аэлину. Ей стало тяжело дышать. Подойдя к узкому туннелю, он остановился. Шаол не забывал о своем деле. И Аэлине он позволил пройти ровно столько, сколько считал допустимым.

— Мне надо о многом тебе рассказать, — торопливо сказала Аэлина. — Но вначале мне хочется услышать твой рассказ. Я хочу знать, как ты оказался среди мятежников. О страшных событиях в замке. О Дорине и Эдионе. Словом, обо всем, что происходило здесь без меня.

«И почему сегодня ты встречался с Аробинном, я тоже хочу знать».

Лицо Шаола разом изменилось. Не было даже намек на нежность. А может, ей это лишь показалось? В его взгляде появилась холодная решимость. Аэлина сжалась, приготовившись услышать тяжелые, а то и страшные слова. Но он лишь сказал:

— Давай встретимся минут через сорок в... — Он назвал место на одной из трущобных улочек. — Вначале я должен проводить наших.

Не дожидаясь ее ответа, Шаол трусцой побежал догонять своих спутников.

Аэлина двинулась следом.

Взобравшись на крышу, Аэлина повела наблюдение за пристанью. Шаол со спутниками и спасенными подошли к небольшому судну. Парус на мачте был приспущен. Матросы не решались вставить на якорь. Корабль удерживали канаты, привязанные к полусгнившим береговым тумбам. Мятежники передали раненых в руки ожидающим матросам. Гребцы приналегли на весла, и корабль понесся по темному изгибу реки к устью, где, скорее всего, стояло на якоре другое судно, побольше и понадежнее.

Шаол торопливо говорил с мятежниками. О чем — Аэлина не слышала. Не слышала она и слов короткой перепалки, возникшей между Шаолом и Несариной. Расходились в разные стороны. Шаол двинулся один. Несарина и остальные пошли в противоположном направлении и даже не оглянулись.

Шаол успел пройти не более квартала, когда Аэлина почти бесшумно спрыгнула с крыши. Он даже не дрогнул.

— Этого следовало ожидать.

— Следовало, — подтвердила она.

Стиснув зубы, Шаол молча зашагал туда, где назначал Аэлине встречу.

Аэлина шла рядом, глядя в темные, спящие улицы. Мимо прошмыгнуло несколько отвратного вида уличных мальчишек. Аэлина следила за ними из-под капюшона. Эта шантрапа вполне могла быть на содержании у Аробинна. Если так, вскоре он узнает, что Аэлину видели на некотором расстоянии от ее бывшего дома. Прятаться было бесполезно, да она и не хотела.

Окружающие здания, при всей их ветхости, содержались довольно опрятно. Видно, их жильцы радовались даже такой крыше над головой. Учитывая близость реки, здесь, скорее всего, обитали рыбаки, грузчики с портовых складов. Возможно, и рабы, отпущенные хозяевами на заработки. И что удивительно, ни одного бродяги, сводника или воришки.

Трущобный рай, да и только.

— Мой рассказ будет грустным и тяжелым, — нарушил молчание капитан.

Аэлина слушала не перебивая. Шаол дорожил временем и потому начал рассказывать еще на ходу. Каждое его слово било ей по сердцу.

Аэлина узнала о том, как Шаол познакомился с Эдионом и как их объединило общее

дело. Потом Эдиона арестовали, а Дорина король подверг допросу. Аэлина едва сдерживалась, чтобы не вцепиться в капитана и не крикнуть, почему он так долго оставался глупым и беспечным и не начал действовать раньше.

Когда Шаол дошел до момента казни Сорши, его голос с каждым словом становился все тише, а сами слова давались ему все с бóльшим трудом.

Аэлина мысленно корила себя за то, что так и не удосужилась спросить имя целительницы. А ведь не кто иной, как Сорша, выхаживала ее и после поединка с Кэйном, и после нападения риддерака. Она представляла, что пережил Дорин, когда у него на глазах обезглавили его любимую... Аэлина лишь тяжело вздохнула.

Судьба самого Дорина в чем-то была еще трагичнее.

Шаол рассказал, на какой отчаянный шаг решился принц, чтобы помочь ему выбраться из замка. Дорин пожертвовал собой, открыв перед королем свою магическую силу. К этому моменту Аэлину била дрожь. Она засунула руки в карманы плаща и плотно сомкнула губы, чтобы не вырвалось ни слова.

Но слова звенели у нее в мозгу, складываясь в повторяющиеся фразы.

«Ты должен был бы удалить Дорина и Соршу из замка в тот день, когда король повелел убить рабов. Неужели гибель Нехемии ничему тебя не научила? Или ты думал, что можно победить, не замарав чести, ничем не жертвуя? Как ты мог бежать из замка, оставив Дорина один на один с королем? Как ты мог, как ты мог, как ты мог?»

Глаза Шаола были полны горя, и это удерживало Аэлину от упреков.

Он умолк. Аэлина сражалась со своим гневом и отчаянием. Лишь через три квартала к ней вернулась способность спокойно рассуждать.

Ее гнев и слезы ничего не дадут. Да, ей снова приходится вносить изменения в свои замыслы, но без ущерба самим замыслам. Вначале нужно освободить Эдиона, потом забрать у Аробинна Ключ Вэрда. Все это ей по силам... Аэлина расправила плечи. Окрестности были ей знакомы. Отсюда до ее прежнего жилища рукой подать.

Не туда ли теперь вел ее Шаол? Что ж, у нее, по крайней мере, есть место, где можно спрятаться и отсидеться. А вдруг Аробинн продал ее жилище? Тогда он не преминул бы сказать ей об этом в своей обычной язвительной манере. Или решил сделать ей сюрприз, предоставив возможность самой узнать, что там теперь живут другие люди? Аробинн обожал подобные сюрпризы.

— Значит, теперь ты заодно с мятежниками, — сказала она Шаолу. — Кажется, ты даже стал у них командиром.

— У нас несколько командиров. В мой участок входят трущобы и пристани. Другие отвечают за свои участки. Мы встречаемся часто, но понапрасну стараемся не рисковать. Несарина и еще полдюжины городских гвардейцев помогают мне поддерживать связь с моими бывшими подчиненными. В основном с Рессом и Брулло. Оба изыскивают способы вызволить Дорина. И Эдиона. Но застенки, где держат Эдиона, практически непроницаемы. За потайными туннелями тоже ведется постоянное наблюдение. Вчера мы рискнули сунуться в их логово только потому, что Ресс сообщил нам о важной встрече в замке. Караульных оказалось больше, чем мы предполагали.

Аэлина понимала: в замок ей не проникнуть, если только она не примет помощь Аробинна. Об этом она подумает завтра. Такие решения нужно принимать на свежую голову.

— Что тебе известно о Дорине с тех пор, как ты сбежал?

В бронзовых глазах Шаола мелькнул стыд. Но Аэлина говорила правду. Он

действительно сбежал. Не попытался вырвать Дорина из рук короля.

Аэлину обожгло новой волной гнева. Ей захотелось разбить голову Шаола о ближайшую кирпичную стену. Как он мог столько лет служить такому чудовищу? Неужели он ничего не замечал? Наконец, почему не попытался убить короля, когда тот находился в пределах досягаемости?

Оставалось надеяться, что после всех мучений, через которые провел принца собственный отец, Дорин не утратил способности здраво мыслить. Должен же он понимать, что он не единственный, на кого обрушилось горе. Когда она освободит Дорина и когда он будет в состоянии выслушать ее... тогда она скажет принцу, что понимает его, поскольку когда-то сама пережила страшную трагедию. Но вечное оплакивание Сорши ничего не даст. Жизнь продолжается. Если магия Дорина действует, несмотря на королевский запрет, его помощь может сыграть решающую роль в борьбе с валгами.

— Король не подверг Дорина прилюдному наказанию, — сказал Шаол. — И даже не посадил под домашний арест. Насколько нам известно, принц появляется на различных приемах и торжествах. Близится день рождения Дорина. Нам сообщили, что в качестве подарка король собирается преподнести сыну... казнь Эдиона.

Эдион. Да, Эдион. Двоюродный брат знал, кем она была и кем стала. Но Шаол мог лишь гадать, как поведет себя Эдион, оказавшись лицом к лицу с нею. Не плюнет ли он ей в лицо вместо благодарности за освобождение? Сначала надо Эдиона освободить, а там видно будет.

— Расклад такой, — продолжал Шаол. — За происходящим в замке следят Ресс и Брулло. У нас есть люди, наблюдающие за замком извне. Все сходятся во мнении, что внешне Дорин не изменился, зато изменилась его манера поведения. Он стал холоднее, отрешеннее. Впрочем, чему тут удивляться? Этого стоило ожидать. После того, как Соршу...

— Они не замечали у него на пальце черного кольца?

— Там не кольцо. Там...

Аэлина сжалась. Она почти догадалась и теперь очень не хотела услышать от Шаола подтверждение своей страшной догадке.

— Один из наших утверждал, что у Дорина на шее появилось странное ожерелье из черного камня.

Ошейник из Камня Вэрда!

Какое-то время Аэлина лишь тупо смотрела на Шаола. Ей казалось, будто окрестные дома надвигаются, а под ногами разверзается громадная яма, угрожая поглотить ее целиком.

— Ты что-то побледнела, — сказал Шаол, но не протянул к ней руку.

Сейчас ее лучше не трогать. Аэлина не знала, сумела бы она удержаться и не вцепиться обломанными ногтями ему в физиономию.

Ее разум противился услышанному. То, что случилось с Дорином, было чудовищно. Аэлина до сих пор отказывалась в это верить. Однако страшные события никак не зависели от ее притяия или неприятия.

— Шаол, я даже не знаю, что и говорить. Дорин, Сорша, Эдион... Все это так... неожиданно. Как и то, что мы с тобой стоим вот здесь.

Она обвела рукой ветхие строения.

— Теперь я хочу услышать твой рассказ, — только и ответил Шаол.

Свой рассказ Аэлина начала с террасенских событий десятилетней давности. Потом рассказала о том, что было с нею на Вендалине. Говоря о валгских демонах-принцах, она умолчала об ошейниках. Чувствовалось, Шаолу и так не по себе. Не стала она говорить и про

третий Ключ Вэрда, сказав лишь, что Аробинн похитил у нее амулет Оринфа и что она хочет вернуть семейную реликвию.

— Теперь ты знаешь, что я делала на Вендалине, почему вернулась и чем собираюсь заняться.

Тянулись минуты. Шаол шел молча. Он по-прежнему не улыбался.

Когда же он наконец повернулся к ней и посмотрел в глаза, в его взгляде не было ничего от прежнего Шаола. Его губы оставались плотно сжатыми.

— Значит, ты вернулась одна.

— Да. Я решила, для Рована будет безопаснее остаться на Вендалине.

— Я не об этом, — уже резче произнес Шаол, переводя взгляд на улицу. — Ты вернулась без армии. Без союзников. С пустыми руками.

С пустыми руками!

— Я не знала, чего ты ждал от меня. Ты просто усрал меня подальше от Рафтхола. Если ты рассчитывал, что я вернусь с армией, нужно было прямо об этом сказать.

— Да, я усрал тебя подальше от Рафтхола и от короля. Когда я узнал, кто ты есть на самом деле, я почти не сомневался, что ты останешься у своих вендалинских родственников или вообще переберешься к Маэве.

— Ты никак пропустил мои слова мимо ушей? — раздраженно спросила Аэлина. — Или я недостаточно красочно расписала тебе Маэву? Вендалинские Ашереры у нее на побегушках. Если Маэва не разрешит послать армию, они ни за что не сделают это против ее воли.

— Похоже, ты и не пыталась говорить с родней. Если бы твой родственник Галан решил бы разорвать блокаду...

— Галан тебя не касается. Ты вообще понимаешь, с чем я столкнулась на Вендалине?

— А ты понимаешь, каково нам было оставаться здесь? Пока ты забавлялась магией и любезничала со своим фэйским принцем, ты хотя бы вспоминала, что мы тут остались одни против короля? Побывала бы ты в шкуре Дорина или в моей! Знаешь ли ты, какие зверства каждый день творятся в этом городе? И причиной всего этого вполне могли стать твои вендалинские проделки.

Каждое его слово было как камень, бросаемый в ее голову. С чем-то она еще могла согласиться. Но ее зацепило слово «проделки».

— То жуткое сражение ты называешь проделками?

— Если бы вела себя потише, не упивалась бы своей победой над Нарроком и не кричала бы во всеулышание, что вернешься, возможно, король не позвал бы нас на расправу.

— Ты не смеешь обвинять меня в *его* действиях!

Стиснув кулаки, Аэлина впилась глазами в Шаола. В шрам на его щеке, который всегда будет напоминать ей обо всем, что он сделал и чего она ему не простит.

— Это в каких его действиях я пытаюсь тебя обвинить? — сердито спросил Шаол и зашагал дальше. — Назови хоть одно!

Аэлина отказывалась верить своим ушам. Ну не настолько же они все свихнулись тут за ее отсутствие!

— Назвать? — запальчиво выкрикнула Аэлина. — Как насчет падения королевств, подмятых под себя Адарланом? А как насчет исчезновения магии?

— Что касается второго, тут я полностью уверен в твоей невинности, — процедил сквозь зубы Шаол.

— Как ты сказал? — насторожилась Аэлина.

Его плечи напряглись. Этого ей было достаточно, чтобы понять: Шаол что-то знает об этом, но рассказывать ей не собирается. Наверное, Селене — его прежней подруге и возлюбленной — он бы и рассказал. Но только не Аэлине — королеве Террасена. Неужели он видел в ней угрозу? Во всяком случае, пока было ясно одно: Шаол что-то знал, но делиться своими знаниями с нею не собирался.

— Шаол, что именно ты узнал о магии? — совсем тихо спросила Аэлина.

Он молчал.

— Пожалуйста, расскажи мне.

Он упрямо покачал головой:

— Ни в коем случае. Даже не проси. При твоей непредсказуемости...

«При моей непредсказуемости». Шаолу повезло, что магия здесь не действует. Иначе Аэлина дотла сожгла бы всю эту улицу, дабы показать ему, насколько предсказуемы ее действия.

— Пока меня не было, вы нашли способ освободить магию. И ты знаешь, как это сделать.

Он даже не пытался отрицать.

— Освобождение магии лишь добавило бы хаоса. Все стало бы гораздо хуже. Демонам не понадобилось бы долго выискивать магов и просто людей с магическими способностями. Ох и попиروвали бы они.

— Хорошо. Я расскажу еще кое-что, — сердито прошипела Аэлина. — Думаю, тогда ты пожалеешь о своих словах.

Вокруг них не было никого, однако Аэлина понизила голос до шепота.

— Ожерелье на шее Дорина появилось не случайно. На самом деле это ошейник. И когда я расскажу тебе, каково приходится человеку с таким ошейником, посмотрим, захочется ли тебе дальше утаивать от меня свои сведения и упрекать меня за мои действия на Вендалине.

С каждым ее словом лицо Шаола становилось все бледнее. Где-то в самой глубине души она испытывала от этого злорадное удовлетворение.

— Теперь слушай. Демоны выискивают магов или людей с магическими способностями и кормятся силой их крови. Тех, в ком валгские демоны не могут поселиться, они просто выпивают до последней капли. Или, учитывая новейшие столичные развлечения, просто казнят для устрашения толпы. Казни тоже дают пищу. Демоны обожают лакомиться страхом и отчаянием. Их это пьянит не хуже вина. Демоны низшего ранга захватывают тело смертного человека с помощью черного кольца, надеваемого ему на палец. Но есть и высшие. У них, как и у людей, существует деление на сословия. Что-то вроде своего государства. Их принцы отчаянно рвутся в наш мир. Им нужны смертные тела. Но чтобы управлять человеком, внутри которого обитает демон-принц, колец уже мало. Для таких король припас ошейники. Ошейники из черного камня — Камня Вэрда.

Аэлине показалось, что Шаол перестал дышать.

— Действие ошейников сильнее и страшнее. Ошейники помогают демонам жить внутри человеческого тела и пожирать его силы. Такой демон жил внутри генерала Наррока. В конце сражения генерал умолял, чтобы я его убила. Только так он мог освободиться от власти демона. Я видела чудовищ, которые не приснятся и в страшном сне. Даже они не могли справиться с демонами. Уничтожить этих тварей можно только огнем или отсечением

ГОЛОВЫ.

Шаол молча слушал.

— Учитывая мои магические способности, надеюсь, ты перестанешь упрямиться и расскажешь мне все, что тебе известно. Возможно, только я смогу освободить Дорина. Или оборвать его страдания, если он... до этого доживет.

Последние слова она произносила, содрогаясь от их ужасного смысла.

Шаол покачал головой. Чувствовалось, ему страшно. К страху примешивалось отчаяние. Аэлине тоже стало страшно, пока она не услышала его слова.

— А у тебя не было мысли, что нужно нас предостеречь? — спросил он. — Нам бы тут очень пригодились знания о королевских ошейниках.

Ее словно окатили холодной водой. Аэлина заморгала. Конечно, она могла их предупредить. Могла хотя бы попытаться. Упрек Шаола она обдумает потом. Не сейчас. Сейчас надо думать, что делать дальше.

— Что говорить об этом, когда я уже здесь? Сейчас мы должны помочь Эдиону и Дорину.

— «Мы» осталось в прошлом.

Шаол снял с шеи Глаз Элианы и бросил ей. Амулет блеснул в тусклом свете уличного фонаря. Аэлина поймала его одной рукой, ощутив тепло металла, и тут же спрятала в карман, даже не взглянув.

— Как ты помнишь, Селена, наши пути разошлись. Какое уж тут «мы»?

— Теперь я зовусь Аэлиной, — громко и резко возразила она. — Селены Сардотин больше не существует.

— Ты была и остаешься ассасином. Ты ушла и вернулась, но не раньше чем сочла удобным для себя.

Аэлина едва удержалась от желания разбить кулаком ему нос. Она поступила по-другому. Вытащив из кармана серебряное кольцо с аметистом, Аэлина буквально вдавила подарок Шаола ему в ладонь.

— Зачем ты сегодня встречался с Аробинном Хэмелом?

— Откуда ты...

— Не важно. Я жду ответа.

— Я просил его помочь нам убить короля.

Аэлина даже рот раскрыла:

— Ты никак спятил? Ты так ему и сказал?

— Нет. Но он догадался. Я целую неделю добивался встречи с ним, и только сегодня он уведомил меня, что готов встретиться.

— Знал бы ты, какого дурака свалял, придя на эту встречу.

За разговором они снова остановились, а это даже на пустой улице было опрометчиво. Аэлина двинулась дальше. Шаол поспешил за нею.

— Мне не встретилось других ассасинов, предлагавших свои услуги.

Аэлина открыла рот и тут же закрыла. Потом сжала пальцы на левой руке, а правой стала их разгибать по одному.

— Аробинн не запросит с тебя ни золота, ни прочих благ. Он назовет такую цену, какая тебе и в голову не может прийти. Например, смерть или страдания близких тебе людей.

— Думаешь, я об этом не знал? — усмехнулся Шаол.

— Итак, ты хочешь, чтобы Аробинн убил короля. А дальше? Возвести на трон Дорина?

Вместе с валгским демоном, обитающем у него внутри?

— Я об этом узнал только сейчас. От тебя. Но это ничего не меняет.

— Ошибаешься. Это меняет все. Даже если бы ты сумел снять ошейник с Дорина, нет гарантий, что демон не успел укорениться в нем. И тогда ты заменишь одно чудовище другим.

— Тогда почему бы тебе не поделиться со мной своими замыслами... Аэлина?

Ее имя он произнес едва слышно и явно через силу.

— Ты способен убить короля? Когда дойдет до этого, ты бы смог убить своего короля?

— Мой король — Дорин.

Аэлина удержалась, чтоб не поморщиться.

— Ты жонглируешь словами.

— Он убил Соршу.

— А еще раньше он убил миллионы других.

Ее слова могли звучать и как вызов, и как скрытый вопрос. Шаол не поддался ни на то ни на другое. Он лишь сверкнул глазами.

— Мне надо идти. Через час у меня встреча с Брулло.

— Я пойду с тобой, — заявила Аэлина, оглядываясь на громаду стеклянного замка, высившуюся в противоположной стороне.

Быть может, главный королевский оружейник еще что-то узнал о Дорине. Скорее всего, ей придется позаботиться о принце, ее верном друге. Но при мысли о том, чем может обернуться ее забота, у Аэлины заледенела кровь.

— Никуда ты не пойдешь, — отрезал Шаол. — Иначе мне придется отвечать на множество вопросов. Я не стану рисковать жизнью Дорина ради удовлетворения твоего любопытства.

Некоторое время они еще шли вместе. Затем Аэлина свернула за угол, бросив ему:

— Делай что хочешь.

— А ты-то сама что собираешься делать? — спохватился Шаол.

В его голосе она уловила изрядное подозрение. Замедлив шаг, Аэлина обернулась:

— Много чего. Жуткие вещи.

— Если ты нас выдашь, Дорин...

Аэлина презрительно фыркнула:

— Ты же отказался поделиться своими сведениями... капитан. Потому и я придержусь своим.

Она пошла в сторону своего прежнего жилища.

— Я больше не капитан, — крикнул ей вдогонку Шаол.

— А где же твой знаменитый меч? — спросила Аэлина, снова замедляя шаг и оборачиваясь к нему.

Глаза Шаола были пустыми и потухшими.

— Потерял, — коротко ответил он.

— Значит, теперь ты — герцог Шаол?

— Просто Шаол.

Ей даже стало его жаль. Наверное, не стоило говорить с ним в таком тоне. Но каким бы сладким и нежным ни был голос, горькая правда останется горькой.

— Пойми, вам Дорина не спасти. Или... вами будет править демон в его обличье.

Шаол выругался.

— Вы бы лучше поискали других претендентов на трон.

— Хватит!

Глаза Шаола пылали. У него сбивалось дыхание.

Аэлина поняла, что сказала достаточно и нужно себя обуздать.

— Если ко мне вернуться магические способности, я помогу Дорину. Поищу способы избавить его от демона.

Но скорее всего, магия убьет принца. Только об этом она пока помолчит. Перво-наперво ей нужно увидеть Дорина собственными глазами.

— И что потом? — спросил Шаол. — Возьмешь весь Рафтхол в заложники, как в Доранелле? Спалишь всякого, кто не согласен с тобою? Или вообще испепелишь все наше королевство из мести за прошлое? И ты такая будешь не одна. Найдутся и другие, кто пожелает свести счеты с Адарланом. — Он с горечью усмехнулся. — Наверное, нам здесь лучше жить без магии. Магия не делает честнее отношения между смертными.

— Честнее? А что, без магии ты много честности видишь вокруг?

— Магия делает людей опасными.

— Насколько помню, магия не раз спасала тебе жизнь.

— Да, — выдохнул Шаол. — Вы с Дорином. За это я вам очень благодарен. Но как уберечься от злонамеренного мага? Железом? Не ахти какая преграда. Это ты тоже знаешь. Если магия вырвется на свободу, вместе с нею вырвутся и чудовища из неведомых миров. Кто их остановит. Кто остановит тебя?

Последние слова были будто удар ледяным копьём в сердце.

Она... чудовище.

Однажды Аэлина видела ужас и отвращение на лице Шаола. Это было в ином мире, где она приняла свое фэйское обличье и вызвала огонь, спасая его и Быстроногую. Конечно, безрассудное применение магии чревато большими бедами. Но чтобы поставить ее на одну доску с чудовищами...

Лучше бы Шаол ее ударил.

— Значит, Дорину разрешено пользоваться магией. Его магические силы тебя не пугают. А мою силу ты считаешь... угрозой? Получается, я ничем не отличаюсь от демонов?

— Дорин не убил ни одного человека. Дорин не расправлялся с Аркером Фэнном в подземелье. Даже такого мерзавца, как Могила, он не истязал и не резал по кускам. Дорин не устраивал бойню в Эндовьере, где счет убитых шел на десятки.

Аэлина попыталась отгородиться невидимой стеной из льда и стали. Все, что находилось по другую сторону, качалось и рушилось.

— Я не в восторге от своего прошлого, но и постоянно оглядываться назад я тоже не могу.

Она стиснула зубы. Раньше она, не раздумывая, схватилась бы за оружие. Ей и сейчас этого хотелось, но она не собиралась оглядываться назад.

— Я буду у себя. Если в твоих мозгах наступит просветление, появляйся. Пока что они у тебя прочно застряли в заднице. Спокойной ночи.

Не дожидаясь его ответа, Аэлина повернулась и быстро пошла прочь.

Шаол стоял в комнатке обветшало́го дома, который вот уже три недели служил штаб-квартирой его отряду. Письменный стол был завален картами и стратегическими разработками, касавшимися замка. Он старался собрать как можно больше сведений о

порядке смены караула и о нынешних привычках Дорина. Встреча с Брулло оказалась впустую потраченным временем. Шаол в очередной раз услышал, что поступил правильно, когда ушел с королевской службы и отринул все, касающееся стеклянного замка. Невзирая на протесты Шаола, главный королевский оружейник по-прежнему называл его капитаном.

Через три дня после бегства из замка Брулло сам разыскал Шаола и сказал, что готов стать его глазами среди стеклянных стен.

«Сбежал» — так оценила его действия Аэлина. Она умела бить словами.

Сегодня он видел королеву — огненную, неистовую и весьма жестокую. Он заметил ее в первое же мгновение, как выбрался из тьмы, порожденной валгскими демонами. Замерев, словно хищница, она стояла рядом с Несариной. Ее плащ был покрыт грязью и забрызган кровью, что не удивило Шаола. Его удивило лицо Аэлины — загорелое и повзрослевшее. От нее веяло спокойствием и силой. Казалось, пребывание на Вендалине изменило не только ее душу, но и весь облик. А потом он увидел пустой палец, на котором прежде было надето подаренное им кольцо...

Шаол вынул кольцо и подошел к очагу. Ему не составило бы труда разжечь огонь и швырнуть кольцо в пламя. Но вместо этого Шаол вертел кольцо между пальцами. Серебро успело потемнеть и покрыться многочисленными царапинами.

Да, Селены Сардотин больше не существовало. Женщины, которую он любил... Возможно, она утонула в безбрежном и беспощадном к кораблям океане, что разделял этот континент и Вендалин. Возможно, погибла в сражении с демонами-принцами. А может, все это время он сам был отъявленным глупцом, искавшим оправдания ее ремеслу. На самом деле будничность и хладнокровие, с какими она убивала, должны были вызывать лишь отвращение.

Она и в подземелье явилась со следами чужой крови. Прежде чем встретиться с ним, она убила немало тех, кто лично ей не сделал ничего плохого. Они просто мешали ей двигаться к цели. Она даже не потрудилась смыть кровь. А может, не замечала.

На Вендалине она взяла в огненное кольцо целый город и вызвала страх у фэйской королевы. Никому не позволено обладать такой силой. Если за то, что фэйская королева приказала высечь ее дружка, Аэлина могла сжечь целый город... Каких бед ждать от нее империи, десять лет назад захватившей ее королевство? Какой будет месть за убитых и поработанных соотечественников?

Он ни за что не расскажет ей о способах освобождения магии. А если и расскажет, то не раньше чем убедится, что у нее нет намерений сжигать Рафтхол дотла.

В дверь дважды постучали. Шаол знал, кого сейчас увидит.

— Несарина, ты сейчас должна находиться на дежурстве, — вместо приветствия сказал Шаол.

Несарина с кошачьей ловкостью проскользнула в комнату. Все три года, что они были знакомы, она ни разу не изменила своей манере двигаться бесшумно и грациозно. В свое время, потрясенный предательством Литэны, Шаол искал забвения и утешения. Несарина заинтриговала его, причем настолько, что он все лето делил с нею постель.

— Мой командир пьян, а его руки несут караул под юбкой очередной трактирщицы, которая сейчас хихикает у него на коленях. Можешь быть спокоен: меня он еще долго не хватится.

Когда Литэна променяла его на Рулана Хавильяра — двоюродного брата Дорина, — Шаол действительно нуждался в утешении и забвении. Несарина просто скучала. Она была

необременительной любовницей: никогда не выискивала его сама и не спрашивала о новой встрече. Выбор времени и места всегда принадлежал ему. Они встречались в тавернах, в комнатенках над тавернами, а то и просто в переулках. Постепенно он забыл коварную Литэну и вновь почувствовал вкус к простым радостям жизни. В самом начале осени они с Дорином отправились в Эндовьер. Встречи с Несариной прекратились сами собой. По возвращении в Рафтхол Шаол не делал попыток возобновить их свидания. Дорин и Аэлина ничего не знали об этой женщине. И когда три недели назад, на одном из собраний мятежников, он вдруг столкнулся с Несариной, она повела себя так, словно они расстались только вчера. Ни малейшей обиды, ни слова упрека.

— Такое ощущение, что тебе сегодня крепко вдарили по яйцам, — наконец сказала Несарина.

Шаол сердито посмотрел на нее. Но поскольку она попала в точку и он снова чувствовал себя сокрушенным и выбитым из колеи, он рассказал Несарине все — в том числе и то, кто нанес ему удар ниже пояса.

Несарине он доверял. За три недели, что они вместе сражались, выстраивали стратегию действий и просто выживали, он ни разу не заподозрил ее в двойной игре. Рен ей тоже доверял. Но даже Рену, когда тот уезжал, Шаол не раскрыл тайну Селены. Возможно, стоило рассказать. Знай он, что все так повернется, он бы поступил по-иному. Рену было бы полезно узнать, ради кого он рискует своей жизнью. Но Рен сейчас находился далеко. А Несарина заслуживала права знать.

Она слушала не перебивая. Потом взмахнула своими блестящими волосами, напоминающими черный шелк, и сказала:

— Надо же! Королевская защитница и Аэлина Галатиния — одно лицо. Впечатляет.

Шаолу не требовалось предупреждать Несарину, чтобы держала язык за зубами. Это она умела всегда. Не зря он сделал ее своей заместительницей.

— Жаль, я раньше не знала. Я бы расценила кинжал у горла как особую королевскую милость.

Шаол вновь взглянул на кольцо. Расплавить, что ли? Но кольцо стоило денег, а с деньгами у него сейчас было туго. Он и так потратил немало из своих запасов, которые успел сделать в подземной гробнице, когда покидал замок.

А деньги сейчас понадобятся ему острее, чем когда-либо. Ведь Дорин теперь...

Дорин... Прежнего Дорина больше не было.

Селена... Аэлина могла лгать о многом, но ее словам о Дорине он был склонен верить. Как бы он сейчас к ней ни относился, она единственная, кто способен спасти принца. Но если вместо этого она попытается убить Дорина...

Шаол тяжело опустился на стул. Взгляд отрешенно скользил по картам и бумагам. Все это делалось ради Дорина, друга его детства. Спасая Дорина, Шаол спасал и себя. Ему было нечего терять. Кто он теперь? Безымянный клятвопреступник, лжец и предатель.

Несарина шагнула к нему. Она смотрела на Шаола без привычной в таких случаях женской участливости. Он этого и не ждал. Более того, не хотел. В характере Несарины имелось немало кошачьего, однако это не делало ее кошечкой. Зато она, как никто другой, понимала, каково преодолеть отцовское неприятие жизненного пути, который ты выбрал. Но если отец Несарины постепенно смирился с выбором дочери, то отец Шаола... Сейчас он вообще не хотел думать о своем отце. Есть заботы поважнее.

— То, что она говорила о принце... — начала Несарина.

— Это ничего не меняет, — перебил Шаол.

— Похоже, это меняет все. В том числе и будущее Адарланского королевства.

— Не обращай внимания.

Несарина скрестила худощавые руки. Ее худоба была обманчива. Многие противники Несарины убедились, что недооценивали ее. Обычно это происходило в последние секунды их жизни. Не далее как сегодня она кромсала солдата, одержимого демоном, как повара кромсают рыбу на филе.

— Мне кажется, ты не умеешь отделять события твоего прошлого от наших стратегических задач, — сказала она.

Шаол открыл рот, приготовившись возразить. Несарина изогнула бровь (она очень следила за своими бровями) и ждала, что он скажет.

Возможно, он погорячился.

Возможно, ему нужно было рассказать Аэлине о способах освобождения магии.

Но если это погубит Дорина...

Шаол негромко выругался. Пламя свечи на столе задрожало от его дыхания.

Капитан королевских гвардейцев, каким он был когда-то, ни за что не сказал бы Аэлине ни слова. Тот капитан счел бы ее врагом королевства.

Но того капитана больше не существовало. Он погиб в зале с красным мраморным полом. Одновременно с Соршей.

— Ты сегодня здорово сражалась, — вместо ответа сказал он Несарине.

Несарина щелкнула языком.

— Я вернулась, потому что получила важное известие. Через полчаса после нашего ухода из «Склепа» туда вызвали солдат трех городских гарнизонов, — сухо произнесла Несарина. — Ее величество королева Аэлина собственноручно убила немалое число солдат его величества, а также совладельцев этого притона. Попутно она учинила там такой разгром, что если «Склеп» и откроется снова, то очень не скоро.

Боги милосердные!

— Они знают, что это была королевская защитница?

— Нет. Но я решила тебя предупредить. Бьюсь об заклад, погром она учинила не просто так. Наверняка была причина.

Возможно, была. А возможно, и нет.

— Вскоре ты узнаешь ее особенности. Аэлина предпочитает делать то, что хочет и когда хочет, не спрашивая разрешения.

Скорее всего, Аэлина сегодня находилась в паршивом настроении и решила сорвать злость на «Склепе».

— Странно, что в свое время ты связался с такой женщиной. Думать надо было.

— Зато ты у нас прекрасно знаешь, с кем связываться, а с кем нет! Ведь возле каждой пекарни твоего отца стоят толпы кандидатов на твою руку и сердце.

Его слова не блистали оригинальностью, но они с Несариной всегда были довольно резки друг с другом. Вот и сейчас его грубость ничуть ее не задела.

— Потому я и стараюсь ни с кем особо не связываться. Себе дороже.

Вряд ли Несарина родилась такой. Но о причинах ее отчужденности она никогда не рассказывала. Шаол не спрашивал, хотя иногда его снедало любопытство. С самого начала они придерживались правила: не лезть в прошлое друг друга.

По правде говоря, Шаол сам не знал, чего он ждал от возвращения Аэлины.

Но только не такой встречи.

«Ты не сможешь выбирать, что в ней любить, а что нет», — однажды сказал ему Дорин.

Как же его друг был прав. Мучительно прав.

Несарина ушла, не прощаясь.

Рано утром Шаол отправился к ближайшему ювелиру и заложил кольцо, получив взамен горсть серебряных монет.

Аэлине и впрямь было паршиво. Вдобавок она изрядно устала. В таком состоянии она дотащила до своего жилища, устроенного на втором этаже бывшего склада. Снаружи это деревянное здание ничем не отличалось от соседних, таких же непримечательных, как и все дома в здешнем квартале. Купив жилище, Аэлина перебралась сюда из Башни ассасина, только когда полностью расплатилась с Аробинном. Но своим домом она ощутила это место позже, когда заплатила долги Саэма и он поселился вместе с нею.

Их счастье длилось несколько недель. Потом Саэма не стало.

Входная дверь встретила Аэлину новым замком. Пришлось открывать его лезвием маленького кинжала. Войдя на первый этаж, она обнаружила все те же ящики, полные бутылок с чернилами. К ним никто не притрагивался. Лестница, ведущая на второй этаж, была на удивление чистой. Значит, либо Аробинн, либо кто-то другой наведывался сюда в ее отсутствие. Возможно, даже сейчас в комнатах на втором этаже кто-то есть.

Прекрасно. Аэлина не возражала против нового сражения.

Она поднялась на второй этаж и, пряча кинжал за спиной, открыла зеленую дверь. Внутри было темно и пусто. Однако в жилище кто-то прибирался, иначе ее бы встретил запах пыли.

В считанные минуты Аэлина обследовала все комнаты: большую гостиную, кухню, где нашла несколько сморщенных яблок и больше никаких следов чьего-либо проживания, спальню (там все осталось в первозданном виде) и еще одну комнату. Там ее ноздри уловили посторонний запах. Кровать была застелена недостаточно тщательно. На высоком комод лежала записка: «Капитан сказал, что я некоторое время могу здесь пожить. Прости, что той зимой пытался тебя убить. Ты меня явно помнишь; парные мечи были только у меня. Ничего личного. Рен».

Она выругалась. Рен здесь жил? И получается, по-прежнему считал ее королевской защитницей. Когда она ворвалась на заброшенный склад, где мятежники удерживали захваченного Шаола, ей противостоял парень с парными мечами. Только он не дрогнул и сумел оказать ей достойное сопротивление. Да, она очень хорошо помнила Рена.

Теперь он на севере. В относительной безопасности.

Аэлина слишком хорошо себя знала, чтобы понимать: к чувству облегчения, испытываемого ею, примешана и доля ее трусости. В глубине души она побаивалась говорить с Реном лицом к лицу и радовалась, что этого не будет. Интересно, как бы он себя повел, если бы узнал, кто она и как обошлась с жертвой, принесенной Мауриной? Судя по сегодняшнему поведению Шаола, особой радости он бы не испытал. Это еще мягко сказано, учитывая порывистость Рена.

Она вернулась в темную гостиную, зажгла несколько свечей. На громадном обеденном столе, занимавшем половину пространства, все так же стояли ее изящные тарелки. На кушетке и двух креслах с красной бархатной обивкой кто-то сидел, но ничего не запачкал.

Мраморная каминная полка была пуста. Когда-то там стояли часы, которые она разбила

о стену. Поначалу она еще не знала, что Саэм схвачен Рюком Фарраном и его уже истязают. Истязания продолжались долго, а она все это время лишь тупо ждала любимого, утешая себя все новыми объяснениями, и собирала сундуки, готовясь к их отъезду. Теперь сундуки куда-то исчезли. А когда Аробинн явился и сообщил ей о гибели Саэма, она схватила часы и буквально размозжила их.

С тех пор она не бывала в своем жилище. Кто-то убрал осколки. Может, Рен. Или Аробинн.

Ответ она получила, взглянув на одну из многочисленных книжных полок.

Все книги, которые она собирала, готовясь навсегда уехать с Саэмом на Южный континент, снова вернулись на полки. Каждая — на свое прежнее место.

О таких мелочах мог знать только один человек. Только он мог разобрать не до конца собранные сундуки, расставить книги по местам. Это было его тонкой издевкой и молчаливым напоминанием. Дескать, знай: убегать от меня — занятие дорогостоящее. Аробинн предчувствовал: рано или поздно она сюда вернется.

Аэлина прошла в спальню. У нее не хватало смелости проверить, что сделал Аробинн с одеждой Саэма: убрал ли в ящики комода или выкинул.

Усилием воли Аэлина отбросила мысли о прошлом. Она живет и действует в настоящем. И первое, что она сейчас сделает, — это вымоется горячей водой. Очень горячей.

В Башне ассасина вода подогревалась в особом котле и потом по трубам поступала в купальное помещение. Такую роскошь могли себе позволить только очень богатые горожане. Жилище Аэлины находилось в трущобной части города, и потому вся процедура заняла у нее гораздо больше времени. Вначале она приналегла на рукоятку насоса и накачала воду из скважины — тоже большая редкость для здешних домов, где за водой ходили к уличным колодцам. Потом развела огонь под котлом. Пока согревалась вода, Аэлина зажгла свечи. Белые глазурованные плитки на стенах сразу приобрели золотистый оттенок. Теперь можно было раздеться. Аэлина сняла с себя все оружие. Слой за слоем, сбросила перепачканную чужой кровью одежду. Теперь в зеркале над умывальником отражалась ее голая спина, покрытая затейливой татуировкой.

Месяц назад Рован закрыл ее шрамы — следы Эндовьера — причудливой татуировкой-надписью, сделанной на древнем языке народа фэ. Он запечатлел повествования о дорогих ей людях, которых она потеряла, написав, как и при каких обстоятельствах погиб каждый из них.

Больше Ровану не придется добавлять ни одного имени.

Наполнив просторную фаянсовую купель, Аэлина забралась в горячую воду. Ее кожа наслаждалась обжигающим жаром, а сама она думала о пустой каминной полке, которую когда-то украшали часы. Больше она не поставит туда ничего. Возможно, вместе с разбитыми часами тогда оборвалась и ее жизнь.

Вернее, перешла в другое качество — выживание. И главным ее чувством стал гнев.

А может, была еще одна вежа? Нынешней весной, когда она, бездыханная, ничком лежала на земле и трое демонов-принцев пировали на ее горе и страданиях. Но потом она собралась с магическими силами и уничтожила их. Может, вместе с ними сторела вся ее былая боль, вся тьма? Может, на каминную полку встанут другие часы?

Пока что она наверняка знала только одно: на ее спине не появится новых имен.

Жесткой мочалкой она терла себе лицо, отмывая всю грязь и кровь. Потом взялась за тело. Вода становилась все более мутной.

Шаол назвал ее непредсказуемой... Самоуверенный эгоист с ограниченным мышлением. Эгоист, который сбежал в ответственный момент, бросив Дорина. И Дорин, получив черный ошейник, стал рабом собственного отца.

Дорин... Она вернулась, но слишком поздно. Слишком поздно.

Аэлина уткнулась лицом в мочалку, надеясь, что это хотя бы отчасти снимет жжение в глазах. Возможно, уничтожение Наррока на Вендалине было слишком дерзким вызовом, брошенным ею Адарланской империи. Возможно, это она повинна в пленении Эдиона, гибели Сорши и порабощении Дорина.

Шаол сравнил ее с чудовищем.

Что ж... Ради близких и друзей она бы с радостью стала чудовищем. Ради Рована, Дорина, Нехемии она бы, не раздумывая, пошла на любые жертвы, отдала бы даже собственную жизнь. Аэлина не сомневалась, что и они сделали бы то же самое ради нее. Бросив мочалку в воду, она села, прислонившись к стенке купели.

Пусть она чудовище. Но она бы ни за что не оставила Дорина наедине с отцом. Даже если бы Дорин приказал ей бежать. Месяц назад они с Рованом вместе дали бой принцам-демонам. Они тогда могли оба погибнуть, но вместе, не перекладывая тяжесть сражения на плечи другого.

«Ты напоминаешь мне о том, каким мир должен стать и каким он может стать», — однажды сказала она Шаолу.

Лицо Аэлины пылало. Девчонка, которая произносила те слова, отчаянно боролась за собственное выживание. Каждый день мог оказаться последним. И та девчонка не спрашивала Шаола, почему он, не задумываясь, служит исчадию зла, именуемому адарланским королем. Если уж на то пошло, король и есть настоящее чудовище, породившее все беды континента.

Аэлина сменила воду и снова принялась оттирать лицо, волосы и тело.

Она могла простить ту девчонку, что звалась Селеной Сардотин. После года, проведенного в аду, она цеплялась за капитана, как за якорь. Та девчонка видела в нем своего защитника.

Теперь она сама себе защитница. И на ее спине больше не появится ни одного имени.

Наутро, едва проснувшись, она написала Аробинну, что принимает его предложение. Предводитель ассасинов получит валгского демона. За это он поможет ей освободить Эдиона Ашерира, прозванного Волком Севера.

Манона Черноклювая, наследница клана Черноклювых ведьм, владелица славного меча, именуемого Рассекателем ветра, хозяйка боевого дракона Аброхаса и, что важнее всего, главнокомандующая воздушной армии адарланского короля, сидела сейчас за черным стеклянным столом и смотрела на грузного человека напротив. В ней все кипело, но она была вынуждена держать себя в узде.

За те недели, что Манона и половина легиона Железнодорожных находились в Морате — горной крепости герцога Перангтона, — ее отношение к герцогу не стало лучше. И у ее ведьм из отряда Тринадцати — тоже. И потому Астерина, стоявшая у темной каменной стены, держала руки вблизи эфесов своих парных мечей, а Соррель замерла у двери. По той же причине Васта и Линна несли караул за дверью.

Герцог либо не замечал состояния собеседницы, либо не обращал внимания. Он вспоминал о существовании Маноны, лишь когда отдавал ей приказы по части обучения ее воздушного воинства. Все остальное время он был сосредоточен исключительно на армии смертных, стоящей лагерем у подножия гор. От тех смертных очень странно пахло. Интересовали герцога и обитатели подземных пещер, откуда постоянно доносились крики, рев и стоны. Пещеры представляли собой настоящий лабиринт, вырезанный в недрах горы. Манона никогда не спрашивала, кого содержат в этих катакомбах или что там творится. Правда, Тени (так называли ведьм-близняшек ее отряда) передавали ей слухи о каменных алтарях, залитых кровью, и застенках, где темнее, чем в сердце самой Тьмы. Если все это никаким боком не касалось легиона Железнодорожных, Маноне было все равно. Пусть смертные играют в богов.

Сколько Манона помнила, на эти дурацкие встречи Перангтон являлся не один. С ним всегда была красивая черноволосая женщина, которая не отходила от него ни на шаг, словно привязанная к нему невидимой цепью.

Сейчас взгляд Маноны был устремлен на нее, а не на карту. Герцог указывал места, где Железнодорожным надлежит провести воздушную разведку. Кальтэна — так звали эту женщину.

Кальтэна всегда молчала. Ее взгляд упирался в пол. Ее горло было стянуто черным ожерельем, больше напоминающим ошейник. Этот ошейник заставлял Манону держаться подальше. Точнее, запах, что исходил от него. Для ведьм люди вообще пахли не лучшим образом. Но этот запах был каким-то нечеловеческим. А от Кальтэны пахло все сильнее и сильнее. Так пахнет в темных, забытых всеми богами углах. Так пахнет на кладбище, когда там копают землю для могилы.

— На следующей неделе я жду донесений о дикарях, что живут в Белоклычьих горах, — сказал герцог.

Его ухоженные усы цвета ржавчины совсем не вязались с темными, зловещего вида доспехами. Этот человек одинаково уверенно держался на заседаниях королевского совета и на полях сражений.

— Что именно нам искать? — равнодушно спросила Манона, которую утомлял этот разговор.

Она постоянно напоминала себе, какая это честь — быть главнокомандующей и вести в бой армию Железнодорожных. Даже если пребывание в Морате больше смахивало на наказание, а ее бабушка — верховная ведьма клана Черноклювых — до сих пор ничего не сообщала ей о

дальнейших действиях. Но пусть и смертные не забывают: Железнодорожные — союзники Адарлана, а не служанки на побегушках у короля.

Герцог рассеянно поглаживал худенькую руку Кальтэны. Следы многочисленных ссадин, особенно заметных на белой коже, вряд ли были результатом несчастного случая.

И этот широкий красный шрам возле локтя. Припухлость говорила о его недавнем происхождении.

Женщина с удивительным спокойствием относилась к подобным ласкам герцога. Не вздрогнула она и когда его толстые пальцы коснулись шрама. Шрам герцог тоже погладил.

— Мне нужен подробный список их поселений, — сказал герцог. — Численность каждого. Основные перевалы, по которым они ходят через горы. Себя не обнаруживать и в сражения не вступать.

Манона была способна вытерпеть все, связанное с их прозябанием в этой дыре, но только не такой приказ. «В сражения не вступать». Это что же — никаких развлечений? Они не увидят умирающих смертных, не вдохнут ни с чем не сравнимый запах свежей крови?

Помещение, где происходила встреча, имело лишь одно высокое узкое окно. Вид оттуда загораживали многочисленные каменные башни Мората. Маноне было тесно в этой комнатенке; особенно рядом с герцогом и его сломленной женщиной.

— Будет исполнено, — сказала Манона и встала.

— Ваша милость, — произнес герцог.

Манона замерла, встав вполборота к Перангтону.

Глаза у герцога были не совсем человеческими.

— Главнокомандующая, при обращении ко мне следует добавлять «ваша милость».

Манона с трудом сдержалась, чтобы не выдвинуть железные зубы.

— Это для людей вы герцог. Но не для меня. И уж тем более никакая не «моя милость».

Астерица замерла.

Герцог Перангтон громко расхохотался. Кальтэна оставалась бесстрашной, будто не слышала этого разговора.

— Белая демонесса, — произнес герцог, оглядывая Манону с ног до головы.

Его глаза скользили по ней слишком уж смело и нагло. Будь на месте Перангтона кто-то другой, она железными ногтями выцарапала бы ему глаза, позволив немного повопить от боли. А потом железными зубами впицалась бы в горло.

— Иногда я думаю, уж не собираетесь ли вы повернуть вашу армию против людей и захватить нашу империю?

— Для меня бесполезны земли, где живут люди.

Манона сказала ему сущую правду. Им не нужны земли смертных. Другое дело — Западный край, где некогда процветало славное Ведьмино королевство. Но до тех пор, пока не окончится война, затеянная адарланским королем, и пока его враги не будут разбиты, ведьмам не позволят вернуть себе потерянную родину. К тому же проклятие крошанских ведьм, не признающих за ними права на Ведьмино королевство, действует до сих пор. За пятьсот лет кланы Железнодорожных так и не сумели одолеть проклятие последней крошанской королевы. Умирая, та прокляла Железнодорожных, сказав, что они никогда не будут владеть Западным краем.

— Бесполезны, — повторил за Маноной герцог. — И за это я ежедневно благодарю богов.

Он махнул рукой:

— Можешь идти.

Манона смерила его взглядом. Может, убить герцога прямо за столом? Интересно было бы посмотреть, это встряхнет Кальтэну? Но тут она увидела, как Астерина слегка переместила ногу. Своевременное предупреждение, сродни негромкому покашливанию.

Манона молча вышла, оставив герцога наедине с его безгласной любовницей.

Манона шла по узким коридорам Моратской крепости. Рядом — ее заместительница Астерина, а на шаг позади — Соррель. Васта и Линна замыкали процессию.

Из узких, словно бойницы, окошек лились лучи заходящего солнца. Вместе с ним долетали крики, рычание, хлопанье крыльев. И конечно, неумолчные звуки кузнечных молотов, ударяющих по металлу.

В крепости были места, куда ведьм не допускали. Сейчас они как раз проходили мимо одного такого — входа в башню, где обосновался герцог. У темной каменной двери стояло шестеро караульных. Запахи, проникавшие сквозь дверь, казались Маноне острыми когтями, царапающими ей спину. Она и две ее заместительницы старались отойти к противоположной стене. Астерина решила взять реванш и блеснула перед караульными своими железными зубами. Ее золотистые волосы, стянутые на лбу грубым кожаным обручем, красиво переливались в свете факелов.

Но караульные лишь моргнули. У них не перехватило дыхание. Манона понимала: причина такой стойкости вовсе не в выучке солдат. От них тоже исходило странное зловоние.

Манона оглянулась через плечо на Васту. Та ухмылялась каждому караульному и слуге, попадавшимися навстречу. Ее рыжие волосы, кожа кремового оттенка и черные глаза с золотистыми крапинками завораживали большинство мужчин. Такими же замороженными были те, кого Васта избирала для телесных утех. Даже когда пускала им кровь (ей нравилось смотреть, как смертные истекают кровью), они не спохватывались. Но караульные у входа в башню герцога не клюнули и на Васту.

Заметив, что Манона смотрит на нее, Васта вопросительно изогнула темно-рыжие брови.

— Собери остальных, — велела ей Манона. — Настало время охоты.

Васта кивнула и свернула в темный боковой коридор, позвав с собой Линну. Та лишь улыбнулась Маноне и поспешила вслед за Вастой.

Манона с заместительницами поднялись в полуразрушенную башню, где расположился отряд Тринадцати. Днем их драконы восседали на толстых бревнах, торчащих из стен башни. Они дышали свежим воздухом и поглядывали на военный лагерь смертных, развернутый далеко внизу. На ночь драконы заползали внутрь своего гнезда, где их на всякий случай приковывали к стенам.

Это было удобнее, чем запирать драконов внизу, где в вонючих клетках томились остальные животные воздушной армии. Скученность приводила к дракам, порою достаточно свирепым, которые калечили драконов и портили им крылья. Драконы отряда Тринадцати выдержали там лишь одну ночь — первую и последнюю. Аброхас обезумел и едва не разнес клетку. За ним взбудоражились и собратья. Казалось, они разнесут крепость. Через час Манона и ее отряд Тринадцати обосновались в этой башне вместе со своими животными. Похоже, Аброхас тогда рассвирепел даже не из-за тесноты, а все из-за того же запаха.

Здесь, в гнезде, драконов окружали только знакомые запахи. Не все приятные, но настоящие. Странное зловоние сюда не долетало. Не успевало, уносимое ветром прочь.

Под сапогами ведьм поскрипывала солома. Сквозь пролом в крыше долетал свежий ветер. Кровлю проломил дракон Соррели. Латашь пробоину не стали. Пусть драконы дышат воздухом, а Аброхас любителю звездами. Он любил смотреть на звезды.

Посреди помещения, служившего гнездом, стояли корыта с мясом и зерном. Корм приносили люди. Драконы к нему не притрагивались. Служитель, приставленный к гнезду, менял сено. Едва увидев железные зубы Маноны, он опрометью выскочил из помещения. Но остался запах его страха — липкий, как масляное пятно.

— Четыре недели, — буркнула Астерина, поглядывая на бледно-голубую кожу своей драконихи, оседлавшей насест. — Четыре недели мы просто бездельничаем. Зачем нас сюда пригнали? Когда мы начнем воевать?

Куда ни ткнишь — везде ограничения, от которых ведьмы скрежетали железными зубами. Летать им разрешали только в темноте, чтобы никто не узнал о существовании воздушной армии. Добавить к этому странное зловоние, исходящее от смертных, сплошной камень вокруг, кузницы, громаду крепости с насквозь продуваемыми коридорами. Каждый день неумолимо истончал терпение Маноны. Даже горная цепь, на которой стояла Моратская крепость, представляла собой сплошной камень. Здесь почти не ощущалась наступившая весна. Одним словом, гиблое место. Но бабушка хорошо научила Манону держать свои мысли и настроения при себе.

— Мы начнем воевать, когда получим приказ, — сказала она Астерине, любовавшейся закатным солнцем.

Вскоре солнце скроется за зубчатыми пиками, они оседлают драконов и взмоют к небесам.

— А если ты, Астерина, собралась обсуждать приказы или сомневаться в их правильности, я охотно найду тебе замену.

— Ничего я не обсуждаю, — возразила Астерина. Она была способна дольше остальных ведьм выдерживать суровый взгляд Маноны. — Сидим тут, как куры на жердочках, и ждем, когда герцог пошлет нас на очередное никчемное задание. Мы понапрасну растрчиваем свои навыки. Мне иногда так и хочется располосовать его жирное брюхо.

— Астерина, советую тебе воздержаться от таких желаний, — негромко произнесла Соррель.

Вторая заместительница Маноны, смуглая, коренастая и чем-то похожая на стенобитный таран, всегда следила за вспышками Астерины. Если Астерина была огнем, Соррель напоминала прочные каменные стены очага, не позволяющие пламени вырваться наружу. Так у них повелось с самого детства.

— Адарланский король не отнимет у нас драконов. Особенно сейчас, — продолжала неумная Астерина. — Мы вполне могли бы переместиться повыше в горы и устроить лагерь там. Хотя бы не нюхали человеческого зловоние. Нам бесполезно здесь торчать.

Соррель предостерегающе заурчала. Манона слегка качнула подбородком — приказ закрыть рот. Подошла к Астерине почти вплотную.

— Мне еще только не хватало, чтобы этот смертный боров усомнился в надежности моих Тринадцати. Изволь держать себя в узде. И если я услышу, как ты ведешь подобные речи с разведчицами...

— Неужели ты думаешь, что я сплетничаю с подчиненными о начальстве? — удивилась Астерина, щелкнув железными зубами.

— Я думаю, что ты... что все мы устали торчать в этом дерьмовнике. Отсюда невольное

ослабление бдительности. А у тебя есть склонность сначала выпаливать то, что на уме, и лишь потом думать о последствиях.

Астерина всегда была такой. Манона ценила ее неукротимость, поэтому сто лет назад и сделала своей первой заместительницей. Огонь Астерины, камень Соррели и... лед Маноны.

Солнце почти село. В гнезде появлялись остальные ведьмы отряда Тринадцати. Едва взглянув на Манону и Астерину, они благоразумно отводили глаза. Васта даже пробормотала молитву Трехликой богине.

— Я всего лишь хочу, чтобы Тринадцать... чтобы все Черноклювые завоевали славу на поле боя, — сказала Астерина, по-прежнему выдерживая взгляд Маноны.

— Обязательно завоюем, — пообещала Манона, нарочно произнеся это громко, чтобы слышали остальные. — А пока держи себя в рамках, иначе останешься на земле, пока я не сочту тебя достойной снова летать с нами.

Астерина опустила глаза:

— Главнокомандующая, твоя воля — моя воля.

В устах другой ведьмы, даже Соррели, эти слова прозвучали бы вполне нормально. Казалось бы, уместный, почтительный ответ. Однако никто из остальных ведьм отряда Тринадцати не осмелился бы произнести их с таким выражением, как Астерина.

Манона стремительно повернулась. Настолько стремительно, что Астерина не успела отступить. Пальцы Маноны обхватили горло двоюродной сестры. Железные ногти впились в нежную кожу под ушами.

— Должна напомнить тебе, Астерина, что самовольный выход из строя не прощается никому. — Ногти Маноны вонзились глубже, и по золотистой коже Астерины покатались капельки голубой крови. — Ты не исключение.

Манона словно забыла, что они целый век сражались бок о бок, что Астерина была ее ближайшей родственницей и ожесточенно защищала право Маноны стать наследницей верховной ведьмы. Манона была готова сбросить Астерину с пьедестала и опустить до состояния полного ничтожества. Все это провинившаяся прочла в глазах главнокомандующей.

Взгляд Астерины задержался на кроваво-красном плаще Маноны. Этот плащ бабушка Маноны приказала внучке взять у пойманной крошанской ведьмы. Но прежде Манона перерезала крошанке горло. Это было на Омаге, когда отмечали вступление Маноны в должность главнокомандующей воздушной армии. Красивое лицо своевольной Астерины похолодело.

— Я поняла, — тихо сказала она.

Манона разжала пальцы, стряхнула с ногтей кровь Астерины и повернулась к ведьмам отряда Тринадцати. Те застыли возле своих драконов.

— Вылетаем. Незамедлительно.

Аброхас занимал почти весь насест. Для Маноны оставалась узенькая тропка. Один неверный шаг, и она рискует отправиться в последний полет, из которого уже не вернется. Отогнав пугающую мысль, Манона полезла в седло. Аброхас ерзал под нею и дергал спиной.

Внизу перемигивались огни бесчисленных армейских костров. Ветер поменял направление и теперь приносил на вершину башни удушливый дым кузниц, который заслонял любимое Аброхасом звездное небо. Дракон сердито зарычал.

— Знаю, что ты проголодался, — сказала Манона. — Я сама голодная.

Она приладила особую повязку, защищавшую глаза от ветра. Проверила стропы, которые надежно удерживали ее в седле. Астерина и Соррель уже оседлали своих драконов и теперь смотрели в ее сторону, ожидая сигнала к вылету. Раны на шее двоюродной сестры успели затянуться.

Чтобы подняться в воздух, драконам вначале требовалось камнем упасть вниз, некоторое время лететь мимо остроконечных скал и только потом, когда откроется просвет, вырваться на простор и набрать высоту. Возможно, для того эти смертные дурни и поставили условие, чтобы каждая всадница на своем драконе совершила перелет с одного склона Омаги на другой. Это было необходимое упражнение, чтобы моратские кручи не сделались помехой. Благодаря приобретенным навыкам, драконы могли взлетать даже с нижних ярусов крепости.

В лицо Маноны ударял холодный, зловонный ветер, набиваясь в нос. Из недр соседней горы донесся хриплый, умоляющий крик, потом все стихло. Пора вылетать. Даже если охота не принесет им пищу, провести несколько часов вдали от зловония смертных — и то благо.

Ноги Маноны сжали чешуйчатые, покрытые шрамами бока Аброхаса. Его крылья, подлатанные паучьим шелком, отражали свет солдатских костров и казались золотистыми.

— Полетели, Аброхас, — шепнула Манона.

Дракон шумно вздохнул, плотно сложил крылья и камнем упал с насеста.

Он любил это делать, кувыркаясь в воздухе, словно смертельно раненный. Похоже, у Аброхаса было весьма своеобразное чувство юмора.

Помнится, когда Аброхас сделал это в первый раз, Манона накричала на него. Теперь он проделывал свой трюк ради развлечения. Остальные драконы были крупнее его, и потому им приходилось сначала подпрыгивать, отлетать на некоторое расстояние и только потом падать. Иначе их массивные тела могли напороться на ближайшую скалу.

Манона привыкла к кувырканиям Аброхаса и теперь не закрывала глаз. Ветер ударял по ним с разных сторон, но тепло драконьего тела приятно согревало ее. Маноне нравилось следить за испуганными лицами смертных. Наверняка эти людишки думали, что дракон сейчас заденет за стены крепости или за острые черные скалы. Но это был лишь умелый маневр, а потом...

Аброхас расправил крылья и взмыл в воздух. Окружающий мир качнулся, после чего стал стремительно удаляться. Неистовый крик дракона отразился от каждого камня Моратской крепости. Ему вторили крики остальных драконов отряда Тринадцати. Смертный слуга, что поднимался на одну из башен с корзиной яблок, от страха выронил свою ношу. Яблоки красно-зеленым каскадом устремились по винтовой лестнице вниз, ударяясь о щербатые ступени. Вскоре эти звуки потонули в несмолкаемой песне кузнечных молотов.

Аброхас набирал высоту, удаляясь от мрачной армии смертных и острых пиков, окружавших крепость. За ним следом, выдерживая аккуратный клин, летели остальные драконы.

Манона испытывала странное возбуждение. Она любила, когда в воздухе находился только ее отряд. Отборные ведьмы, воительницы, способные уничтожать целые города. Аброхас летел быстро. Наконец горы остались позади. Внизу потянулась равнина. Они приближались к пойме реки Акант.

Большинство смертных бежали из этих мест. Кто-то стал невольной жертвой боевых действий. Кого-то убили ради развлечения — охотиться на двуногую дичь всегда интереснее. Но были и упрямы, не желавшие покидать родные края. Главное — знать, где их искать.

Полет продолжался. Луна поднималась все выше. Растущую луну называли Серпом Старухи. Отличное время для охоты, если суровая богиня окажется благосклонна. Хотя время новолуния — Тени Старухи — всегда было предпочтительнее.

Правда, свет Серпа позволял лучше осматривать местность, чем сейчас и занималась Манона. Смертные любили селиться близ воды, и потому она направила Аброхаса к озеру, которое заметила еще несколько недель назад, но так и не удосужилась разведать.

Быстрые, словно тени, ведьмы отряда Тринадцати скользили над темной землей.

Впереди блеснула водная гладь. Аброхас стал плавно снижаться. Вскоре они уже скользили над озером. Манона любовалась их отражением. Особенно был красив ее развевающийся красный плащ, похожий на кровавую дорожку.

Сзади послышался возглас Астерины. Манона обернулась. Ее заместительница взмахнула руками и откинулась назад, почти улегшись на спину своей драконихи. Ветер играл золотистыми волосами Астерины. Только она умела летать с таким неистовым самозабвением, целиком отдаваясь необузданной радости полета.

Манона подозревала, что Астерина по ночам летает одна, причем без всякого седла. Главнокомандующая нахмурилась. Слава Тьме, что Мать Черноклювых (так именовалась ее бабушка) этого не видит, иначе досталось бы не только Астерине. Бабушкины ногти вонзились бы в шею Маноны за то, что она допускает подобные вольности своих подчиненных. И за то, что не очень-то хочет бороться с подобными нарушениями дисциплины.

Манона заметила небольшой крестьянский дом, а рядом — поле, обнесенное изгородью. В окошке горел неяркий свет. За домом виднелись постройки из белого как снег камня. Вероятно, хлев. Еще лучше.

Манона направила Аброхаса прямо к дому. Его обитатели явно слышали хлопанье могучих крыльев и, если у них хватало мозгов, должны были бы спрятаться.

Детей не трогать. Таково было неписаное правило отряда Тринадцати, хотя другие кланы его не очень-то соблюдали. Особенно Желтоногие. Зато со взрослыми обоего пола можно недурно развлечься, когда хочется развлечений.

А Манона, после разговора с герцогом и взбрыкивания Астерины, просто нуждалась в развлечении.

Письмо Аробинну Аэлина отправила с каким-то из его уличных сорванцов. Самой выходить из дому не хотелось, но голод заставил ее это сделать. Вчерашняя усталость еще не успела пройти. Найдя ближайшую открытую таверну, Аэлина проглотила завтрак, прикупив там еды на обед и ужин. Вернулась где-то через час. На обеденном столе ее ждала большая плоская коробка.

Аэлина внимательно осмотрела внешний замок и не нашла ни малейших следов повреждений. Сама она умела открывать замки, и ее кинжал не испортил механизма. Позже она обнаружила в ящике кухонного стола запасной ключ. Окна тоже оставались приоткрытыми ровно настолько, насколько она сама их открыла, чтобы немного проветрить жилище.

Что ж, Аробинн в очередной раз показал свое искусство. Ее это не удивляло. Пусть он и был предводителем Гильдии ассасинов — можно сказать, их королем. Но трон достался ему не по наследству. По сути, он сам этот трон создал, и путь туда был усеян трупами и залит кровью. И, воссев на троне, Аробинн не утратил навыков превосходного ассасина.

За окнами хлынул давно собиравшийся дождь. Аэлина обрадовалась ему. Стук дождевых струй по крыше и оконным козырькам разогнал тягостную тишину ее гостиной.

Коробка была перевязана шелковой лентой изумрудного цвета. Аэлина развязала ленту, позволив ей упасть на пол, и подняла крышку. Потом долго смотрела на содержимое коробки. Поверх лежала записка: «Я позволил себе внести кое-какие улучшения по сравнению с прошлым. Приятной игры».

У Аэлины перехватило горло. Совладав с собой, она достала из коробки черный костюм, закрывавший все тело. Податливый, словно вторая кожа, костюм не стеснял движений. Он был по-своему элегантен, однако предназначался не для танцев на балах, а для ремесла ассасина. На дне коробки лежала пара сапог. Как и костюм, они не были новыми, но их черная кожа не утратила своей мягкости. Скрытые кинжалы за голенищами оказались на месте.

Аэлина приподняла тяжелый рукав костюма, обнаружив вшитую перчатку. В рукаве находился тонкий и очень острый кинжал длиной в половину руки. Такой же скрывался и во втором рукаве.

Этот костюм она не видела и не надевала с... Аэлина взглянула на пустую каминную полку. Еще одна проверка. Проверка на то, насколько она способна забыть и простить прошлое и насколько она сейчас готова работать с Аробинном.

Таких костюмов было изготовлено всего два: для нее и для Саэма. Делал их искусный мастер из Мелисанды — некогда самостоятельного королевства, ставшего частью Адарланской империи. Костюмы изготавливались строго по меркам и учитывали все особенности телосложения. Стоили они громадных денег, но Аробинн пошел на такие расходы, утверждая, что у его лучших ассасинов должна быть и самая лучшая одежда. Аэлина получила свой костюм в подарок. Тогда Аробинн буквально осыпал ее подарками, стараясь искупить вину за дикую выходку, устроенную несколькими месяцами ранее. Он до полусмерти избил Аэлину за неповиновение, а потом отправил на выучку к ассасинам Красной пустыни. Саэму тоже досталось, и ничуть не меньше. Но Саэму Аробинн костюма не подарил, заставив заплатить сполна. А потом нарочно поручал ему незначительные

задания, плата за которые не позволяла быстро рассчитаться с долгом.

Аэлина уложила костюм в коробку и стала раздеваться. Городской дождь пах совсем не так, как лесной. Он пах мокрым, грязным камнем стен и мостовых.

Хорошо, она на время снова войдет в роль послушной подопечной Аробинна, какой была когда-то. Позволит ему разработать стратегию и будет играть по его правилам. Но только сам замысел она изменит. Слегка, почти незаметно. Она готова убивать всех, кого понадобится, готова быть шлюхой... готова свернуть себе шею, если это поможет освободить Эдиона.

Два дня. Еще два дня, и она снова увидит своего двоюродного брата. Убедится, что и он сумел выжить и не сломаться в эти страшные годы. И даже если Эдион ее возненавидит, если плюнет ей в лицо, что, по сути, сделал Шаол... ее жертвы не будут напрасными.

Раздевшись догола, Аэлина облачилась в костюм. Творение мелисандского мастера действительно казалось второй кожей. Аробинн не написал, какие именно улучшения он внес в устройство костюма. И здесь сюрпризы. Загадка, которую она разгадает, если сумеет остаться в живых.

Аэлина осторожно пошевелила руками, стараясь не задевать механизмов, выдвигавших потайные мечи. Проверила, нет ли еще спрятанного оружия и не добавлены ли какие-нибудь ухищрения. Вроде все было так, как она помнила. Для полноты экипировки оставалось надеть сапоги, что она и сделала.

По пути в спальню Аэлина уже почувствовала изменения. Они затрагивали все ее слабые места. Должно быть, все это делалось заблаговременно, когда Аробинн и Гильдия ассасинов казались ей страницей прошлого. Но как же тонко Аробинн знал все ее особенности! Например, подергивание левого колена. Иногда ей это здорово мешало. Костюм, насколько возможно, компенсировал этот телесный недостаток. Знал Аробинн и то, какие части тела у нее были сильнее всего задействованы во время поединка. Казалось, он учел все. С этой мыслью Аэлина остановилась перед высоким зеркалом спальни.

Вторая кожа. Ничего лишнего. Никаких внешних украшений. Никаких открытых частей тела. Одевание, целиком подчиненное действию и облегчающее действие, позволяя выпутываться из безнадежных, казалось бы, ситуаций. Оглядев себя в зеркале, Аэлина присвистнула. Что ж, она еще немного побудет Селеной Сардотин. До тех пор, пока не кончится эта игра.

Возможно, она бы и дальше крутилась перед зеркалом, раздумывая о том, что ждет ее в ближайшие дни. Но из окон донесся стук копыт и скрип колес. И кого это угораздило кататься в такой ливень? Самым странным было то, что повозка не проехала мимо, а остановилась у дверей ее жилища.

Аэлина сомневалась, что Аробинн объявится так скоро, чтобы позлорадствовать. Нет, он подождет, пока ему не донесут, что она включилась в игру.

Тогда кто еще? Шаол? Вряд ли он стал бы тратиться на извозчика, даже в дождь. Стараясь остаться незамеченной, Аэлина осторожно выглянула в окно. За завесой дождя она увидела ничем не примечательную коляску. Вокруг — ни души, спасибо дождю. Кто же это к ней пожаловал?

Аэлина неслышно спустилась вниз. Легкий поворот левого запястья, и из паза бесшумно выдвинулось лезвие меча, тускло поблескивая в сумеречном свете.

Честное слово, она испытала такое же удовольствие, как и пару лет назад, когда впервые примерила этот костюм. Скрытые лезвия одинаково плавно пронизывали воздух и тела ее

жертв.

Стук дождя приглушал ее шаги по лестнице. Аэлина пробралась мимо ящиков и остановилась у двери. Потом приоткрыла дверь, спрятав руку с кинжалом за складками плаща. В лицо пахнуло дождевой сыростью.

Под узким навесом виднелась женщина. Это она приехала в наемной двухколесной коляске, стоящей поодаль. Возница тоже кутался в плащ, нахлобучив шляпу почти до самых глаз. Вряд ли он был шпионом. Обыкновенный возница, которому любопытно, к кому это могла приехать его пассажирка. В трупобы на колясках ездили редко. Женщина была в дорогом сером плаще. Чувствовалось, деньги у нее водятся. А коляска? Возможно, для маскировки.

Глубокий капюшон скрывал лицо приехавшей, но Аэлина сумела разглядеть кожу цвета слоновой кости, темные волосы. Рука в бархатной перчатке нырнула под плащ. Не за оружием ли?

— Жду объяснений, — сказала Аэлина, прислоняясь к дверному косяку. — Иначе пушу тебя на корм крысам.

Женщина попятилась, отойдя к коляске, под пологом которой Аэлина увидела съезжившуюся фигурку ребенка. Кажется, девочки.

— Я приехала, чтобы тебя предупредить. — Женщина откинула капюшон.

У нее были большие, слегка раскосые зеленые глаза, чувственные губы, высокие скулы и вздернутый нос. Все вместе производило завораживающее действие на мужчин, заставляя их напрочь терять голову.

— Лисандра, помнится, я тебя предупреждала: если ты еще раз попадешься мне на глаза, убью не задумываясь.

— Пожалуйста, выслушай меня, — взмолилась Лисандра.

Эти слова и сквозящее в них отчаяние заставили Аэлину убрать оружие.

За те девять лет, что она была знакома с куртизанкой, она ни разу не слышала от Лисандры слово «пожалуйста». Да и отчаяние в голосе тоже. Помнится, в лексиконе Лисандры отсутствовали и другие слова и фразы, например: «спасибо», «можно ли мне», не говоря уже о «рада тебя видеть».

Они вполне могли бы стать подругами. Обе сироты, обеих в детстве нашел и приютил Аробинн. Но Лисандру он поручил заботам Кариссы — своей близкой подруги и содержательницы процветающего публичного дома для знати. И хотя Аэлина постигала ремесло ассасина, а Лисандра — секреты обольщения и наслаждения, они росли соперницами. Предметом соперничества было внимание Аробинна.

Когда Лисандре исполнилось семнадцать, ей устроили смотрины, но не с целью выдать замуж. Цель была другая — подороже продать ее девственность, после чего она считалась взрослой и могла заниматься ремеслом, к которому ее готовили. Девственность Лисандры купил Аробинн, расплатившись деньгами Аэлины. Решив уйти от Аробинна, Аэлина вернула ему все, что он потратил на нее за годы обучения.

Помнится, тогда Лисандра, нагло ухмыляясь, поблагодарила Аэлину за денежки. Аэлина метнула в нее кинжал. Только случайность уберегла Лисандру от смерти и увечья. С тех пор они больше не виделись.

Удовлетворившись произведенным впечатлением, Аэлина тоже откинула капюшон и решила нагнать на Лисандру еще немного страха.

— Учти, мне понадобится меньше минуты, чтобы убить тебя, возницу и убедить твою крошку-подопечную помалкивать об этом до конца дней. Вряд ли она станет горевать по тебе.

Лисандра вся сжалась.

— Она не моя подопечная и не готовится в куртизанки.

— Значит, решила ею загородиться, как живым щитом? — насмешливо спросила Аэлина.

Ее улыбка была похожа на лезвие бритвы.

— Пожалуйста, прошу тебя, — снова повторила Лисандра, не обращая внимания, что ее плащ успел промокнуть. — Мне нужно с тобой поговорить. Всего несколько минут... там, где нас никто не услышит.

Аэлина взглянула на дорогие одежды Лисандры, на жалкую наемную коляску, на дождевую воду, ручьями несущуюся среди бульжной мостовой. Еще одна затея Аробинна. Хорошо, она подыграет ему и здесь. Надо же узнать, куда он клонит.

Аэлина двумя пальцами коснулась переносицы Лисандры и приподняла ей голову:

— Сама понимаешь: свидетели мне не нужны. Так что твоего возницу я сейчас убью.

— Пощадите меня! — роня поводья, завопил испуганный возница. — Клянусь, клянусь вам, я никому не скажу, куда я ездил и кого привозил.

Аэлина приблизилась к коляске. От дождя ее плащ мгновенно заблестел. Да, свидетели ей не нужны. Возница вполне мог выболтать местонахождение ее жилища и спутать ей все карты. И тем не менее...

Возле дверцы коляски была прибита дощечка — разрешение заниматься извозом. На ней значилось имя возницы и его адрес. Над дощечкой покачивался незажженный фонарик.

— Так вот, Келлан Орель, живущий... пока живущий на Булочной улице в доме шестьдесят два. Я думаю, болтать о том, куда ты сегодня ездил, не в твоих интересах. А то... сам знаешь.

Смертельно бледный возница торопливо кивал.

Аэлина распахнула дверцу коляски.

— Вылезай! — велела она девчонке. — Обе пойдете со мной.

— Венга могла бы подождать и здесь, — шепотом возразила Лисандра.

Аэлина обернулась к ней, сдула дождевую воду с губ.

— Если ты думаешь, что я оставлю ребенка в наемной коляске, под дождем и в таком месте, можешь возвращаться в гадюшник, откуда приехала.

Аэлина снова просунула голову в дверцу:

— Вылезай, красавица. Я не кусаюсь.

Похоже, Венга только и ждала этого подтверждения. Она протянула Аэлине свою худенькую, фарфоровой белизны ручку и выбралась из коляски. Ей было не больше одиннадцати. Ладное сложение, золотистые, с медном отливом волосы, убранные в косу, и желтые глаза, с некоторым испугом глядящие на мокрую от дождя улицу и взрослых. Венга могла бы вырасти в красивую женщину — если бы не глубокие зигзагообразные шрамы на щеках. Вот почему на внутренней части ее левого запястья стояло отвратительное клеймо. Венга была ученицей Кариссы, но с нею что-то случилось, и она сделалась непригодной для ремесла куртизанки.

Аэлина подмигнула Венге и заговорщически прошептала:

— По-моему, мы с тобой найдем общий язык.

В гостиной было душно. Аэлина открыла все окна, чтобы наполнить помещение прохладным воздухом. К счастью, пока они находились на улице, их никто, кроме возницы, не видел. Но даже если Лисандра действительно приехала сюда по своей инициативе, Аробинн все равно так или иначе узнает о ее визите.

Аэлина улыбнулась изуродованной Венге и указала на кресло возле окна:

— Я люблю здесь сидеть, когда дует свежий ветер. Надеюсь, читать ты умеешь. Пожалуй, у меня найдется пара книг, которые тебе понравятся. Или же, — она махнула в сторону кухни, — можешь пойти и чем-нибудь полакомиться. Например, пирогом с черникой.

Лисандра почему-то сжалась, но Аэлине сейчас было плевать на свою давнюю противницу.

— Венга, выбор за тобой, — сказала она девчонке.

Насколько помнила Аэлина, Карисса не баловала своих учениц. А таким, как Венга, вообще могли доставаться только объедки. Глаза Лисандры потеплели.

— Если можно, лучше пирог, — едва слышно ответила Венга.

Через мгновение ее уже не было. Смышленная девочка. Понимает, что взрослым нужно поговорить.

Продолжая думать о Венге, Аэлина сняла промокший плащ и уголком, который чудом остался сухим, вытерла лицо. Держа левую руку так, чтобы в любой момент нажать пружину и выдвинуть кинжал, Аэлина указала Лисандре на диван у камина:

— Садись.

К ее удивлению, Лисандра послушно села, спросив при этом:

— А иначе ты снова станешь угрожать мне убийством?

— Я не угрожаю. Только обещаю.

— Слушай, мы же с тобой уже не девчонки. Ну как я могу принимать твои слова всерьез?

— Помнится, когда я метнула в тебя кинжал, ты приняла это более чем всерьез.

Лисандра улыбнулась уголками рта:

— Ты промахнулась.

Промахнулась, но ухо Лисандре все же оцарапала. Наверное, потом этот кинжал ей не раз снился.

Однако Лисандра права: они уже не девчонки.

— А блондинкой ты мне нравилась больше, — сказала куртизанка, оглядывая крашенные волосы Аэлины.

— Мне понравилось бы больше, если бы ты прямо сейчас убралась из моего дома, однако ты вряд ли доставишь мне такое удовольствие.

Аэлина взглянула вниз. Коляска послушно стояла на месте.

— Неужели у Аробинна не нашлось для тебя кареты? Я думала, он тебе щедро платит.

Лисандра взмахнула рукой. В сумраке гостиной неярко блеснул золотой браслет. Он едва закрывал татуировку на левом запястье куртизанки. Издали рисунок напоминал змею.

— Я сама отказалась от его кареты. Посчитала это дурным тоном.

«Поздно говорить о хороших манерах», — подумала Аэлина.

— Значит, это он тебя послал. И о чем же он хотел меня предупредить?

— Я должна рассказать тебе о его замыслах. Нынче Аробинн не доверяет посыльным.

Но предупреждение не от него. От меня.

Вранье от начала и до конца. Аэлина была в этом почти уверена. Но эта татуировка с эмблемой заведения Кариссы... Такое «украшение» получала каждая девчонка, которую продавали в публичный дом. Венга, лакомящаяся пирогом, возница на улице. Если сейчас прикончить Лисандру, ее собственная жизнь чрезвычайно осложнится. Но от одного вида этой поганой татуировки Аэлину подмывало схватиться за кинжал.

Меч для такого дела не годится. Аэлине хотелось склониться над жертвой, ощутить у себя на лице ее последнее дыхание.

— Почему у тебя на запястье до сих пор красуется тавро Кариссы? — совсем тихо спросила Аэлина.

Помнится, Нехемия предупреждала ее: Аркеру доверять нельзя. Принцесса не написала это в открытую. Нехемия нарисовала змею. А другим, у кого такая же татуировка, можно доверять? Прежняя Лисандра была двуликой, лживой и коварной. И это еще самые пристойные выражения.

Лисандра хмуро посмотрела на татуировку:

— Ее нам снимают, только когда мы полностью расплатимся с долгами.

— Когда я в последний раз видела, как ты трясла своими прелестями, мне казалось: еще несколько недель — и ты заплатишь все долги.

Аробинн тогда заплатил кругленькую сумму за ее смотрины. Настолько кругленькую, что Карисса должна была бы сразу отпустить Лисандру на свободу.

— Тебе мешает моя татуировка?

— Такая же была у двуногого куска дерьма по имени Аркер Фэнн.

Тот ведь тоже происходил из гнезда Кариссы. Кто знает, чем еще занимались питомцы этой дамы, помимо постельных усад?

— Аркер мертв, — сказала Лисандра, выдерживая ее взгляд.

— Конечно, — улыбнулась Аэлина. — Я собственной рукой оборвала его никчемную жизнь.

Лисандра уперлась в спинку дивана.

— Ты, — прошептала она, резко мотнув головой. — Вот и хорошо. Ты правильно сделала, убив его. Таким свиньям нельзя давать жить. Только и греб под себя.

Возможно, и эти слова — вранье, чтобы расположить к себе Аэлину.

— Вот что, Лисандра. Выкладывай замысел Аробинна и двигай в обратный путь.

Чувственные губы Лисандры вытянулись в тонкую линию. Но она совладала с собой и достаточно толково изложила, как Аробинн собирался освободить Эдиона.

По правде говоря, замысел был великолепен. Умный, смелый и не лишенный драматизма. Если адарланский король собирался превратить казнь Эдиона в спектакль, то освобождение Волка Севера тоже станет спектаклем. Но передавать свой замысел через Лисандру, которая вполне могла ее предать или свидетельствовать против нее... Еще одно напоминание о том, какая участь ждет Эдиона, если Аробинн решит превратить жизнь Аэлины в крошечный ад.

— Можешь не говорить, — невесело улыбнулась Лисандра. — Я по твоим глазам вижу: если я тебя предаю, ты заживо сдерешь с меня шкуру.

У Аэлины слегка дернулась щека.

— Теперь выкладывай свое предупреждение.

Лисандра подвинулась к середине дивана.

— Аробинн велел рассказать тебе о его замыслах, чтобы я... оценила тебя со стороны. Это тоже своеобразное испытание. Я должна понять, насколько ты с ним заодно и не собираешься ли его предать.

— Меня бы огорчило, если бы он вдруг не устроил своей обычной подковырки.

— Я думаю... я думаю, что еще он послал меня к тебе в качестве... предложения.

Аэлина сразу поняла смысл сказанного, но вслух произнесла другое:

— К несчастью для тебя, я не питаю никакого интереса к женщинам. Даже когда им за это платят.

Лисандра слегка раздула ноздри:

— Мне кажется, он отправил меня сюда в качестве... подарка. С позволением меня убить.

— А ты, не смея ослушаться, явилась умолять меня, чтобы я этого не делала?

Теперь понятно, зачем Лисандра потащила с собой Венгу. Эта эгоистичная, бесхребетная, трусливая шлюха решила прикрыться девчонкой. Втянуть ребенка в грязный мир взрослых.

Глаза Лисандры скользнули по кинжалу на поясе Аэлины.

— Если хочешь, убей меня. Венга знает о моих подозрениях. Она не скажет ни слова.

Аэлина нацепила маску ледяного спокойствия.

— Но я еще ничего не сказала о предостережении, — продолжала Лисандра. — Аробинн может делать тебе сногшибательные подарки, он может тебе помочь с освобождением Эдиона, однако это не мешает ему следить за тобой. Помимо замысла, о котором я тебе рассказала, у него есть свои собственные. Он не сказал мне, какую услугу ты взялась ему оказать. Скорее всего, там тебя может подстерегать ловушка. На твоём месте я бы подумала, стоит ли принимать его помощь и не поискать ли способ от нее отказаться.

Аэлина не собиралась отказываться. Она попросту не могла, даже если бы знала десять причин для отказа.

Аэлина молчала. Тогда Лисандра, шумно вдохнув, заговорила снова:

— Я должна кое-что тебе передать.

Она сунула руку в карман своего богатого темно-синего платья. Аэлина невольно напряглась. Но из кармана Лисандра достала всего-навсего измятый выцветший конверт, который осторожно положила на столик перед диваном:

— Это тебе. — Она наклонилась и подвинула конверт к Аэлине. — Прочти.

— Так ты теперь не только шлюха Аробинна, но еще и его посыльная?

Куртизанка спокойно восприняла эту словесную пощечину.

— Это письмо не от Аробинна. Оно от Сэльва.

Аэлине показалось, что Лисандра хочет с головой погрузиться внутрь дивана. В глазах куртизанки было столько невыразимого горя, что на мгновение Аэлина поверила в искренность ее слов.

— Значит, Сэльв, — усмехнулась Аэлина. — Телохранитель Аробинна. Человек, который половину времени тратил на ненависть ко мне, а вторую — на измышление способов меня убить.

Лисандра кивнула:

— Потом Сэльв убил Рюка Фаррана, за что Аробинн прикончил Сэльва.

Лисандра вздрогнула.

Аэлина смотрела на смятый конверт. Лисандра замерла, плотно, до белизны костяшек,

сцепив пальцы.

Во многих местах конверт был сильно потерт. Печать имела сколы, но оставалась целой.

— Почему ты почти два года держала письмо Сэльва у себя и только сейчас решилась мне отдать?

Лисандра не осмеливалась поднять глаза.

— Потому что я его очень любила, — дрогнувшим голосом ответила она.

Меньше всего Аэлина ожидала услышать от куртизанки признание в любви.

— Все началось вроде бы с ошибки. Когда я возвращалась к Кариссе, Аробинн давал мне в качестве провожатого Сэльва. Поначалу мы с ним были просто друзья. Сидели в карете, болтали о разных разностях. Он от меня ничего не ждал. А потом... потом Саэм погиб, и ты...

Лисандра кивком указала на смятый конверт:

— Там все написано. Все, что Аробинн делал. Все, что затевал. Это Аробинн повелел Фаррану заманить Саэма и истязать его. Там про это написано. И про то, что Аробинн приказывал сделать с тобой, — тоже. Словом, полная картина. Сэльв хотел, чтобы ты знала. И еще. Селена, он знал, что ты его ненавидела, и хотел объяснить тебе, что не сразу разобрался в Аробинне. Сэльв искренне служил Аробинну, пока у него не раскрылись глаза. Когда это случилось, было уже слишком поздно. Сэльв не успел предостеречь Саэма. Тогда он сделал все, чтобы отомстить за убийство твоего возлюбленного. Если бы Аробинн не убил Сэльва... Представляешь, Сэльв даже собирался отправиться в Эндовьер и вызволить тебя с каторги. Он несколько раз ходил на Тенюшник, искал людей, знавших расположение тамошних шахт. Потом карту добыл. Она до сих пор у меня хранится... в качестве доказательства. Я могу тебе ее привезти...

Слова Лисандры были подобны граду стрел, но Аэлина усилием воли подавила в себе запоздалое раскаяние относительно Сэльва. Этого человека она всегда считала верным псом Аробинна. О других сторонах личности Сэльва она не задумывалась и задумываться не собиралась. Эмоции сейчас были Аэлине ни к чему. Она вполне допускала, что и эту историю Лисандра рассказала с подачи Аробинна, дабы завоевать доверие Аэлины. Зная натуру Лисандры, она не сомневалась, что куртизанка с удовольствием решилась бы на такую авантюру. Что теперь? Можно позволить себе еще немного поиграть по правилам Аробинна. Надо же знать, что на самом деле он затевает, и следить, где и когда он проявит свои истинные намерения. И тем не менее...

«Это Аробинн повелел Фаррану заманить Саэма и истязать его».

Она всегда думала, что Фарран поступил с Саэмом так, как поступал со всеми своим жертвами. Он испытывал особое наслаждение, убивая людей медленно, час за часом. Но чтобы издевательства проводились с подачи Аробинна и по его непосредственному приказу...

Если бы не подавленная магия, она бы сожгла все вокруг. Она бы дни напролет сжигала окружающий мир, завернувшись в огненный кокон.

Лисандра вытирала глаза кружевным платочком.

— Итак, ты явилась, чтобы меня предупредить о возможной двойной или тройной игре Аробинна со мной? И глаза на это чудовище у тебя открылись только после убийства дорогого тебе человека?

— Я обещала Сэльву, что лично передам тебе его письмо.

— Обещание выполнено. Теперь выметайся из моего дома.

Из кухни выбежала Венга и прижалась к Лисандре. Аэлину удивил такой порыв детской нежности. Лисандра обняла девчонку за талию и встала.

— Селена, я понимаю твоё состояние. Хорошо понимаю. Но прошу тебя. Даже умоляю: прочти письмо. Ради его памяти.

Аэлина оскалила зубы:

— Убирайся.

Лисандра с Венгой пошла к двери, стараясь не приближаться к Аэлине.

— Саэм был и моим другом, — тихо сказала Лисандра, берясь за ручку. — Он и Сэльв были единственными моими друзьями. И обоих погубил Аробинн.

Аэлина лишь молча повела бровями.

Не прощаясь, Лисандра исчезла за дверью. Но Венга осталась. Глянув вслед своей расстроенной хозяйке, она повернулась к Аэлине. Глаза ребенка блестели, как расплавленная медь.

— Это она мне сделала, — сказала Венга, дотрагиваясь до шрамов на щеках.

Аэлина едва удержалась, чтобы не броситься вслед за Лисандрой и не вцепиться куртизанке в горло.

— Когда мать продала меня Кариссе, я целыми днями плакала, — продолжала Венга. — Не знаю, чем Лисандра разгневала Кариссу, но хозяйка отдала меня ей в обучение. А Лисандре оставалось совсем немного находиться в заведении. Она почти расплатилась с долгами Кариссе... Вечером должно было начаться мое обучение. Я ревела так, что меня начало тошнить. Я думала, Лисандра меня побьет, но она умыла мне лицо, погладила по голове и спросила, чего я хочу. Я честно признала, что хочу сбежать от Кариссы. Лисандра рассказала, как в моем возрасте несколько раз тоже пыталась бежать, но ее всегда ловили и били в тех местах, где никто не видел ее синяков.

Кто бы мог подумать, что Лисандра пыталась сбежать от Кариссы? Аэлине она таких подробностей никогда не рассказывала, а Аэлина считала ее просто пустышкой, достойной лишь язвительных насмешек...

— Тогда Лисандра сказала мне, что есть способ ускользнуть от Кариссы, но очень болезненный, — продолжала Венга. — Я была согласна на все. Старшие девочки успели мне рассказать, какая жизнь ждет меня в заведении. Я думала: лучше умереть, чем такое. Лисандра мне сказала, чтобы я ей верила, и потом... поранила мне лицо. И сразу же начала громко кричать, будто злилась на меня. Прибежали другие куртизанки. И Карисса тоже. Всем им Лисандра кричала, что я своим упрямством довела ее до бешенства и она не сдержалась. Ей поверили, но Карисса все равно сильно разозлилась на Лисандру, потащила ее на задний двор и стала бить. Лисандра ни разу не вскрикнула. Ко мне позвали врача. Он сказал, что эти шрамы останутся навсегда. Тогда Карисса заявила, что такая я ей не нужна, а Лисандру заставила заплатить отступные, как за взрослую куртизанку.

Аэлина не находила слов.

— Вот потому Лисандра до сих пор работает у Кариссы и будет работать дальше. Я подумала... ты должна узнать об этом.

«Не верь девчонке, — мысленно твердила себе Аэлина. — Возможно, и ее жалостливый рассказ — часть замысла Лисандры или Аробинна».

Но в мозгу и во всем ее теле звучал голос, становящийся все громче: «Нехемия поступила бы точно так же».

Венга сделала реверанс и побежала вниз, оставив Аэлину наедине с потертым

конвертом.

Аэлине вдруг вспомнилась Кальтэна Ромпир. Возможно, жизнь этой придворной дамы сложилась бы иначе, если бы она тогда повнимательнее отнеслась к Кальтэне, а не отмахивалась бы, считая пустой, никчемной особой. И если бы Нехемия попыталась заглянуть под маску придворного тщеславия, которой Кальтэна заслонялась от окружающего мира...

Венга уже садилась в коляску рядом с Лисандрой, когда Аэлина выбежала под дождь и крикнула:

— Пойдите!

У Эдиона перед глазами все плыло. Каждый вдох и выдох требовал бóльших усилий, нежели вчера.

Теперь недолго. Он уже чуял Смерть, притаившуюся в углу его камеры. Она отмеряла ему последние мгновения жизни. Смерть казалась ему львицей, готовой к броску и ждущей своего момента. Эдион только улыбался, глядя на скопище теней.

Заражение охватывало все новые уголки его тела. Учитывая, что до спектакля, именуемого его казнью, оставалось два дня, Смерть не очень-то торопилась. Тюремщики думали, будто он спит, тем самым коротая время.

По внутренним ощущения Эдиона, ему уже должны были принести еду. Он оглядывался на зарешеченное окошко вверху двери, вслушивался в шаги. Наверное, у него начались бредовые видения, поскольку, когда дверь запахнулась, туда вошел не стражник, а наследный принц.

Сопровождающих за спиной принца не было. Остановившись в проеме, Дорин молча смотрел на узника.

По неподвижному лицу принца Эдион сразу понял: тот явился не ради его спасения. Все остальное ему красноречиво сказал черный каменный ошейник на шее Дорина. Похоже, со дня казни Сорши события в стеклянном замке приняли скверный оборот.

— Рад вас видеть, дражайший принц, — изобразив улыбку, произнес Эдион.

Глаза принца скользнули по грязным волосам Эдиона, по бороде, успевшей отрасти за эти недели, затем переместились на лужу блевотины в углу. Час назад, когда начались позывы на рвоту, Эдион не успел добраться до ведра.

— Чем глазеть, могли бы пригласить меня на обед, — продолжал он, стараясь, как в лучшие времена, лениво растягивать слова.

Сапфировые глаза принца вспыхнули. Эдион заморгал, разгоняя дымку. Взгляд того, кто сейчас на него смотрел, был холодным, хищным и не совсем человеческим.

— Дорин, — тихо произнес Эдион.

Существо, в которое превратился принц, слегка улыбнулось. Помнится, капитан Шаол говорил, что кольца из Камня Вэрда поработали разум и душу. Эдион помнил ошейник возле королевского трона. Он еще тогда подумал, не является ли приготовленный ошейник средством еще худшего порабощения.

— Дорин, расскажите мне о случившемся в тронном зале, — хрипло попросил Эдион, слыша бешеные удары своего сердца.

— Там ничего не случилось, — ответил принц, странно хлопая глазами.

— Дорин, зачем вы сюда пришли?

В обыденной жизни Эдион никогда не обращался к принцу по имени. Прежде Дорин знал: если генерал Ашерир назвал его по имени, то речь идет о чем-то важном, на что нужно обратить самое пристальное внимание. Возможно, сейчас это было приглашением принцу убить узника.

— Я пришел взглянуть на опозорившегося генерала, прежде чем его забьют, как скотину. Значит, сегодня казнь не состоится.

— А может, мне попросту отрубят голову, как вашей Сорше?

Принц не шевельнулся, но Эдион мог бы поклясться, что Дорина внутри дернули за

невидимый поводок. Должно быть, чего-то побоялись.

— Не знаю, о ком ты там говоришь, — голосом принца произнесло существо.

Но ноздри Дорина вздрогнули и раздулись.

— Я говорю о Сорше, — морщась от боли в легких, не унимался Эдион. — О целительнице, которую вы любили. Когда ей отрубали голову, я стоял рядом с вами. Потом вы с криком метнулись к ее обезглавленному телу.

Существо, овладевшее принцем, замерло. Эдион сделал новую попытку достучаться до сознания принца:

— Дорин, где ее похоронили? Что они сделали с ее телом? Я говорю о теле женщины, которую вы любили.

— Я не знаю, о чем ты, — все тем же бесцветным голосом ответил принц.

— Сорша. — Эдион дышал ртом. — Ее звали Сорша. Она любила вас, а ее убили. Ее убил человек, который надел вам этот ошейник.

Существо молчало. Потом оно заставило принца наклонить голову и улыбнуться. Улыбка была завораживающе прекрасной, что делало ситуацию еще более жуткой.

— Генерал, скоро я сполна наслажусь зрелищем твоей казни.

Эдион рассмеялся сквозь кашель. Принц, вернее, то существо, в которое его превратили, невозмутимо повернулся и вышел. Возможно, Эдион рассмеялся бы еще раз — просто из-за своего бунтарского духа и злости на короля, не услышь он слов принца, брошенных кому-то в коридоре:

— Генерал болен. Немедленно позовите к нему врача.

«Нет!» — хотелось крикнуть Эдиону.

Каким-то образом существо унюхало его болезнь.

Эдион был бессилён что-либо сделать. К нему явилась старшая королевская целительница Амития. Стражники разложили его на вонючей соломе и держали за руки, пока целительница осматривала раны. Напрасная предосторожность: у него уже не было сил на сопротивление. Потом Амития насильно влила ему в рот что-то обжигающее. Лекарство вызвало у него новый приступ кашля. Его раны промыли и перевязали, а цепи укоротили настолько, чтобы он не смог сорвать повязки. Обжигающее лекарство Эдиону вливали каждый час, угрожая сломать зубы, если он будет их стискивать.

Ему спасли жизнь, и за это Эдион на все корки ругал растяпу Смерть. Одновременно он мысленно молился Мэле Огненице, дабы уберегла Аэлину от грядущего праздника, от принца и в особенности от короля и каменных ошейников.

Существо внутри Дорина покинуло тюрьму и направилось в стеклянный замок. Его телом оно управляло, как рулевой кораблем. Через какое-то время существо заставило его остановиться перед человеком, которого он в последнее время часто видел. Взгляд этого человека был способен пронзать тьму.

Человек сидел на стеклянном троне.

— Кланяйся, — приказал он и слегка улыбнулся.

Существо внутри сильно дернуло за невидимую веревку, что связывала их. Мышцы тела пронзило молнией, и они подчинились. Точно так же его дергали, заставляя спуститься в тюрьму, где воин с золотистыми волосами произнес ее имя. Воин повторил ее имя столько раз, что он не выдержал и закричал, хотя наружу не прорвалось ни звука. Он и сейчас кричал, а ноги снова подчинялись чужой воле, вынуждая его встать на колени. Потом чужой

воле подчинилась шея. Существо заставило ее согнуться. Это называлось поклоном.

— Продолжаешь упрямитесь? — спросил человек.

Человек смотрел на черное кольцо у себя на пальце, словно оно знало ответ.

— Я чую вас обоих. Надо же, как интересно.

Да, то существо во тьме становилось все сильнее. Теперь оно могло проникать сквозь невидимую стену и двигать им, как марионеткой. Оно могло говорить через него. Но власть существа не была постоянной. Он изо всех сил старался латать бреши в стене, однако существо пробивало новые.

Демон. Демон-принц.

А перед его глазами снова и снова вставала жуткая картина — момент, когда его любимая женщина лишилась головы. Генерал произносил ее имя своим хриплым, больным голосом. Он, слыша это, стал биться о невидимую стену внутри разума. Эта стена держала его закрытым во тьме. Но тьма в его голове была подобна наглухо запечатанной гробнице.

— Докладывай, — велел человек на троне.

Приказ взнуздal его, как лошадь, и он подробно рассказал о встрече с узником, не забыв ни одного слова и описав даже жесты генерала. А существо — демон, обитающий внутри, — наслаждалось, видя и чувствуя его ужас.

— Значит, Эдион хотел перехитрить меня и умереть раньше времени. Умен, ничего не скажешь, — усмехнулся человек. — Раз он так отчаянно хочет испортить нам развлечение, значит убежден, что его двоюродная сестрица пожалует к тебе на праздник.

Он молчал, потому что его не дергали за веревку и не приказывали говорить. Человек оглядывал его с ног до головы, довольно щуря свои черные глаза.

— Мне надо было бы это сделать еще давным-давно. Даже не знаю, зачем так много времени потратил впустую, наблюдая, проявится твоя сила или нет. М-да, слупил я.

Он попытался заговорить сам. Попытался шевельнуться. Сделать хоть что-то сам. Но демон внутри сдавил ему разум. Мышцы лица послушно расплылись в улыбке, а губы послушно произнесли:

— Мне доставляет радость служить вашему величеству.

Тенюшник, раскинувшийся на берегу Авери, был ровесником Рафтхола. Возможно, даже старше. Легенда гласила, что рынок построили на костях бога правды. Это должно было удерживать торговцев от обмана, а у воров отбивать поползновение что-нибудь украсть. Шаол считал эту легенду чьей-то язвительной шуткой, поскольку никакого бога правды не существовало. Во всяком случае, в обширной королевской библиотеке он не нашел ни единого упоминания о таком божестве. А на просторах Тенюшника бойко торговали контрабандными товарами, запретными зельями, пряностями, одеждой и человеческим телом. Рынок стремился удовлетворять запросы любых покупателей, если тем хватало глупости, смелости или отчаяния ступить в его пределы.

Шаол познакомился с Тенюшником несколько недель назад. Рынок находился в трущобной части города, за которую теперь отвечал бывший капитан. Попасть туда можно было, взяв чуть вбок от трущобной гавани и спустившись по полусгнившим деревянным ступеням на набережную. Вот там-то и находился Тенюшник. Кто-то ставил свои лотки и лавчонки на открытом воздухе, а кто-то предпочитал ниши, вырытые в каменистой земле высокого берега. Постепенно ниши превратились в туннели, образовав настоящий лабиринт.

Тенюшник имел собственную охрану. В любое время года его стражи ходили в длиннополых плащах, скрывая лица под глубокими капюшонами. Когда начинались дожди, вода в реке поднималась, заливая набережную и затопляя туннели. Каждый год Авери взимала с Тенюшника дань жизнями торговцев и покупателей, не успевших выбраться наружу. Но и в сухие месяцы в лабиринте туннелей ощущалась сырость. Другой извечной спутницей рынка была грязь. Все это придавало Тенюшнику странный колорит. А уж о том, кого там можно было встретить и на какие диковины набрести, слагались целые истории.

Дождь сегодня шел почти весь день, однако к вечеру Тенюшник был полон народу. Людей не испугало даже то, что теперь на Рафтхол надвигалась гроза и снаружи уже гремело. Потопа не боялись — не тот сезон. А вот порывы ветра могли наделать бед даже в туннелях. Главным проклятием были пожары из-за опрокинутых ветром фонарей. Поэтому торговцы заблаговременно их гасили. Сомнительный люд, который постоянно обретался на Тенюшнике, потирал руки, рассчитывая что-нибудь слямзить в сумраке и суматохе. На Шаола и Несарину, шедших по одному из главных туннелей рынка, никто не обращал внимания.

Ветер проникал даже сюда, раскачивая фонари из разноцветного стекла. С фонарями была связана еще одна легенда. Рассказывали, будто давным-давно торговец разноцветным стеклом оказался застигнут потопом. Он взмолился богам, пообещав, если останется жив, хоть немного украсить угрюмые недра Тенюшника. Боги сохранили ему жизнь. Так на рынке появились разноцветные фонари. Они крепились на невысоких столбах и постоянно раскачивались от движения воздуха, бросая причудливые тени на коричневатые стены. Теней было более чем достаточно. Они-то и дали имя рынку.

Для многих тени становились надежными союзниками. Они помогали проворачивать сомнительные делишки. Под покровом теней можно было незаметно всадить кому-то нож под ребра и кого-то похитить.

Заговорщики и мятежники тоже любили тени.

Скорее всего, туннели Тенюшника где-то соединялись со сточными туннелями. Таких мест могло быть несколько. Шаол был готов поспорить, что наиболее богатые торговцы

имели и собственные потайные выходы. Их лавки строились из камня или крепкого дерева. Те, кто победнее, торговали с лотков или прямо из ящиков и корзин. Ценные или пользующиеся особым спросом товары напоказ обычно не выставляли. Например, торговец пряностями раскладывал на прилавке десятки ароматных мешочков, начиная с шафрана и кончая корицей. Но самые терпкие из них не могли до конца перебить сладковатый, обволакивающий запах опиума, который был у него припрятан для своих.

Прежний Шаол наверняка возмутился бы, что в лабиринтах Тенюшника торгуют дурманным зельем. Возмутила бы его и опасная свобода торговцев, по сути не подчиняющихся городским законам и продающих все, что им заблагорассудится. Возможно, он бы даже попытался убедить короля в необходимости закрыть Тенюшник.

Сейчас рынок интересовал его как место для встреч. Шаол давно усвоил нехитрое правило: чем меньше внимания ты к себе привлекаешь, тем больше у тебя шансов выбраться отсюда без приключений. Того же мнения была и Несарина. Она еще сильнее, чем Шаол, рисковала жизнью, приходя сюда. Тенюшник считался нейтральной землей, но городскую стражу здесь не жаловали.

Неприязнь к властям тоже имела свои причины. Тенюшник был из числа первых мест, за которые адарланский король принялся после подавления магии. Хватали торговцев запрещенными книгами и амулетами, которые не до конца утратили свою силу. Хватали магов, еще пытавшихся заработать на лечении. Хватали и тех, кто забрел сюда в поисках книг, амулетов или магов. Наказание было самым суровым.

У Шаола отлегло от сердца, когда в темном углу, возле прилавка торговца ножами, он заметил две фигуры в плащах. Все было сделано так, как задумано. Им пришлось приложить немало усилий, чтобы хозяева прилавка и их товар выглядели как настоящие.

Несарина замедлила шаги. Она лениво брела от прилавка к прилавку. Посмотришь — обычная скужающая покупательница, зашедшая сюда переждать дождь. Шаол держался поблизости. Оружие, что было при нем, и характерная походка удерживали глупых воришек от желания поискать счастья в его карманах. По пути сюда его сильно ударили кулаком по ребрам, и боль невольно заставляла его идти медленнее.

Сегодня в подземелье они схватились с гвардейцем, одержимым валгским демоном. Тот возглавлял солдат, которые волокли какого-то парня. Шаол был занят раздумьями о Дорине и воспоминаниями о вчерашней встрече с Аэлиной. Это еще хорошо, что под ребра его ударили кулаком, а не кинжалом. Теперь каждый вдох и выдох отзывались болью. И как его угораздило? Полезный урок. В следующий раз он не позволит себе даже секундной расхлябанности. Особенно сейчас, когда впереди столько дел.

Наконец Шаол и Несарина остановились возле нужного прилавка. На ветхой подстилке лежал десяток ножей и несколько коротких мечей.

— Слышал я, что здесь разврат цветет пышным цветом, — проворчал из-под складок капюшона Брулло. — Но действительность превосходит все слухи. Мне так и хотелось прикрыть ладонью глаза бедняги Ресса, чтобы не видел этих непотребств.

— Вообще-то, мне уже девятнадцать, — усмехнулся Ресс. — Меня здесь ничего не удивляет.

Несарина лениво водила пальцем по кривому лезвию кинжала. Оглянувшись на нее, Ресс поспешно добавил:

— Прошу прощения, госпожа.

— Можешь не извиняться, — равнодушно бросила она. — Мне двадцать два, и я давно

уже не играю в куклы. Городская стража каждый день видит такое, что вам в вашем замке и не снилось.

Ресс густо покраснел. Брулло сейчас наверняка усмехался. Шаола вдруг захлестнуло острой тоской по старым добрым временам. Когда-то и он громко смеялся таким шуткам и сам был не прочь пошутить в компании сослуживцев. Но в те дни он считал стеклянный замок своим домом и не вынашивал замыслов нанести удар по главному оплоту короля.

— Что слышно? — негромко спросил он у Брулло.

Старый наставник слишком хорошо знал своего ученика. Шаолу очень не хотелось, чтобы Брулло увидел, каково ему сейчас.

— Утром мы узнали распорядок церемонии, — шепотом ответил Брулло.

Шаол взял кинжал и сделал вид, будто внимательно разглядывает лезвие. Брулло полез в карман. Шаол умел выбирать оружие, и здесь играть ему не потребовалось. Осмотрев лезвие, он на пальцах показал цену, которую был готов заплатить за кинжал.

— Новый командир объявил, что все мы разместимся за дверями Большого зала, — продолжал Брулло. — Внутри — никого.

Королевский оружейник показал свою цену. Шаол наморщил лоб, словно обдумывал, платить ли такие деньги, потом кивнул и полез в карман за монетами.

— Думаешь, он что-то заподозрил? — спросил Шаол, протягивая деньги.

Несарина подошла ближе, закрыв спиной руки продавца и покупателя. К Шаолу перекочевало несколько маленьких бумажек, которые он незаметно спрятал в карман.

— Не думаю, — ответил ему Ресс. — Просто этот выскочка хочет лишний раз нас унижить. Может, он и догадывается, что в наших рядах остались ребята, верные тебе. А если он кого заподозрит, тогда беда.

— Будьте осторожны, — сказал Шаол. — Не давайте ему повода.

Он успел почувствовать, как напряглась Несарина. Через мгновение рядом послышался женский голос:

— Впервые вижу, чтобы кинжал из Сандри продавали за жалкие медяки. Знай я заранее, как дешево у вас оружие, запаслась бы деньгами.

Шаол напрягся всем телом. Рядом с Несариной, взявшись невесть откуда, стояла Аэлина. Чему удивляться? Она наверняка за ними следила.

— Боги милосердные, — прошептал Ресс.

Шаол кожей чувствовал язвительную улыбку Аэлины, хотя ее лицо тоже скрывал капюшон.

— Привет вам, Брулло и Ресс. Решили подзаработать? Сочувствую. Нынче королевская служба денег не приносит.

Королевский оружейник смотрел то на Аэлину, то на пространство за ее спиной.

— Что ж ты не сообщил нам о ее возвращении? — спросил он Шаола.

Аэлина прищелкнула языком:

— А Шаол скуповат. Что узнает, никогда с другими не поделится.

— Ты привлекаешь к нам излишнее внимание, — буркнул Шаол.

Его кулаки сжались сами собой.

— Да неужели? — Аэлина взяла с прилавка кинжал и стала внимательно рассматривать, всем видом показывая, что разбирается в оружии. — Мне нужно поговорить с Брулло и моим давним другом Рессом. Поскольку вчера ты отказался взять меня на встречу с ними, мне не оставалось иного, как явиться сюда.

Это было очень похоже на Аэлину. Несарина предусмотрительно отошла, продолжая следить за окружающим пространством. Возможно, ей захотелось встать подальше от террасенской королевы.

Королева. Ненавистное слово вновь резануло по нему. Королева Террасена явилась на рынок без приличествующей свиты. И наряд на ней был странный, напоминающий черный панцирь. Чувствовалось, ее величество не прочь перерезать с десятков глоток. Не напрасно Шаол страшился ее объединения с Эдионом. Вместе они могли бы такого понатворить. А если к этому добавить ее магию...

— Сними капюшон, — тихо попросил Брулло.

— И не подумаю. Зачем?

— Хочу взглянуть на твое лицо.

Аэлина не шевельнулась.

— Брулло, я вчера видела ее лицо, — вдруг сказала Несарина, поворачиваясь к прилавку. — Она все так же красива. Чего тебя потянуло пялиться на других женщин? У тебя же, кажется, жена есть.

— А знаешь, Несарина Фелак, ты мне начинаешь нравиться, — усмехнулась Аэлина.

Несарина наградила террасенскую королеву полуулыбкой. Учтывая, как редко она улыбалась, улыбка Несарины выглядела почти лучезарной.

«Интересно, понравилась бы тебе Несарина, если бы ты узнала про нашу близость?» — подумал Шаол. Впрочем, может, Аэлине все равно, и его в ее жизни больше нет.

Аэлина все-таки немного откинула капюшон.

— Я скучала по тебе, друг, — сказала она Рессу.

Тот заулыбался и покраснел.

Потом она перевела взгляд на Брулло. Королевский оружейник вглядывался в ее лицо. Затем тихо пробормотал:

— Понимаю.

Аэлина молчала.

— Ты намерена спасти Эдиона, — почти шепотом произнес Брулло.

Аэлина вновь натянула капюшон. Казалось, она родилась ассасином.

— Да, намерена.

Ресс грязно выругался сквозь зубы.

— Понимаю, я прошу от тебя слишком много, — сказала Аэлина, наклоняясь к Брулло.

— Так не проси! — огрызнулся Шаол. — Не ставь их под удар. Они и так сильно рискуют.

— Тебя, Шаол, это не касается, — ответила Аэлина.

Черта с два не касается!

— Если их начальство пронюхает, мы лишимся наших глаз в замке. А Брулло и Ресс могут лишиться жизни. А Дорина спасать ты собираешься? Или тебя волнует только Эдион?

Взгляды всех сошлись на Аэлине. Она оцетинилась. Но Брулло неожиданно спросил:

— Госпожа, что от нас требуется?

Должно быть, королевский оружейник уже знал. Конечно, он достаточно видел Эдиона, чтобы безошибочно узнать сходство глаз и лиц брата и сестры. Возможно, он уже давно обо всем догадался.

— Скажите своим людям, чтобы держались подальше от южной стены там, где сады.

Слова Аэлины звучали не как просьба и даже не как приказ. Она предупредила.

— Каких еще мест нам нужно избегать? — с заметным напряжением спросил Брулло.

Аэлина успела повернуться спиной к прилавку, изображая разочарованную покупательницу.

— Пусть ваши люди прикрепят на мундиры по красному цветку. Если кто спросит, скажете — в честь дня рождения принца. Но цветки прикрепите так, чтобы они были заметны.

Шаол посмотрел на ее руки в безупречно чистых темных перчатках. Сколько крови впитается в эти перчатки через несколько дней?

— Спасибо, — взволнованно прошептал Ресс.

Аэлина неспешно отошла от прилавка и скрылась в толпе. Только тогда Шаол сообразил: Ресс не напрасно ее благодарил. Аэлина Галатиния собралась превратить стеклянный замок в бойню. Брулло, Ресс и его бывшие сослуживцы могут оказаться единственными, кто уцелеет.

О Дорине она по-прежнему не сказала ни слова. Шаол так и не знал, собиралась ли она пощадить принца. В ее намерении спасти Дорина он сильно сомневался.

Чтобы не вызывать подозрений, выбираясь из Тенюшника, Аэлина сделала несколько мелких покупок. Она не сомневалась: за нею следят. И все же она отправилась к зданию Адарланского королевского казначейства.

Аэлина появилась там перед самым закрытием, однако управляющий казначейством расплылся в улыбке и сказал, что всецело к ее услугам. Казначейство, выполнявшее также функции хранилища денег, никогда не интересовалось подлинностью имен своих вкладчиков. Придуманное имя Аэлины их вполне устраивало.

Пока управляющий давал ей отчет о вкладах и процентах, набежавших за эти годы, Аэлина разглядывала обстановку его роскошного кабинета. Стены были обшиты добротными дубовыми панелями. Их украшали картины. Потом управляющий ненадолго отлучился, и Аэлина быстро заглянула под картины, но тайников не обнаружила. Мебель в кабинете стоила столько, сколько большинство жителей Рафтхола не могли заработать за всю жизнь. Взять хотя бы массивный шкаф красного дерева. Там хранились сведения о самых богатых вкладчиках (включая и Аэлину). Дверцы шкафа запирались небольшим золотым ключом, который управляющий постоянно носил с собой.

Узнав, какую сумму Аэлина желает получить сейчас, управляющий снова вышел, чтобы отдать распоряжение секретарю. Она тем временем быстро осмотрела все, что лежало на столе: бумаги, подарки от вкладчиков, ключи и маленький женский портрет. Возможно, жены управляющего. Или его дочери. По таким лицам, как у него, было трудно судить о возрасте.

Услышав шаги, Аэлина вернулась на стул, сев в прежней позе. Управляющий заговорил о несносной погоде. Аэлина поддакивала. Вскоре вошел секретарь, неся шкатулку с деньгами. С изящной небрежностью Аэлина переложила деньги в свой кошелек, поблагодарила управляющего и секретаря, не забыв извиниться, что задержала их на работе дольше обычного. Через мгновение ее уже не было.

Она выбирала боковые улочки и переулки, стараясь не замечать зловония гниющих трупов. Даже обильный дождь не сумел побороть этот отвратительный запах. Шаол говорил, что мест казни в городе несколько. Мимо двух она сегодня проходила. Вместо цветочных клумб там теперь высились плахи.

Тела казненных, оставленные на пир воронью, казались тенями на фоне бледных стен, к которым их прибили.

Аэлина пока не представляла, как будет ловить валгского демона. Все мысли о поимке она гнала. Сначала нужно вызволить Эдиона и уцелеть самой. Но почему Аробинн с такой легкостью согласился на ее условие? Этот вопрос она старательно запиховала поглубже, приказывая себе сосредотачиваться на главном.

Холодный туман, повисший еще с вечера, проникал во все щели. Аэлина спала под несколькими одеялами, и все равно ей было холодно. Но существовал простой и надежный способ согреться. Она повернулась на бок и лениво протянула руку, пытаясь нащупать рядом теплое мужское тело.

Ее пальцы ощутили лишь холодный шелк простыни.

Тогда она открыла глаза. Вспомнила, что находится не на Вендалине, а в своем рафтхольском жилище, в спальне, где господствовали кремовые и бежевые тона. Вторая половина ее просторной кровати оставалась нетронутой. Даже во сне она ухитрялась не залезать на ту половину, не мять покрывало и не сдвигать подушек.

На мгновение она представила, что там лежит Рован. Сон несколько смягчал черты его сурового лица. Серебристые волосы неярко блестели в свете раннего утра. Они так удивительно сочетались с прихотливым узором его татуировки. Татуировка начиналась у виска, спускалась по шее, по плечу и дальше по руке, вплоть до кончиков пальцев.

Аэлина напряженно выдохнула, потом протерла глаза. Она не имела право глупо растрчивать силы на мечты о Роване и тоску по нему. Мечтай не мечтай, он все равно не окажется рядом, не выслушает ее, не даст совета. Впрочем, ей бы сейчас хватило одного его молчаливого присутствия. Какое счастье проснуться и знать: он — рядом.

Аэлина сглотнула и встала с постели. Во всем теле ощущалась тяжесть, словно ночью она ворочала камни.

В свое время она убедила себя: потребность в помощи Рована вовсе не свидетельство ее слабости. Она хотела, чтобы он ей помогал, и признание этого было проявлением ее силы, но... Рован ей не подпорка. Чего ей не хотелось, так это чтобы он стал ее костылем.

Пережевывая холодный завтрак, она задним числом ругала себя за опрометчивость своих вендалинских решений. Напрасно она упустила из виду простую истину: всегда и везде ей следует рассчитывать только на свои силы.

Особенно в Рафтхоле. И особенно сейчас, когда уличный мальчишка, настойчиво барабанивший в дверь, передал ее записку. Аэлину желали видеть в Башне ассасина, причем немедленно.

Манона собиралась отправиться в одиночный полет. Аброхас громко сопел, предвкушая развлечение. И надо же, чтобы именно сейчас явился истукан-посыльный. Герцог опять требовал ее к себе. Посыльный ушел, а Манона еще целых пять минут мерила шагами башенное гнездо, сверкая железными зубами.

Она не собачонка, чтобы являться по свистку хозяина. И ведьмы не служанки. Ну что такое люди? Двуногая дичь, на которую можно весело поохотиться. Можно и поразвлечься, попив потом кровушки. В очень редких случаях смертные мужчины требовались для зачатия новых ведьм. Но чтобы смертные помыкали ведьмами и считали себя выше их...

Манона сбежала по лестнице вниз и едва не столкнулась с Астериной, спешившей навстречу.

— А я за тобой, — выпалила заместительница, встряхивая золотистой косой. — Герцог...

— Уже знаю, — огрызнулась Манона, щелкнув железными зубами.

Астерина удивленно подняла бровь, но промолчала.

У Маноны крепло желание выпустить кому-нибудь кишки. Герцог чуть ли не ежедневно вызывал ее на встречи, где присутствовал тощий долговязый смертный по имени Варнон. Тот смотрел на Манону, не выказывая ни страха, ни уважения. И зачем люди звали ее, если в их делах она ничего не решала? Драгоценное время, когда она могла бы упражняться с остальными ведьмами отряда Тринадцати, тратилось впустую. В редких случаях Маноне удавалось подняться на Аброхасе и улететь раньше, чем появится посыльный от герцога.

Манона снова и снова втягивала воздух носом и выдыхала через рот. Наконец ей удалось убрать железные зубы и ногти.

Конечно, она не собачонка. Но и не дура, способная опрометчивым поступком все испортить. Не так давно она стала главнокомандующей воздушной армией. Вот уже сто лет, как она наследница клана Черноклювых. Она сумеет вытерпеть этого смертного боров. Еще лет двадцать, и он пойдет на корм могильным червям, а она и остальные ведьмы вернутся к своей прекрасной бесконечной жизни, полной опасных и удивительных приключений.

Манона стремительно распахнула двери в помещение, где герцог обычно проводил эти встречи. Караульные едва взглянули на нее, ни выказав ни малейшего страха. Людьюми они были лишь по облику, а внутри... Плевать ей, что у них там внутри.

Герцог склонился над огромной картой, занимавшей едва ли не половину стола. Рядом стоял Варнон Лошэн. Манона так и не могла понять, какую роль играет долговязый, требовавший, чтобы его называли «господином Лошэном». То ли приятель герцога, то ли его советник. А может, просто шут. Чуть поодаль, уткнувшись глазами в черную стеклянную поверхность стола, сидела Кальтэна. Ее можно было бы принять за статую, если бы не легкие движения горла, свидетельствующие о дыхании. Уродливый шрам на руке изменил цвет, став багрово-красным. Забавно.

— Зачем звали? — спросила Манона.

Астерина, как обычно, встала у двери и скрестила руки.

— Нужно кое-что обсудить, — герцог указал на стол напротив.

Манона осталась стоять.

— Мой дракон голоден, и я тоже. Говорите быстрее, что вам надо, и я отправлюсь на

охоту.

Господин Варнон смерил ведьму взглядом. Он был темноволосым, худым как тростинка. Его голубой камзол был до тошноты чистым. Манона не привыкла, чтобы на нее так смотрели. Она предостерегающе оскалила зубы. Но Варнон ничуть не испугался, а лишь улыбнулся и спросил:

— Госпожа Манона, а чем вам не нравится пища, которой мы вас снабжаем?

Герцог наконец-то соблаговолит поднять голову.

— Знай я, что ты такая привередливая, мы бы сделали главнокомандующей наследницу

Желтоногих.

Манона тряхнула рукой, как бы невзначай выдвинув железные ногти.

— И получили бы несговорчивую, недисциплинированную и совершенно никчемную главнокомандующую.

Варнон сел:

— Я слышал о соперничестве между кланами Железнодорожных ведьм. Манона, вы имеете что-то против Желтоногих?

Астерина негромко зарычала. Что себе позволяет этот смертный? Никакого почтения к ее начальнице.

— У вас, смертных, есть свой сброд, — сказала Манона. — У нас — свой. Это Желтоногие.

— Оказывается, мы беседуем со знатью, — негромко произнес Варнон, обращаясь к герцогу.

Тот хмыкнул.

По спине Маноны поползло холодное пламя.

— Герцог, у вас есть пять минут.

Пальцы Перангтона забарабанили по стеклянному столу.

— Мы собираемся начать... опыты. В ближайшем будущем нам понадобится увеличить армию и повысить выучку уже имеющихся солдат. Вы, ведьмы, с вашей давней историей кланов, можете нам здорово в этом помочь.

— Можно подробнее?

— Пока что я не считаю необходимым раскрывать подробности моих замыслов. Мне нужно, чтобы один из шабашей Черноклювых, которыми ты командуешь, был готов к испытаниям.

— Каким испытаниям? — насторожилась Манона.

— Я намерен проверить, пригодны ли ведьмы для скрещивания с нашими союзниками из иного мира. Я говорю о валгах.

Окружающий мир замер. Никак герцог спятил? Или...

— Разумеется, речь не идет о способе размножения, принятом у людей. Процедура проста и сравнительно безболезненна. Ведьме под пупок вшивается кусочек камня. Через этот кусочек и осуществляется проникновение в ее чрево. Ребенок, рожденный от валга и имеющий ведьмину родословную... Думаю, ты понимаешь, сколь ценными были бы такие дети. Я знаю, как трепетно ведьмы заботятся о своем потомстве.

Когда-то валгские демоны проделали нечто похожее с женщинами народа фэ. Так появились ведьмы. Потом валги исчезли, и о них стали забывать. Теперь демоны вернулись и по непонятным причинам снюхались с королем и герцогом... Манону обуревали вопросы. Отогнав их, она сказала:

— Герцог, у вас полным-полно человеческих женщин. Ставьте свои опыты на них.

— У большинства наших женщин нет магических способностей. В отличие от ведьм, скрещивание с валгами для них губительно. А в ваших жилах течет и валгская кровь. Это облегчает мою задачу.

Знала ли ее бабушка об этом?

— Мы — ваша армия. Но шлюхами к вам не нанимались, — с убийственным спокойствием проговорила Манона.

К ней подошла Астерина. Лицо заместительницы было бледным от напряжения.

— Мне нужен шабаш Черноклювых, — повторил герцог, будто не слыша ее слов. — Даю тебе неделю срока. И учти, главнокомандующая: попытаешься мне мешать — твой драгоценный дракон пойдет на корм собакам. И летающие твари твоих тринадцати подруг тоже.

— Только троньте Аброхаса. Я с вас шкуру заживо спущу.

Герцог вновь склонился над картой.

— Можешь идти, — бросил он Маноне. — Да, спустись в кузницу. Мне оттуда сообщили, что последняя партия вашего оружия готова. Убедись собственными глазами.

Манона не тронулась с места. Интересно, насколько тяжел этот черный стеклянный стол? Ей отчаянно хотелось его опрокинуть, разбить на куски, а осколками медленно и мучительно резать герцога и Лошэна.

Варнон насмешливо поднял брови, глядя на нее. Этого было достаточно, чтобы Манона убралась за дверь прежде, чем успела сотворить какую-нибудь глупость.

Астерина молча шла за нею. Где-то на середине пути она не выдержала и спросила:

— Что ты собираешься делать?

Манона сама не знала. Обращаться к бабушке она не решалась. Это означало бы расписаться в собственной беспомощности и заодно в неумении выполнять приказы.

— Буду думать, — честно призналась она.

— Но ты же не отдашь ему один из наших шабашей для этих... случек?

— Говорю тебе, пока не знаю.

Возможно, затея герцога не так уж и плоха. Влить в их жилы свежую кровь валгов. Вдруг это и впрямь сделает клан сильнее? Может, валги подскажут, как избавиться от крошанского проклятия?

Астерина вдруг схватила ее за локоть. Ногти заместительницы впились в кожу Маноны. Манона поморщилась. Прежде Астерина не осмеливалась так себя вести с нею. Ничего похожего. И чтобы такая напористость.

— Ты не должна этого допускать, — сказала Астерина.

— Я сегодня по горло сыта приказами. Еще одно слово, и твой язык будет валяться на полу.

Лицо Астерины покрылось пятнами.

— Манона, ведьмино потомство священо. Понимаешь, священо! Мы не отдаем наших детей никому, даже другим кланам.

Астерина говорила правду. Девочки с задатками ведьм рождались очень редко. Их называли даром Трехликой богини. Они считались священными от первых признаков беременности матерей и вплоть до шестнадцати лет. Причинить вред беременной ведьме и ее плоду, обидеть маленькую ведьму — все это считалось настолько тяжким преступлением, что мгновенная смерть была бы слишком легким наказанием. Нет, наказание растягивалось

надолго и было сравнимо с гнусностью преступления. Манона дважды участвовала в подобных затяжных казнях и каждый раз убеждалась: виновную все-таки наказали недостаточно.

У ведьм рождались и обычные дети. Тех в расчет не принимали. Желтоногие просто лакомились ими, как молодой телятиной. А вот ведьмино потомство... не было большей гордости, чем выносить и родить ведьму для твоего клана, и не было большего позора, чем ее потерять.

— Какой шабаш ты выберешь?

— Я пока не решила.

Возможно, она выберет какой-нибудь второстепенный клан и оценит результаты. Надо смотреть правде в глаза. Раса ведьм медленно вымирала. Возможно, валги добавят им жизненных сил, которых Железнодорожным так не хватало.

— А если они будут возражать?

Манона остановилась у лестницы в свою башню: ей полагалось отдельное жилье.

— Единственная, кто нынче мне возражает, — это ты, Астерина.

— Это неправильно...

Манона чиркнула рукой. Железные ногти порвали ткань плаща, доспехи и кожу поверх грудей Астерины.

— Я заменяю тебя Соррелью.

Астерина лишь смотрела на льющуюся кровь, не делая попыток ее остановить.

Манона стала подниматься по лестнице.

— Я совсем недавно тебя предупреждала: знай свое место. Но ты пропустила мои слова мимо ушей. Зачем мне такая заместительница? От тебя никакого толку ни на собраниях, ни в чем-то другом.

Уже сто лет заместительницы Маноны были одни и те же.

— Вы с Соррелью меняетесь местами. Если докажешь, что способна держать себя в узде, я передумаю.

— Слушаюсь, — тихо ответила Астерина.

— Мое решение объявишь отряду сама. Немедленно.

— Манона...

В голосе Астерины звучала мольба. Манона не помнила, чтобы ее двоюродная сестра умоляла о чем-либо.

Манона поднималась, шелестя своим красным плащом. Ее не волновало, какими словами Астерина объявит ведьмам отряда Тринадцати о своем понижении в звании. Перед отлетом сюда бабушка недвусмысленно ей объяснила: любое нарушение дисциплины, любое неповиновение повлечет за собой быструю и жестокую смерть их всех. И красный плащ — лучшее тому напоминание.

— Через час жду тебя в гнезде, — сказала Манона, даже не обернувшись.

Она толкнула дверь и вошла к себе.

Там пахло смертным человеком.

Перед очагом стояла на коленях молодая служанка. В одной руке она держала щетку, в другой — тряпку. Ее билась легкая дрожь, но помещение уже успело наполниться ее страхом. Должно быть, девица перепугалась с первых секунд, едва переступив порог.

Увидев Манону, служанка втянула голову в плечи. Копна черных волос закрыла ей лицо.

Но Манона успела заметить оценивающий взгляд черных глаз.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Манона и для острастки провела железными ногтями правой руки по железным ногтям левой.

— П-п-прибираюсь, — заикаясь, ответила служанка.

Играла она превосходно. Дрожащий голос, опущенные плечи. Весь ее облик — сплошной испуг. Ведьмам нравилось, когда смертные вели себя подобным образом. А вот страх не сыграешь. Страх у девицы был настоящим. Манона прикинула ее возраст. Лет двадцать, по меркам смертных.

Манона втянула железные зубы.

Служанка поднялась на ноги, сжимаясь, словно от боли. Подол ее поношенного домотканого платья качнулся. Манона увидела, что лодыжки девицы скованы цепью. Правая нога была вывернута вбок. Чуть выше лодыжки тянулся толстый шрам.

— С чего бы смертные прислали мне увечную служанку? — спросила Манона, пряча хищную улыбку.

— Я... я лишь делаю, что мне велели.

Голос у нее был какой-то бесцветный.

Манона усмехнулась и прошла к столику, чтобы налить себе воды. Развевающийся кроваво-красный плащ и коса должны были еще больше нагнать страху на хромоую служанку.

Девица быстро сложила тряпку и вместе со щеткой сунула в карман фартука.

— Госпожа, я могу прийти в другое время, чтобы не мешать вам.

— Нет уж. Прибейся сейчас, смертная. Нечего ко мне лишний раз шастать.

Глотая воду, Манона следила за действиями служанки.

Прихрамывая, девица двигалась по комнате — робкая, пугливая. Никчемность, на которую посмотришь один раз и больше не захочется.

— Что у тебя с ногой? — спросила Манона, прислоняясь к спинке кровати.

Служанка даже не подняла головы.

— Это был несчастный случай, — ответила девица, продолжая выгребать золу из очага и пересыпая ее в принесенное с собой ведро. — В восемь лет я споткнулась и упала с лестницы. Мой дядя не доверял врачам. Он говорил, что само пройдет. Нога зажила, но осталась... такой. Еще хорошо, что я себе шею не свернула.

— А цепь зачем?

Маноне было ровным счетом плевать на цепи служанки. Она спрашивала скуки ради.

— Это чтобы я не убежала.

— Как отсюда сбежишь? Горы кругом.

Манона видела, как дрогнули худенькие плечи служанки. Чувствовалось, ее задело напоминание о цепи, но она изо всех сил старалась этого не показывать.

— Вы правы, госпожа. Но я родилась не здесь, а в Перранте.

Служанка наполнила очаг поленьями. Манона представила, как нелегко было увечной девчонке тащить дрова вверх. Теперь служанку ждало новое мучение — нести вниз ведро с золой.

— Если вам понадобится что-то почистить или пол помыть, спросите Элиду. Караульные знают, где меня найти.

Манона следила за каждым шагом хромоножки. Еще немного, и девица откроет дверь и исчезнет. Но Маноне вдруг стало любопытно.

— И твоего дядю даже не наказали за то, что не пустил к тебе врачей?

— Его никто не посмел бы наказывать. Мой дядя — правитель Перранта, — обернувшись через плечо, ответила служанка.

— Так, значит, Варнон Лошэн — твой дядя?

Элида кивнула.

Манона смотрела на нее, все больше убеждаясь, что девица далеко не так проста, как кажется.

— Зачем твой дядя пожаловал сюда?

— Не знаю, — простодушно ответила Элида.

— А тебя зачем с собой потащил?

— Не знаю.

Элида поставила ведро на пол и прислонилась к двери, перенесла вес тела на здоровую ногу.

— И кто же тебя послал убирать у меня? — нарочито мягким, почти ласковым тоном спросила Манона.

Она чуть не засмеялась, когда плечи Элиды опустились еще ниже, а голова почти выросла в туловище.

— Я... я не шпионка. Клянусь вам своей жизнью.

— Твоя жизнь для меня ничего не значит.

Манона медленно подошла к служанке. Элида добросовестно играла роль скромной, услужливой смертной девчонки, готовой подчиниться и не перечить. Манона железным ногтем приподняла ей подбородок:

— Учти, Элида Лошэн. Я предупреждаю только один раз. Если я обнаружу, что ты шпионишь за мной, ты вообще останешься без ног.

В нос Маноне ударил отвратительный запах человеческого страха.

— Любезная госпожа, к-клянусь, я н-ничего у вас не трону.

— Уходи.

Манона провела ногтем под подбородком Элиды, оставив струйку крови. Ведьма поспешно отошла, но кровь с ногтя слизала.

Маноне стоило больших усилий сохранять маску равнодушия. Вкус свежей крови был таким манящим.

Сочтя свое предупреждение достаточным, Манона сама открыла дверь. Элида ушла, позвякивая тяжелой цепью. Манона смотрела ей вслед.

Поначалу Манона решила даже подыграть увечной девице. Пусть думает, будто одурачила ее своей показной робостью, учтивыми словами и полной безобидностью. Нет, не напрасно она спросила про дядю! Дальше Маноне уже стало не до игры. Все ее охотничьи инстинкты обострились. Элида умела владеть лицом, но предпочитала держать голову опущенной, чтобы ненароком не выдать своих истинных мыслей. Маноне она говорила то, что ведьма хотела от нее услышать. Казалось, Элида прощупывала потенциального врага.

Клятвы Элиды гроша ломаного не стоили. Дядя вполне мог приказывать ей шпионить за Маноной. Вот и первое доказательство: сильнее всего запах Элиды ощущался возле стола, где лежала развернутая карта континента. Ноздри Маноны улавливали запах корицы и бузины там, где девица дотрагивалась до карты своими хрупкими пальчиками.

Манону посетила новая мысль: а вдруг Элида шпионит не для Варнона? Вдруг кто-то послал ее сюда? Но кто? Ответов Манона не знала. Пока было ясно одно: смертные за нею следили. И за ведьмами ее отряда — тоже.

Кузница на кузнице! Когда Аброхас опустился посередине военного лагеря смертных, у Маноны от дыма слезились глаза. Дракон шипел и расхаживал по узкому кругу, сердито поглядывая на солдат в темных доспехах. Те, отойдя подальше, глазели на диковинного зверя. Но когда рядом приземлилась Соррель, смертные убрались подальше. Ее дракон не шипел, а рычал на солдат.

Аброхас тоже зарычал, недовольный близким соседством с драконом Соррели. Прежде чем спрыгнуть на землю, Манона ударила его по бокам.

— Без потасовок! — предупредила она.

Неподалеку теснились наспех построенные лачуги, в которых жили кузнецы. Драконам была отведена полянка с глубоко врытыми столбами. К столбам надлежало привязывать крылатых тварей. Манона не стала привязывать Аброхаса. Что касается Соррели — пусть сама решает, привязывать своего или нет.

Заменяв Астерину Соррелью, Манона словно нарушила привычное равновесие своего мира. Мир накренился. Начать с того, что их драконы — оба самцы — затеяли соперничество, хотя до открытой стычки пока не дошло. Драконихе Астерины Аброхас всегда уступал место. Даже терся о ее голубые бока.

Манона не стала дожидаться, пока Соррель успокоит своего дракона. Ей хотелось поскорее осмотреть изготовленное оружие и убраться отсюда. Шум, донимавший ее на высоте, здесь был просто нестерпимым. Он доносился отовсюду. Куда ни глянь — сполохи огня и непрерывно движущиеся фигуры смертных. Часть кузниц располагалась в окрестных пещерах. Та, что делала оружие для ведьм, находилась на открытом воздухе, прикрытая наспех сооруженной крышей. Крыша держалась на таких же наспех врытых столбах.

Кузнец уже ждал их возле ближайшего столба. Увидев ведьм, махнул им. От постоянного общения с огнем кожа на руке кузнеца приобрела красноватый оттенок. Судя по шрамам, в сражениях с металлом кузнец не всегда выходил победителем. Возле столба, на походном столе было разложено оружие из адарланской стали. Лезвия мечей и клинков были отполированы до блеска. Соррель встала за спиной Маноны и молча следила, как та вертела в руке кинжал, проверяя вес и сбалансированность оружия.

— Тяжеловат, — сказала Манона.

Кузнец внимательно слушал, глядя на нее темными смысленными глазами. Манона взяла другой кинжал, затем меч и нахмурилась.

— Для моих шабашей требуется оружие полегче.

Кузнец слегка сощурил глаза. Он подержал в руке отвергнутый ведьмой меч, постучал по узорчатому эфесу и покачал головой.

— Красота мне не нужна, — заявила Манона. — Прочность лезвия и легкость — вот что мне требуется. Убери все эти финтифлюшки. Глядишь, меч станет полегче.

Кузнец покосился на Рассекатель ветра, висящий за спиной Маноны. Никаких украшений на эфесе. Предельная простота. Но Манона помнила, с каким восторгом кузнец глазел на лезвие ее меча, когда она спускалась сюда в прошлый раз. Он сразу оценил совершенство оружия Маноны.

— Только смертные могут заботиться о внешней красоте мечей и кинжалов, — усмехнулась она.

Глаза кузнеца вспыхнули. Сейчас бы он без всякого страха возразил ей... если было бы чем. У него был отрезан язык. Манона даже знала за что. Спасибо Астерине — та умела

выведывать у смертных нужные сведения, очаровывая одних и до смерти пугая других. Отрезать кузнецу язык приказал один здешний генерал, чтобы случайно не выболтал важные секреты смертных. Значит, кузнец был неграмотным и передавать сведения мог лишь на словах. Но что его удерживало здесь? Ведь даже без языка опытный кузнец легко мог найти себе работу в любом месте. Наверное, семья. Кузнецу пригрозили, что в случае чего его близким не поздоровится.

Манону мало заботили обстоятельства жизни кузнеца.

— Драконы в бою и так понесут на себе достаточно груза. Наши доспехи, их собственные, необходимые припасы. Чем меньше нагрузка, тем дольше драконы смогут находиться в воздухе. Это очень важно.

Кузнец вглядывался в изготовленное оружие, потом взмахнул рукой и исчез в лабиринте горнов, наковален и расплавленного металла.

Ведьмы остались ждать. Соррель тоже взяла кинжал, примеряя к своей руке. Ее каштановые волосы были увязаны в тугий пучок. Ее лицо, привлекательное в глазах смертных, как всегда, оставалось спокойным и собранным.

— Ты знаешь: я поддерживаю любые твои решения, — начала она. — Но Астерина...

Манона подавила вздох. Когда она объявила, что в кузницу с нею отправится Соррель, ведьмы ее отряда восприняли это с внешним спокойствием. Только Васта, придя в гнездо, встала рядом с Астериной. Может, желая ее поддержать. Или из молчаливого протеста. Манону это не волновало. Сама Астерина, выдержав ее взгляд, лишь кивнула. Хмуро, неохотно, но кивнула.

— Ты не хочешь быть второй по значимости? — спросила Манона.

— Быть твоей заместительницей — большая честь, — ответила Соррель своим грубоватым голосом, перекрывая грохот молотов. — Но и свою прежнюю должность я тоже считала честью. Астерина и в привычной обстановке не была образцом послушания. Но в этой вонючей крепости, где сплошные запреты: охотиться нельзя, убивать смертных нельзя, развлекаться с ними нельзя... Астерина дошла до предела.

— Мы все дошли до предела.

Манона рассказала Тринадцати про Элиду. Интересно, заметит ли хромоножка, сколько глаз отныне будут следить за каждым ее шагом?

Соррель передернула своими сильными плечами и бросила кинжал обратно на стол.

— На Омаге мы знали свое место. Знали, чего от нас ждут. Там был распорядок, была цель. До Омаги у нас тоже была цель — выслеживание и уничтожение крошанских ведьм. А здесь мы просто живое оружие, ждущее, когда его пустят в ход.

Она обвела рукой арсенал на столе.

— И рядом нет твоей бабушки, чтобы... вмешаться. Она бы установила строгие правила, нагнала бы страху на смертных. Будь она здесь, герцог бы не раз пожалел, что связался с нами.

— Соррель, по-твоему, я — плохая командующая?

Вопрос был задан тем же слишком спокойным тоном, каким недавно Манона говорила с Астериной.

— Я этого не сказала. Но каждая из Тринадцати знает, почему твоя бабушка заставила тебя убить крошанку и забрать ее плащ.

Опасные слова. Манона никак не ждала услышать их от Соррели. Или, становясь ее заместительницей, каждая ведьма осмелеет и достигнет опасной черты?

— Я думаю, вы иногда забываете, на что способна моя бабушка.

— Поверь, Манона, мы это хорошо помним. — Соррель понизила голос, увидев, что кузнец возвращается и несет им новую партию оружия. — И лучше всех это помнит Астерина. Она ни на секунду не забывает, на что способна твоя бабушка.

Манона могла бы потребовать от нее объяснений. Но Соррель — камень, а камень так просто не расколешь. Кузнец неторопливо выкладывал принесенное. Манона следила за его движениями, чувствуя, как у нее сводит живот.

«Это от голода», — мысленно твердила она себе. Только от голода.

За два последних года жизнь Аэлины неузнаваемо изменилась. Она успела пройти несколько кругов ада. А вот Башня ассасина не претерпела никаких внешних изменений. Аэлина не знала, должно ли это ее успокаивать или, наоборот, настораживать. Живая изгородь, дополнявшая чугунную ограду, сохранила прежнюю высоту. Кусты и сейчас подстригались с умопомрачительной точностью. И подъездная дорожка была выложена все теми же серыми камнями. Особняк Аробинна сохранял свою аристократическую элегантность, и его двустворчатая дубовая дверь, отполированная до блеска, отражала неяркий свет утреннего солнца.

Никто из обитателей окрестных домов и не догадывался, что рядом с ними проживает опаснейший ассасин Эрилеи. Его гнездо считали просто богатым домом, каких много в богатой юго-западной части Рафтхола. Башня ассасина стояла под самым носом у адарланского короля.

Чугунные ворота были открыты. Ассасинов, одетых под обычную домовую охрану, Аэлина не знала. Они не сделали попыток ее задержать, хотя ее костюм, оружие и глубоко надвинутый капюшон должны были бы их насторожить.

Конечно, куда удобнее и безопаснее навестить этот дом под покровом темноты. Еще одно испытание: сумеет ли она явиться при свете дня и не привлечь к себе излишнего внимания? К счастью, город вовсю готовился к празднованию дня рождения принца. До торжеств оставался всего один день. Повсюду шла бойкая торговля. Торговали сладостями, флажками с изображением адарланского дракона и синими ленточками (под цвет глаз принца). От всего это у Аэлины сводило живот.

Добраться незамеченной до Башни ассасина — пустяк по сравнению с тем, что ждало Аэлину в логове Аробинна. А по сравнению с завтрашним днем — вообще мелочь.

Ей казалось, что каждый выдох повторяет имя: Эдион, Эдион, Эдион.

Но Аэлина усилием воли подавляла все мысли о нем и о том, что могли с ним сделать в королевской тюрьме. Сейчас ее цель — встреча с Аробинном.

В Башне она не была с той самой ночи, когда ее жизнь превратилась в кромешный ад. Справа — все то же здание конюшни. Место, где она схватилась с Сэльвом и оставила его валяться без сознания, не пожелав слушать предупреждений о возможной ловушке. А на втором этаже особняка — три окна ее бывшей комнаты. Окна выходили в сад. Сейчас все они были открыты. Ветер играл тяжелыми бархатными занавесками. Казалось, комнату проветривали в ожидании, что она туда вернется. А может, теперь там жил кто-то другой.

Едва Аэлина поднялась на верхнюю ступеньку крыльца, резные дубовые двери распахнулись словно сами собой. На пороге стоял дворецкий. Его лицо тоже было для нее новым. Дворецкий с поклоном отступил, пропуская ее внутрь. Вот и знакомый вестибюль — просторный, с удивительно красивым мраморным полом. В конце вестибюля находился кабинет Аробинна. Двери туда были широко открыты.

Аэлина переступила порог и вошла в дом, который когда-то считала своей надежной гаванью... пока он не превратился в тюрьму и преисподнюю.

И здесь никаких перемен. Сводчатые потолки, стеклянные люстры. И мраморный пол, который вполне мог заменить зеркало. Созерцая свое движущееся отражение, Аэлина шла к кабинету.

Вокруг — ни души. Даже отвратная физиономия Тарна не мелькает. Либо Аробинн всех куда-то услад, либо велел не высовываться, пока не кончится встреча. Похоже, не хотел, чтобы его разговоры с Аэлиной подслушали.

Ее окружали запахи Башни, снова будоража воспоминания. Пахло свежими цветами и выпечкой. Но сквозь эти ароматы все равно пробивался острый запах металла и неуловимое ощущение жестокости и злодеяний, творимых в подвалах Башни.

Каждый шаг к роскошному кабинету Аробинна был для нее испытанием воли.

Аробинн уже ждал ее. Как всегда, он сидел за своим внушительным столом. В лучах солнца, струящихся из огромных, во всю стену, окон, его золотисто-каштановые волосы приобретали цвет расплавленной стали. Стены кабинета были обшиты добротными деревянными панелями. Запихнув поглубже все сведения из письма Сэльва, Аэлина вошла в кабинет, стремясь держаться как можно непринужденнее.

Не в силах удержаться, она бросила взгляд на ковер перед столом. Аробинн это заметил. Возможно, он ждал, что она непременно посмотрит на ковер.

— Ковер у меня новый, — произнес Аробинн, поднимая голову от бумаг. — С прежнего так и не удалось полностью отчистить пятна крови.

— Жаль, — сказала Аэлина, опускаясь на стул возле стола. На другом обычно сидел Саэм, и туда она старалась не смотреть. — Тот ковер был красивее.

Был... пока не пропитался ее кровью. Аробинн тогда избил ее за то, что она разрушила его замыслы, связанные с работоторговлей. Саэм оставался вынужденным свидетелем ее избиения. Когда Аэлина потеряла сознание, та же участь постигла и Саэма.

Наверное, часть шрамов на костяшках Аробинна осталась от тогдашнего рукоприкладства.

В дверь заглянул дворецкий. Аэлина не решилась повернуть голову.

— Нас не беспокоить, — распорядился Аробинн.

Дворецкий пробормотал что-то вроде «слушаюсь», и двери кабинета закрылись.

Аэлина закинула ногу на подлокотник стула.

— Чем обязана спешному вызову сюда?

Аробинн вышел из-за стола и встал рядом, упиравшись в крышку.

— Просто хотел увидеть, в каком ты состоянии за день до грандиозного события. — Его серебристые глаза вспыхнули. — Хотел пожелать тебе удачи.

— И убедиться, что я тебя не предам?

— Разве у меня есть основания так думать?

— Сомневаюсь, что тебе сейчас хотелось бы затевать разговор о доверии.

— Конечно же нет. Особенно когда тебе нужно вплотную сосредоточиться на завтрашнем дне. Нужно учесть все мелочи. Они-то самые коварные. Особенно если тебя схватят.

Завуалированная угроза? Слова Аробинна были будто кинжал, вошедший ей между ребер.

— Ты же знаешь: пытками меня не сломить.

— Разумеется, — улыбнулся Аробинн, скрещивая руки на своей широкой груди. — Я уверен: моя подопечная, если ее схватят, защитит мое имя от подозрений.

Теперь понятно, зачем ее позвали.

— Забыл спросить, — продолжал Аробинн. — Ты намерена действовать... в какой ипостаси? Как Селена?

Аэлина с нарочито скучающим видом оглядывала кабинет. Никаких намеков на присутствие амулета Оринфа. Она еще раз пробежала глазами по полкам и столу и лишь потом повернулась к Аробинну.

— Я не собиралась оставлять там визитную карточку.

— А какие объяснения ты дашь двоюродному брату, когда вы встретитесь? Те же, что и благородному капитану?

Аэлину не интересовало, каким образом он узнал о ее разговоре с Шаолом. Лисандре она не сказала ни слова. Та до сих пор не знала, кем в действительности является Селена. Этот вопрос тоже надо отложить на потом.

— Я скажу Эдиону правду.

— Будем надеяться, ему этого вполне хватит.

Какое Аробинну дело?

— Слушай, я сегодня не настроена на словесные поединки. Говори, что тебе надо, и я отправлюсь набираться сил перед завтрашним днем.

Она не лгала. Вчера она решила проследить за солдатами, одержимыми валгскими демонами, и до позднего вечера таскалась по городу.

— Ты же знаешь: все, чем я располагаю, — к твоим услугам.

Аробинн мельком взглянул на ее правую ногу, переброшенную через подлокотник. Наверное, догадался, что нога доставляет ей хлопоты. Похоже, он знал, что побоище в «Склепе» разбередило ее давнюю рану, полученную во время поединка с Кэйном.

— Мой целитель мог бы посмотреть твою ногу. Я совсем не хочу, чтобы завтра она тебя отвлекала. Или хуже того — мешала.

Выучка помогла Аэлине сохранить на лице выражение скуки.

— Я помню — ты очень любишь слушать звук собственного голоса, — сказала она.

Аробинн засмеялся. Не язвительно. Чувственно.

— Кто-то возражал против словесных поединков. Ты не помнишь кто?

Аэлина ждала, не меняя позы.

Аробинн обвел взглядом ее костюм. Потом их глаза встретились, и Аэлина увидела Аробинна без масок. Холодного, жестокого убийцу, каким он и был на самом деле.

— Я получил сведения, что ты вчера несколько часов следила за королевскими гвардейцами, но не предприняла никаких действий. Или ты забыла наш уговор?

— Представь себе, помню, — усмехнулась Аэлина.

— Тогда почему обещанный демон не сидит у меня в подземной тюрьме?

— Потому что я, кажется, уже говорила: поимкой я займусь только после освобождения Эдиона.

Аробинн моргнул:

— Эти твари способны навести короля на тебя. На нас. Я не собираюсь рисковать безопасностью Эдиона ради удовлетворения твоего болезненного любопытства. И потом, вдруг ты так заиграешься своей новой игрушкой, что уже не захочешь мне помогать?

Аробинн оттолкнулся от стола, подошел к ней и склонился над стулом:

— Селена, я привык выполнять свои обещания.

Опять это имя!

— А вот ты? — укоризненно произнес он, отходя на шаг. — Помню, несколько лет назад ты грозилась убить Лисандру. Я очень удивился, когда она вернулась без единой царапины.

— Ты старался изо всех сил, поддерживая взаимную ненависть между нами. Вот я и

подумала: почему бы не взглянуть на Лисандру под другим углом? Оказывается, она не такая уж избалованная эгоистка, какой я привыкла ее видеть, веря твоим словам.

Аэлина помнила все ярлыки, которые Аробинн навешивал на Лисандру.

— Но если ты хочешь, чтобы я ее убила, я охотно этим займусь. Все проще, чем ловить демонов.

— Пусть живет, — усмехнулся Аробинн. — Она мне неплохо служит. Но если ты решишь выполнить свое давнее обещание, я найду ей замену.

— Значит, ты меня проверял? Хотел узнать, выполняю ли я свои обещания?

Аэлина вдруг вспомнила о другом обещании, которое она дала на могиле Нехемии. Шрам на ее ладони стал нестерпимо горячим, будто только что поставленное клеймо. Перчатки оказались как нельзя кстати.

— Это был подарок.

— Уж лучше драгоценности и наряды. Или полезные вещи, — добавила она, глядя на свой костюм.

Она встала. Аробинн внимательно следил за каждым ее движением.

— Сейчас этот костюм сидит на тебе лучше, чем в твои семнадцать.

Хватит с нее пустых слов и бесполезной траты времени. Аэлина повернулась, готовая уйти, но Аробинн схватил ее за руку, и не где-нибудь, а в том месте, откуда выдвигался потайной кинжал. Он тоже знал, где оно. Еще одно предупреждение?

— После освобождения брата заляжешь на дно, — сказал Аробинн. — Вздумаешь увильнуть от выполнения своей части сделки... тогда, Селена, я тебе не завидую. Ты убедишься, насколько опасен этот город для разного рода беглецов. И огнедышащие суки-королевы не составляют исключения.

— А как же признания в любви? — усмехнулась она. — Помнится, ты был готов ходить по горячим углям.

Опять чувственный смешок.

— Я всегда любил танцевать с тобой. — Аробинн подошел к ней почти вплотную. Стоило ей чуть повернуть голову, и их губы соприкоснулись бы. — Если твое величество желает, чтобы я шептал тебе на ушко разные милые глупости, я готов. Но ты все равно выполнишь свою часть сделки.

Аэлина не решалась отстраниться. Серебристые глаза Аробинна всегда обладали странным завораживающим свойством. Из них струился холодный свет. Так светится небо, на котором еще не успели появиться краски зари. Ничьи глаза не действовали на нее так, как эти, притягивая к себе и не позволяя отвести взгляд.

Аробинн наклонил голову. Его волосы поймали солнечный свет.

— Кстати, а как насчет принца?

— Какого принца? — осторожно спросила Аэлина.

Аробинн понимающе улыбнулся и отошел.

— Насколько я знаю, принцев трое: твой двоюродный брат и двое других, ныне обитающих в теле Дорина Хавильяра. Известно ли храброму капитану, что его друг детства нынче одержим демоном высокого ранга? У валгов они считаются принцами.

— Известно, — коротко ответила Аэлина.

— А капитан знает, что ты можешь решиться на разумный поступок и оборвать жизнь королевского сына, пока он не стал опасен?

— Странные вопросы ты задаешь. Это же ты встречался с капитаном.

— Вижу, капитан уже не так откровенен с тобой, как прежде. А вот своей бывшей любовнице он рассказывает все. Они вместе были в «Склепе». Несарина Фелак — так зовут эту особу. Между прочим, пекарня ее отца делает лучшие грушевые пироги во всем Рафтхоле. Не знала? Он даже получил королевский заказ на изрядное количество этих пирогов для завтрашнего празднества. Такова ирония жизни.

Аробинн говорил посмеиваясь. От его слов у нее заледенело все внутри. Аэлина знала о существовании Литэны, бросившей Шаола ради более выгодной партии. Второй его женщиной она считала себя. Но... Несарина? Умолчал «из скромности», но не преминул сказать ей в лицо гадость про их отношения с Рованом. «Твой фэйский принц». Аробинн назвал Несарину бывшей любовницей. Возможно, она заменила Литэну, и их близость давно осталась в прошлом... Умом Аэлина понимала: ей нет никакого дела до любовниц Шаола, но... Аробинн умело направил ее чувства в нужное ему русло.

— Аробинн, неужели мы будем тратить время на сплетни? Давай говорить о деле.

— А тебя не интересует, зачем Шаол снова виделся со мною не далее как вчера вечером?

Один — мерзавец, второй — дурак. Она же предостерегала Шаола... Аэлина лихорадочно соображала, как поступить. Сказать, что ничего не знала, или засунуть обиду подальше и играть внаглую? Шаол мог что-то утаивать от нее, но он не стал бы ставить под удар ни ее безопасность, ни ее замыслы по освобождению Эдиона.

— Зачем мне интересоваться тем, что я и так уже знаю? — небрежно усмехнулась Аэлина. — Ведь это я послала его к тебе.

Она неторопливо прошла к дверям кабинета.

— Ты и впрямь помираешь со скуки, если позвал меня ради насмешек и сплетен.

Чувствовалось, Аробинн был удивлен таким поворотом.

— Желаю удачи. Можешь не волноваться. Все, что я обещал, готово.

— Иного я и не ожидала.

Аэлина открыла дверь и лениво махнула ему рукой:

— До встречи... господин Хэмел.

Аэлина вновь зашла в королевское казначейство, а когда вернулась домой, у двери ее дожидалась Лисандра. Куртизанка догадалась захватить с собой кучу съестных припасов, что было весьма кстати.

Аэлина уселась за кухонный стол. Разложив принесенную снедь, Лисандра подошла к окну, присмотрелась и вдруг спросила:

— А ты знаешь, что у тебя есть «тень» на соседней крыше?

— Этот человек вполне безобиден, — коротко ответила Аэлина.

И полезен. Люди Шаола вели наблюдение за Аробинном повсюду: и вокруг Башни, и возле ворот замка, и, конечно же, возле ее жилища.

— Ты такая глазастая? — усмехнулась Аэлина, стараясь обратить все в шутку.

— Твой бывший хозяин кое-чему научил и меня. Перво-наперво защищать себя.

«Точнее, защищать его денежки, вложенные в тебя», — подумала Аэлина, но промолчала.

— Ты прочла письмо? — спросила куртизанка.

— Да, и не один раз.

Она читала послание Сэльва, пока в память не впечатались все имена, даты и события.

Пока в душе не вспыхнул и не разгорелся такой сильный огонь, что она радовалась запрету магии на Эрилее. Теперь Аэлина знала, что не ошиблась и список, составленный ею, был верен.

— Как ни жаль, но письмо мне пришлось сжечь. Это единственный способ уберечь нас от опасностей.

Лисандра кивнула, поддев ногтем торчащую нитку на корсаже своего красно-коричневого платья. Платье имело пышные красные рукава с плотными черными бархатными манжетами и золотыми пуговицами, поблескивающими на предполуденном солнце. Лисандра потянулась за оранжерейным виноградом, купленным Аэлиной вчера.

— Красивое у тебя платье, но уж больно скромное, — сказала Аэлина. — Прежняя Лисандра любила более открытые наряды.

Зеленые глаза куртизанки вспыхнули.

— Прежняя Лисандра давно умерла, — тихо сказала она.

«Как и Селена Сардотин», — подумала Аэлина.

— Я позвала тебя сегодня, потому что мне надо с тобой... поговорить.

— Об Аробинне?

— О тебе.

Ухоженные брови Лисандры изогнулись.

— А когда мы доберемся до разговоров о тебе? — спросила она.

— Что тебя интересует?

— Зачем ты вернулась в Рафтхол? Догадываюсь, не только для спасения этого генерала.

— Я не настолько знаю тебя, чтобы отвечать на подобные вопросы.

Лисандра не обиделась и задала новый вопрос:

— Но почему Эдион?

— Мне он полезнее живой, чем мертвый.

Это была чистая правда.

Лисандра барабанила своими изящными пальчиками по столу.

— Я столько лет завидовала тебе. Не столько тому, что Саэм на тебя неровно дышал. Ты купалась во внимании Аробинна... Представляешь, какой дурой я была? Верила, что он исполняет малейшую твою прихоть и ни в чем тебе не отказывает. Я ненавидела тебя, поскольку где-то в глубине души понимала: я для него всего лишь пешка в игре против тебя. Я была ему нужна, чтобы заставить тебя добиваться его внимания, ходить на цыпочках. Через меня он делал тебе больно. А мне это нравилось. Я думала: уж лучше быть чьей-то пешкой, чем пустым местом. — Лисандра тряхнула головой, откидывая прядку со лба. — Я думала, что всю жизнь так и проживу. Но потом... Аробинн подстроил убийство Саэма и ловушку для тебя... В тот день, когда тебя повезли в Эндовьер, Аробинн позвал меня к себе. По дороге обратно, в карете, я вдруг расплакалась. Сама не знаю почему. Сэльв меня сопровождал. В тот вечер все в наших отношениях изменилось.

Лисандра взглянула на шрамы вокруг запястий Аэлины, потом на свою ненавистную татуировку.

— В прошлый раз ты приехала ко мне не только затем, чтобы предупредить насчет Аробинна.

Когда Лисандра подняла глаза, они были похожи на две зеленые льдинки.

— Не только, — ответила она с холодной яростью в голосе. — Я приехала, чтобы ты помогла мне его уничтожить.

— Такое говорят лишь тем, кому всецело доверяют. Разве у тебя есть основания мне доверять?

— Ты разгромила «Склеп». Я сразу поняла: это месть за Саэма. Потому что владельцы притона — они все работали на Рюка Фаррана, и в тот день, когда... — Она снова тряхнула головой. — Я понимаю: ты собралась сполна отомстить Аробинну за Саэма. У меня с ним свои счета. Спросишь, не боюсь ли я предательства с твоей стороны? Нет. Если ты меня предашь, вряд ли это добавит мне страданий по сравнению с тем, что я уже перенесла.

Аэлина откинулась на спинку. Она старалась не думать про ад, через который прошла Лисандра. Похоже, у куртизанки был свой Эндовьер. Своя каторга.

— Я успела забыть о возмездии. Меня не интересует прощение.

Лисандра невесело улыбнулась:

— Когда он убил Сэльва, я лежала в его постели и думала о том, что сейчас его убью. Потом чуть остыла и поняла: в одиночку мне с ним не справиться. И потом, Аробинн задолжал не только мне.

Аэлина не сразу нашла что сказать.

— Получается, ты все это время ждала меня, рассчитывая на мою помощь?

— Я любила Сэльва ничуть не меньше, чем ты Саэма.

Аэлине не хотелось отвечать. Она лишь кивнула. Да, она любила Саэма. Даже любовь к Шаолу не была такой сильной. Сэльв подробно написал про все, что Рюк Фарран должен был сделать с Саэмом по приказу Аробинна. Старая душевная рана Аэлины вспыхнула и продолжала пылать даже сейчас. В двух нижних ящиках комода лежали вещи Саэма. Аробинн их сохранил. Две ночи Аэлина спала в рубашке Саэма.

Аробинн должен за это заплатить.

— Лисандра, я виновата перед тобой. Я столько лет отвратительно... чудовищно обходилась с тобой. В твоих страданиях есть и изрядная доля моей вины. Жаль, я тогда не понимала, что ты мне не враг. Я тогда очень много не понимала. Мне стыдно за прошлое.

Лисандра прикрыла глаза, а когда открыла снова, Аэлине показалось, что в них блеснули слезы.

— Мы с тобой обе были слишком молоды и делали глупости. Враждовали, вместо того чтобы дружить. Но нам ничто не мешает исправить это.

Лисандра улыбнулась, однако без прежней жеманности. Ее улыбка чем-то напоминала волчий оскал.

— Если ты согласна, я готова с тобой дружить.

Аэлина и представить не могла, что ей с такой быстротой и легкостью предложат дружбу. У нее уже был один друг — Рован. Ее лучший друг, ее карранам, но... ей остро не доставало женской дружбы. Недоставало подруги. Следом поднялся давний страх. У нее когда-то была прекрасная подруга — Нехемия, но ту уже не вернешь. Голос в глубине души кричал, что она не нуждается в дружбе Лисандры, потому что Лисандра никогда не заменит ей эйлуэйскую принцессу... Усилием воли Аэлина подавила страх и хрипло сказала:

— Я согласна.

Лисандра облегченно вздохнула:

— Слава богам. Теперь я могу говорить о нарядах и не бояться, что меня спросят, понравятся ли они этому... И шоколад я могу лопать без чужих нотаций о необходимости беречь фигуру. Ты ведь не разлюбила шоколад? Помню, когда ты была на своей ассасинской охоте, я пробралась к тебе в комнату и стащила целую коробку шоколадных конфет. Они

были бесподобно вкусными.

— Смотрю, ты и сейчас не забыла про конфетки. — Аэлина кивнула на грудку деликатесов, принесенных Лисандрой. — Должна тебя успокоить: шоколад я не разлюбила. Так что ты теперь у меня в фаворитках.

Лисандра рассмеялась. Аэлина помнила ее жеманное, сладострастное хихиканье. Наверное, так Лисандра не смеялась, оставаясь наедине с Аробинном или с кем-то из ее посетителей.

— Как-нибудь вечером я к тебе загляну, и мы будем лопать шоколад, пока нас не начнет выворачивать.

— Но мы ведь благовоспитанные дамы с утонченными манерами.

— Это ты расскажи кому-нибудь другому. — Лисандра взмахнула наманикюренными пальчиками. — Мы с тобой дикие звери в человеческом обличье. Даже не пытайся мне возражать.

Куртизанка и не представляла, насколько она близка к истине. Интересно, как Лисандра отнеслась бы к ее фэйскому облику? Не испугалась бы торчащих клыков? Аэлине хотелось верить, что Лисандра не назвала бы ее чудовищем ни за клыки, ни за магический огонь.

— К завтрашнему дню все готово? — спросила Лисандра, перестав улыбаться.

— У меня есть причины для беспокойства?

— А сама ты как думаешь? Или тебе кажется: перекрасила волосы — и в замке тебя никто не узнает? Неужели ты настолько доверяешь Аробинну?

— У тебя есть более удачный замысел?

Лисандра невозмутимо пожала плечами:

— Мне довелось научиться играть разные роли. Как оставаться незаметной, если не хочешь, чтобы тебя видели.

— Лисандра, меня этому учили очень основательно. Я умею незаметно появляться и исчезать. Замысел продуман до мелочей. Не столь уж важно, кому он принадлежит.

— А что, если мы попытаемся одним ударом убить двух зайцев?

Глаза куртизанки хищно блеснули. В них была такая уверенность, что Аэлина не решалась отмахнуться.

— Я тебя слушаю.

Каждая казнь на площадях становилась печальным напоминанием Шаолу и остальным мятежникам: всех вам не спасти. На каждого вызволенного ими приходилось несколько казненных.

Заход солнца застал их с Несариной на крыше, откуда была хорошо видна небольшая площадь с плахой посередине. Единственными зрителями готовящейся казни были городские нищие, калеки и прочие обитатели рафтхольского дна. Этим всегда тянуло поглазеть на чужие страдания, чтобы ненадолго забыть о собственных. Шаола такая публика интересовала не больше чем украшения площади по случаю завтрашнего торжества — дня рождения Дорина. Между окрестными зданиями были натянуты веревки с развевающимися красными и золотистыми флажками и лентами. Сверху они напоминали паутину. Вдоль домов расставили корзины с белыми и голубыми цветами. Склеп под открытым небом, расцвеченный красками поздней весны.

Несарина еще сильнее оттянула тетиву лука, и та издала характерный стонущий звук.

— Осторожно! — шепнул Шаол.

— Несарина сама знает, — ответила ему Аэлина.

— Почему ты здесь? — резко спросил Шаол. — Я что-то забыл.

— Хотела помочь. Или такая привилегия есть лишь у адарланских мятежников?

Шаол удержался от ответа и перевел взгляд на площадь.

От завтрашних действий Аэлины зависело очень многое. Злить ее сейчас было весьма глупо, даже если Шаолу претила одна мысль о том, что завтра Дорин может оказаться в ее руках. И все-таки он не сдержался.

— Насчет завтра, — сказал он, продолжая следить за приготовлениями к казни. — Чтобы к Дорину и пальцем не прикасалась.

— А я и не собиралась прикасаться, — небрежным, мурлыкающим тоном ответила она.

— Я не шучу. Принца трогать не смей.

Несарине было не до разговоров. Она сместила лук влево:

— Мне никак не прицелиться. Точного выстрела не получится.

Возле плахи стояли трое приговоренных. Их окружала дюжина караульных. Доски эшафота были густо окрашены кровью, впитавшейся в них за недели казней. Эшафот примыкал к громоздким башенным часам. Зрители нетерпеливо ждали, когда железная стрелка покажет шесть вечера. Башню тоже украсили золотистыми и красными лентами. Сейчас на циферблате было без семи минут шесть.

— Думаешь, тебе удастся его спасти? — спросил Шаол, заставив себя повернуться к Аэлине.

— Возможно. Я попытаюсь.

Шаола задело бесстрашие в ее глазах и во всем облике. Возможно. Возможно, черт бы тебя подрал... королева!

— Дорин для тебя хоть что-то значит? Или же он пешка в игре за интересы Террасена?

— Не начинай, а?

Шаол решил, что она сказала все. Оказалось, нет.

— Пойми, Шаол, его убийство было бы милосердием. Лучшим подарком.

— Я не могу стрелять отсюда, — повторила Несарина, уже резче.

— Только тронь его, и я позабочусь, чтобы эти твари нашли Эдиона.

Несарина молча повернулась к ним, опуская лук. Шаол понимал: он сейчас выглядит редкостным идиотом, но другой карты у него не было. Оставалось разыгрывать эту.

Гнев в глазах Аэлины был способен вызвать конец света.

— Позволь, Шаол, тебе кое-что напомнить, — с убийственным спокойствием произнесла она. — Твое родное королевство, которому ты до недавнего времени так верно служил, захватило Террасен и уничтожило мой двор. Мне не важно, кем ты был для меня в прошлом и как велика была твоя помощь мне. Только посмей предать моих подданных или причинить им вред, и тогда увидишь. Ты от меня никуда не скроешься. Я не признаю сроков давности. Я сожгу дотла и тебя, и твое проклятое королевство. Тогда узнаешь, каким чудовищем я способна быть.

Шаол понял: он зашел слишком далеко.

— Мы же не враги, — сказала Несарина. Ее лицо оставалось спокойным, но глаза так и метались между Шаолом и Аэлиной. — Глупо затевать ссоры накануне завтрашнего дня. — Она махнула луком в сторону площади. — Без пяти шесть. Спускаемся?

— Там слишкомлюдно, — возразила Аэлина. — Незачем рисковать. К тому же к площади движется еще один отряд караульных.

Ее осведомленность бесила Шаола.

— Ты мне так и не ответила: зачем ты здесь?

Легкость, с какой Аэлина сюда пробралась, бесила его еще больше.

Аэлине было не до ответа. Она внимательно приглядывалась к Несарине.

— Несарина, ты метко стреляешь?

— Не промахиваюсь.

— Такие женщины по мне, — сказала Аэлина, блеснув зубами и понимающе улыбнувшись Шаолу.

Он сразу догадался, что она знает о его отношениях с Несариной. И ей все равно. А ему самому?

Бирюзовые глаза Аэлины смотрели только на Несарину, ее руки и лук.

— Я всерьез подумываю отказаться от участия людей Аробинна в завтрашней атаке. Несарина справится лучше. Разместим ее на стене.

— Нет, — отрезал Шаол.

— Ты что, ее хозяин?

Он не посчитал нужным ответить.

— А то я подумала, что она твоя собственность.

Несарине ни в коем случае нельзя появляться на стене. И ему тоже. Его узнают уже на подходе к замку. По замыслам этого чертового Аробинна, Шаол должен был не вылезать за границу трупов и следить за берегом.

— Несарина уже получила распоряжения, — буркнул он.

Зрители на площади поливали бранью троих приговоренных, а те, изможденные, с бледными лицами, следили за движением железной стрелки часов. Самые нетерпеливые зеваки принялись кидаться в них объедками. Быть может, Рафтхол заслуживал того, чтобы сгореть в огне Аэлины Галатинии. И он, Шаол, тоже.

— Гниды, — процедила сквозь зубы Аэлина, глядя, как солдаты поволокли к плахе первую жертву.

Обреченный заливался слезами, умоляя о пощаде. Его несколько раз ударили эфесами

мечей по коленям, заставляя склониться перед плахой. Караульные не стали дожидаться шести часов. Второй обреченный, зная, что настает его очередь, затрясся всем телом. По его грязным рваным штанам стало расплзаться темное пятно. Аэлина снова выругалась.

У Шаола напряглись все мышцы. Даже Несарина не успела вскинуть лук раньше, нежели палач поднял свой топор.

По площади разнесся странный звук. Зрители рукоплескали! За их рукоплесканиями не было слышно, как упала и покатила по эшафоту голова казненного.

Перед глазами Шаола все поплыло. Он вдруг снова оказался в стеклянном замке, который долго считал своим родным домом. Что-то ударило о мраморный пол и покатило. Воздух наполнился красным туманом. Дорин пронзительно закричал...

Клятвопреступник. Лжец. Предатель. Все это относилось к Шаолу, но Дорина он не обманывал и не предавал. Своему истинному королю он был верен всегда.

— Нужно разрушить часовую башню в саду, — едва слышно произнес Шаол. Аэлина повернулась к нему. — И тогда магия вернется. Заговор держится на трех башнях. Все они построены из Камня Вэрда. Достаточно сломать одну, и заговор рухнет.

Аэлина невольно оглянулась на стеклянный замок.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я делаю это ради Дорина.

Его слова могли показаться ей жестокими и эгоистичными, но он говорил правду.

— Учти: король завтра будет ждать твоего появления, — продолжал Шаол. — Вдруг он наплюет на все условности и противопоставит твоей магии собственную? Дорин пытался ему сопротивляться...

Аэлина вглядывалась в черепицу крыши, словно на ней был написан порядок завтрашних праздничных церемоний. Их она помнила наизусть.

— А ведь он может расставить ловушки, — сказала она, перемежая слова ругательствами. — На меня. На Эдиона. Если начертать знаки Вэрда на полу или на дверях, мы с Эдионом окажемся запертыми и лишенными сил. Когда-то я таким же образом заперла в библиотеке ту тварь.

Аэлина бормотала ругательства. Все оказывалось сложнее, чем она думала.

— Брулло нам говорил: Эдиона из тюрьмы в зал поведут самые верные королю гвардейцы, — сообщила Несарина. — Весь путь может быть защищен заклинаниями. Если король наложил чары...

— Если он замахнулся на игру по-крупному. А менять планы уже слишком поздно, — вздохнула Аэлина. — Будь у меня те книги, я бы поискала в них защиту для себя и Эдиона. Что-то вроде заклинаний. Завтра я никак не сумею пробраться в свои прежние покои. Там, наверное, все потом перетряхнули.

— Книг там уже нет, — сказал Шаол. Аэлина вопросительно посмотрела на него. — Я их оттуда забрал, когда покидал замок.

Аэлина выпятила губы. Она одобряла его действия... но как неохотно.

— У нас мало времени, — сказала она, намереваясь спуститься с крыши. — Первого мы спасти не смогли. Но осталось еще двое. По-моему, эти флажки выглядят слишком однообразно. Разукрасим-ка их валгской кровью.

Несарина осталась на крыше. Аэлина переместилась на другую. Шаол и не предполагал, что она способна двигаться с такой быстротой. Он тоже спустился и,

проталкиваясь сквозь толпу зрителей, поспешил к эшафоту. По другую сторону уже собрались трое его бойцов. Все было готово к атаке.

Часы пробили шесть. Шаол стоял на месте. Пробираясь к эшафоту, он мельком взглянул в узкий переулок, что начинался от площади. Там он заметил еще двоих из своего отряда. Караульные уволокли с эшафота обезглавленное тело первой жертвы и приготовились к новой казни. Обреченный громко плакал, умоляя солдат пощадить его. Как и первого, его эфесами мечей заставили встать на колени. Прямо в лужу крови его собрата по несчастью.

Палач занес топор.

Через мгновение ему в горло вонзился кинжал, метко брошенный Аэлиной Галатинией.

Хлынула черная кровь, забрызгав нижние флажки. Валгская кровь. Караульные даже не успели крикнуть. С другой стороны полетели стрелы Несарины. В основном это делалось, чтобы отвлечь внимание от Шаола и его бойцов. Они бросились к эшафоту, наталкиваясь на испуганно разбегающихся зрителей. Несарина и Аэлина дали новый залп. К этому времени Шаол уже вскочил на скользкий от крови эшафот. Схватив обоих приговоренных, он буквально столкнул их вниз и заорал:

— Бегите со всех ног!

Мятежники сражались с караульными. Приговоренные застыли. Шаолу пришлось чуть ли не волоком дотащить их до входа в переулок и передать в руки своих.

Дальнейший путь освобожденных лежал к берегу Авери, где Шаол заблаговременно позаботился о лодке.

Где-то через час Несарина встретила его на выходе из гавани. Она была густо забрызгана темной кровью.

— Что там было?

— Всегдашний ад, — ответила Несарина, поглядывая на воду реки, красную от заходящего солнца. — Ты как?

— Обошлось без царапин. А ты?

— Мы тоже. Обе.

Шаол ощутил укол стыда. У него бы духу не хватило спросить об Аэлине. Он мысленно поблагодарил Несарину.

— Ты сейчас куда? — спросил он.

— Умоюсь, переоденусь и пойду туда, где жил казненный. Надо сообщить его семье.

Это было непреложное правило, каким бы жутким оно ни казалось. Отчасти мятежники заботились и о себе. Зная, что некоторых жертв им удастся освободить, семьи арестованных начинали искать встреч с мятежниками и сами попадали в тюрьму как пособники врагов короля. Уж лучше горькая весть о гибели близкого человека, чем туманные и опасные надежды на его спасение.

— Тебе не обязательно идти туда самой. Пошлю кого-нибудь из своих.

— Я служу в городской гвардии. Мое появление более уместно, — сухо напомнила ему Несарина. — И потом, не ты ли недавно говорил, что ухажеры не обивают пороги дома моего отца? Чем еще мне заняться в длинный вечер?

— Завтра — ответственный день, — напомнил Шаол, мысленно ругая себя за ту фразу об ухажерах.

Какой же он был дурак! Он привык к невозмутимости Несарины. Но это только внешнее. Почему-то лишь сейчас он впервые подумал о том, что его слова могут ее задевать и даже ранить.

— Шаол, мне прекрасно жилось, пока ты не появился, — устало, с оттенком скуки произнесла она. — Я знаю свои обязанности. И пределы своих возможностей тоже знаю. До завтра.

— Но почему тебе нужно самой идти к родственникам казненного?

Темные глаза Несарины смотрели не на него, а на реку.

— Это мне напоминает, что я потеряю, если меня схватят. Или если мы потерпим поражение.

Стемнело. Аэлина перебиралась с крыши на крышу. Она знала, что караульные не оставили попыток ее поймать. С момента сорванной казни прошло уже несколько часов, но она до сих пор не решалась спуститься на землю. Она знала, как разъярены караульные. Еще бы: кучка мятежников дерзко напала на них и буквально из-под носа утащила двоих приговоренных.

Все это она слышала снизу. Приключение на площади помешало ей еще раз проверить пути движения отрядов караульных в черных мундирах. Вчера ей удалось выяснить, что один путь пролегал вдоль пристаней, затем в тени трущобных улиц, где были сосредоточены таверны и публичные дома. Оттуда они сворачивали в сторону Тенюшника, но старались держаться от него на почтительном расстоянии. Аэлину интересовало, повлиял ли на их маршрут хаос, порожденный событиями на площади. Интересовали дыры, в которых они прятались. Улицы, остававшиеся вне сферы их внимания.

Все это было важно сегодня. А завтра станет еще важнее.

Наблюдения Аробинна оказались верными и почти целиком совпадали со сведениями, добытыми Шаолом и Несариной.

Она так и не сказала Шаолу, почему вдруг появилась на площади. Если бы он узнал причину, то наверняка отправил бы Несарину следить за ней. Аэлине хотелось убедиться, насколько опытни и умелы отряды мятежников, насколько они способны действовать слаженно. Все это было исключительно важно для завтрашней атаки на стеклянный замок.

Заодно она проверила слова Аробинна. Действительно, у каждого одержимого караульного на пальце было массивное черное кольцо. Двигались они довольно неуклюже и как-то судорожно. Чувствовалось, что демоны все еще приспосабливались к управлению телами, в которых обосновались. Но их командир — бледный черноволосый человек — не был стеснен в движениях, хотя и он заметно отличался от обычных людей, как чернильная капля, попавшая в воду, отличается от воды.

Улучив момент, Аэлина оторвалась от преследования и двинулась в другую часть города, где были сосредоточены ремесленные мастерские. Авери в этом месте делала плавный изгиб. Ветер дул не с реки, и потому Аэлина могла безошибочно определить, преследуют ее или нет. Особой свежестью здешний воздух не отличался, но характерного трупного запаха в нем не было.

Она остановилась на крыше стеклодувных мастерских. Верхний этаж здания занимал склад. Черепица крыши и сейчас еще была теплой от жара больших печей. Аэлина оглянулась по сторонам, всмотрелась в темноту переулка.

Снова хлынул весенний ливень. Его струи стучали по скату крыши и многочисленным трубам стеклодувных печей.

Теперь она знала, как освободить магию. Вроде бы совсем просто, и в то же время разрушение часовой башни требовало громадных усилий и тщательной подготовки. Этим она

займется потом. Нужно пережить завтрашний день и уцелеть. Тогда можно будет заняться башней.

Она спустилась вниз по скрипучей, покачивающейся водосточной трубе. Ноги шумно плюхнулись в лужу дождевой воды (будем надеяться). Ей захотелось поскорее очутиться дома. Аэлина зашагала по переулку, насвистывая веселую песенку, которую услышала в одной из труппных таверн.

Она была где-то на середине переулку, когда из темноты появился отряд королевских солдат. Их мечи поблескивали, как ртуть.

Командир вместе с демоном, обитавшим у него внутри, посмотрели на нее и улыбнулись, словно уже знали вкус ее крови.

Аэлина тоже улыбнулась и взмахнула запястьями, выдвигая лезвия кинжалов.

— Вы хотели меня видеть? Вот и свиделись.

Она бросилась на них и занялась тем, что виртуозно умела делать без всякой магии, — убивать. Пятерых она уложила за считанные секунды. Их кровь была не красной, а черной. Густой и блестящей, как нефть. Она пахла прокисшим молоком и уксусом. Расправиться с караульными было проще, чем побороть зловоние. С каждым новым трупом оно становилось все сильнее, забывая далеко не благоуханный воздух окрестных стекольных мастерских. Командир сражался искуснее своих солдат. На него Аэлина потратила минуты три или даже больше. Его удары были бы даже опасны, окажись на ее месте кто-то другой. Вскоре ее кинжал располосовал ему живот, и оттуда черным потоком хлынула кровь и что-то еще.

В конце переулку Аэлина заметила поднятую крышку сточного колодца. Вот откуда они появились! Над решеткой покачивалась неестественная темнота. Как в подземелье.

Демоны велели оставшимся караульным атаковать ее. Гнев в крови Аэлины превратился в боевую песню. Под эту музыку она добила остальных.

Окрестные лужи наполнились черной кровью. Оглядев место побоища, Аэлина принялась отсекал убитым головы. Одну за другой.

Она отошла к стене ближайшего здания, уперлась в щербатый кирпич и стала ждать.

Оживших не было.

Аэлина добралась до конца переулку, лягнула решетку, поставив ее на место, и растворилась в дождливой темноте.

Наступил рассвет, предвещавший ясный и теплый день. Аэлина полночи листала книги, которые удалось спасти Шаолу, уделив особое внимание древнему трактату «Ходячие мертвецы». Когда-то эта книга ей здорово помогла.

Спать не хотелось. Аэлина стала одеваться. Аробинн прислал ей великолепное бальное платье, которое требовалось вывернуть наизнанку и проверить каждый уголок. «Сюрпризы» могли ей дорого обойтись. Все это время она мысленно повторяла последовательность своих действий в стеклянном замке. Там раздумывать будет некогда. С началом праздника и она начнет свою работу, и нужно четко помнить весь порядок.

Аэлина Галатиния была готова спасти своего двоюродного брата.

Эдион Ашерир был готов умереть.

Вопреки своим надеждам, он не скончался от лихорадки. Вчера к вечеру она прекратилась. Вернулись силы, позволявшие ему ходить, но медленно. Стражники повели его в тюремную мыльную, где приковали к тяжелому корыту и принялись отскребать грязь нескольких недель. Они даже рискнули его побрить, хотя Эдион без конца дергал шеей, пытаясь напороться на бритву и перерезать себе горло.

Словом, ему придали более или менее приличный вид, чтобы вскоре отсечь голову его же оружием — мечом Оринфа.

Тщательно промыв его раны, Эдиона облачили в панталоны и длинную белую рубашку. Волосы ему завязали в тугую косицу. Затем его повели наверх. Все гвардейцы были в черных мундирах. С каждого бока его сопровождало трое. Четверо шли впереди и четверо сзади. Возле каждой двери, с обеих ее сторон, тоже стояло по гвардейцу.

Мытье и одевание утомили Эдиона. Сил на попытку сбежать, чтобы напороться на меч ближайшего стражника, у него уже не было. Он не сопротивлялся, когда его подвели к высоким дверям бального зала. С балок свисали красные и золотистые ленты. На каждом столе стояли весенние цветы. Над возвышением изгибалась арка из живых роз. С этого возвышения королевская семья будет наблюдать за празднеством. Эдиона повели к другому возвышению — эшафоту. Окна и двери в сад, позади эшафота, тщательно охранялись сворой королевских гвардейцев. Сам сад тоже охранялся. Если король вознамерился заманить Аэлину в ловушку, он не особо потрудился это замаскировать.

Эдиона втащили на эшафот и усадили на табурет.

«Как заботлив король», — подумал он. Хотя бы не придется лежать на полу, словно псу, пока королевская семья будет делать вид, что собралась ради торжества, а не из желания поглазеть, как его голова упадет и запрыгает по ступеням. Да и сам табурет в случае чего может оказаться неплохим оружием.

Эдион позволил заковать свои ноги в кандалы, прикрепленные цепью к полу эшафота. За его спиной на всеобщее обозрение выставили меч Оринфа. Щербатый костяной эфес древнего оружия тускло поблескивал на утреннем солнце.

Оставалось лишь выбрать удобный момент и расстаться с жизнью самому, опередив задуманную казнь.

Демон заставил его подняться на возвышение и сесть на специально приготовленный трон, рядом с женщиной, чью голову венчала корона. Женщина даже не заметила, что слова произносит не тот, кого она когда-то родила, а иное существо. По другую сторону восседал человек, повелевавший его демоном. С возвышения был виден весь празднично украшенный зал. Там болтали и хихикали разодетые придворные и приглашенная знать. Никто из них не видел, что он по-прежнему здесь и все так же кричит от боли.

Сегодня демону удалось продвинуться чуть дальше. Сейчас демон смотрел через его глаза. Древняя злобная тварь, которой не терпелось поглотить этот мир.

Возможно, мир это заслужил.

Наверное, эта предательская мысль и позволила демону пробить брешь в стене между ними. Демон одерживал победу над ним. А может, уже победил.

Его принудили сесть на трон, говорить чужие слова и делить свои глаза с существом из иного мира. Существом, не знавшим иных чувств, кроме злобы и неутолимого голода. Залитый солнцем мир и эти безмозглые гости даже не подозревали, что являются всего-навсего пищей для демонов.

От костюма жутко зудела кожа. Даже снадобье, которым она намазалась с ног до головы, не помогало.

Большинство именитых гостей из других уголков империи приехали заблаговременно и разместились в замке. Те же, кто жил в Рафтхоле и окрестностях, стояли в очереди, протянувшейся к тяжелым входным дверям. На всем ее протяжении и возле дверей стояли караульные. Они проверяли приглашения, задавали вопросы и вглядывались в лица тех, кто излишне долго думал над ответами. Музыкантов, танцоров и прислугу впускали через боковой вход.

Аэлина пробралась в замок вместе с танцевальной труппой госпожи Флюрины. Освещенные утренним солнцем, танцовщицы в костюмах из черного шелка, тюля и кружев казались посланцами ночи.

Поза Аэлины ничем не отличалась от поз других танцовщиц труппы. Прямые, чуть отведенные назад плечи, такая же прямая спина, расслабленные руки. Крашенные волосы и толстый слой грима, как у всех артисток, делали ее неотличимой от них. До сих пор никто не задержал на ней взгляда даже на секунду.

Аэлина старалась целиком войти в роль робеющей новенькой, слегка дрожащей от волнения. Главное, как примет ее труппа. На шестерку караульных возле двери в каменной стене она старалась не смотреть. Коридор, где они находились, был узким. В тесном пространстве удобно сражаться кинжалом, а вот мечом тут не помашешь. Об участии артистов, если она попадет в беду, Аэлина старалась не думать.

А в беду она попадет, если Аробинн ее предал.

Аэлина стояла, опустив голову, незаметно наблюдая за окружающим пространством. Это была первая проверка обещаний Аробинна.

Флюрина, в каштановых волосах которой и сейчас еще не мелькали седые пряди, шла вдоль артистов труппы, как адмирал на корабельном смотре.

Немолодая, но по-прежнему красивая, эта женщина двигалась с изяществом,

недостижимым для Аэлины. А ведь она годами брала у Флюрины уроки. Когда-то Флюрина была блистательной танцовщицей, знаменитой на всю империю. Оставив сцену, она стала не менее блистательной учительницей танцев и манер. «Недостижимое совершенство» — так за глаза звала она Флюрину. Из своих учеников эта женщина выжимала все. Но не будь Флюрины, Аэлина никогда бы не освоила модные танцы и не научилась бы двигаться с изяществом, столь необходимым для ремесла ассасина.

Флюрина оглянулась на караульных, затем остановилась напротив Аэлины.

— А тебе нужно усердно работать над осанкой, — сказала она, морща свои тонкие губы.

Аэлина поймала ее косой взгляд.

— Госпожа Флюрина, для меня большая честь даже временно оказаться в вашей труппе.

Я искренне надеюсь, что Гильяна вскоре поправится.

Мимо караульных сейчас проходили жонглеры — целая толпа. Караульные подозрительно оглядывали каждый шар. Очередь двигалась еле-еле.

— Смотрю, ты неплохо держишься, — негромко произнесла Флюрина. — И настроение довольно бодрое.

Аэлина знала, как должна вести себя молоденькая танцовщица, падкая на похвалу хозяйки. Она склонила голову, округлила плечи и попыталась покраснеть. Но вместо благодарности за комплимент спросила:

— А вам известно, где сравнительно недавно довелось мне побывать?

Флюрина наморщила нос. Ее взгляд задержался на руках Аэлины. Никакой грим не мог до конца скрыть шрамы на запястьях. Глаза Флюрины поднялись выше. Танцевальные костюмы оставляли открытой верхнюю часть спины. И там, если присмотреться, шрамы и татуировка все равно проступали сквозь толстый слой грима.

— Если ты думаешь, что я имею хоть какое-то отношение к событиям, окончившимся...

— Если бы имели, вас бы уже не было в живых, — едва слышно ответила Аэлина, разглядывая свои шелковые туфли.

Это не было ложью. Составляя на корабле список своих жертв, Аэлина внесла туда и имя учительницы танцев, которое, после серьезного размышления, вычеркнула.

— Полагаю, все... подгонки по фигуре уже сделаны?

Внешне костюм Аэлины не отличался от костюмов других танцовщиц. Но в нем имелись особые карманы для оружия и всего остального, что сегодня могло ей понадобиться. Все это было щедро оплачено Аробинном. Флюрина и не догадывалась о причинах. Ничего, время больших сюрпризов скоро наступит.

— А не поздновато ли ты спрашиваешь? — задала свой вопрос Флюрина. Драгоценные камни ее сережек и ожерелья красиво переливались на солнце. — Ты бы и носу сюда не сунула, если бы не доверяла мне.

— И еще. Думаю, любовь к щедрым вознаграждениям перевешивает у вас любовь к королю?

Едва ли Флюрина когда-нибудь получала столько, сколько ей отвалил Аробинн.

— Как известно, его императорское величество закрыл Королевский театр, — продолжала Аэлина, поглядывая на караульных. — Я уверена, что вы согласитесь со мной: участь, постигшая театральных музыкантов и их дирижера, — это преступление, которому нет прощения. Оно стоит в одном ряду с уничтожением рабов в Эндовьере и Калакулле.

Аэлина знала: ее слова достигли цели. В глазах Флюрины мелькнула боль.

— Пейтор был мой другом, — прошептала побледневшая Флюрина. — Вряд ли найдется

более талантливый дирижер. А как тонко он слышал музыку. Моими успехами на сцене я целиком обязана ему. И все это тоже создавалось с его помощью.

Она указала на свою труппу, которую охотно приглашали на королевские празднества.

— Мне его очень недостает, — призналась Флюрина.

— И мне его будет не хватать, — сказала Аэлина, прижимая руку к сердцу. На мгновение она забыла и о том, где они находились, и о своей миссии. — Каждую осень я ходила слушать «Стигийскую сюиту». Ее я, быть может, где-нибудь и услышу. Но такого тонкого исполнения уже не будет. И не будет той волшебной обстановки, какая была в Королевском театре, когда дирижировал Пейтор. Есть волшебство, которое исчезает вместе с волшебником.

Госпожа Флюрина застыла, обхватив плечи. У дверей по-прежнему стояли караульные. И срок исполнения миссии, ради которой Аэлина сюда пришла, неумолимо приближался. Но воспоминания, захлестнувшие ее, мешали ей говорить.

У Аэлины были свои причины доверять Флюрине. Едва ли Аробинн знал о них.

Два года назад, уйдя из-под власти Аробинна и заплатив ему долги за себя и за Саэма, Аэлина осталась почти без гроша в кармане. Но она продолжала ходить к Флюрине на уроки: не столько из желания быть в курсе новых модных танцев, сколько по необходимости поддерживать форму. Узнав о ее бедственном положении, Флюрина отказалась брать с нее деньги за уроки.

После каждого урока учительница танцев разрешала ей сколько угодно играть на клавинодах. Аэлина играла до боли в пальцах. Ее прекрасный инструмент остался в Башне ассасина. И ни разу Флюрина не сказала, что это ей мешает; ни словом, ни жестом не дала Аэлине понять, будто делает одолжение. Аэлина тогда нуждалась не только в танцах и музыке. Она остро нуждалась в человеческой доброте, и Флюрина оказалась едва ли не единственной, кто по-доброму отнесся к ней в те дни.

— Вы хорошо запомнили, как нужно действовать вам и вашим девушкам? — шепотом спросила Аэлина.

— Для тех, кто пожелает уехать, Аробинн нанял корабль. Если это окажется вся труппа, места хватит. Это я с ним обговорила. Ну а если мои девчонки по глупости останутся в Рафтхале, значит иной участи они не заслуживают.

Аэлина не рисковала встречаться с Флюриной вплоть до сегодняшнего дня. И Флюрина не решалась собирать вещи раньше времени, боясь навлечь подозрения. Естественно, речь шла только о том, что она могла взять с собой и принести сюда. В основном деньги и драгоценности. Как только начнется хаос, Флюрина и вся труппа должны будут спешно покинуть замок и направиться в гавань. Правда, может случиться и так, что ни Флюрине, ни ее танцовщицам будет не выбраться отсюда, хотя Шаол и Брулло предусмотрели пути отхода и заручились поддержкой сговорчивых караульных.

— Спасибо вам, — прошептала Аэлина.

Флюрина улыбнулась уголком рта:

— Этому, насколько знаю, твой бывший хозяин тебя не учил.

Очередь продвинулась, и танцовщицы, стоявшие впереди, оказались возле караульных. Флюрина громко вздохнула и пошла к ним, упирая руки в свои узкие бедра. Воплощенная грациозность, она остановилась возле караульного, держащего в руках длинный список. У каждой танцовщицы он спрашивал имя, сверялся со списком, где значились и характерные приметы, вглядывался в лицо и только потом пропуская. Поначалу Аэлины в этом списке не

было. Спасибо Рессу: вчера вечером он сумел проникнуть в помещение, где хранился список, и добавил туда одно вымышленное имя, а также приметы Аэлины.

Аэлина стояла в самом конце, чтобы приглядеться к обстановке и выявить возможный подвох.

Замок. Внешне — все тот же... и какой-то другой. А может, это она изменилась.

Одна за другой, танцовщицы проходили мимо караульных с каменными лицами и оказывались в узком коридоре, беспечно хихикая и перешептываясь.

Аэлина встала на цыпочки, разглядывая караульных. Обычное поведение новенькой: любопытство вперемешку с нетерпением.

Так она и думала! Знаки Вэрда!

Они начинались за порогом, нанесенные темной краской на камни пола. Казалось бы, просто узор, каких немало на полах коридоров замка. Кто-то умело замаскировал их под узор.

Наверняка знаки Вэрда подстергали ее у каждой двери, у каждого порога. И даже на окнах этажом выше. Маленькие темные знаки, настроенные на Аэлину Галатинию и выполняющие двойную задачу: предупредить короля о ее появлении и удержать в замке, пока ее не схватят подоспевшие караульные.

— Ну что ты все шею тянешь да еще на плечо мне давишь? — недовольно спросила танцовщица, стоявшая впереди Аэлины, и пихнула ее локтем в плечо.

Аэлина вдруг округлила глаза и завопила от боли.

Танцовщица обернулась, требуя закрыть рот.

Аэлина залилась слезами. Громкими, обильными, как у несправедливо обиженного ребенка. Танцовщицы замерли. Толкнувшая ее даже отошла, озираясь по сторонам.

— Мне больно, — всхлипывала Аэлина, держась за живот.

— Что выдумываешь? — прошипела «обидчица». — Я тебя легонечко пихнула.

Аэлина добросовестно продолжала реветь.

Флюрина велела танцовщицам посторониться.

— Боги милосердные, что еще стряслось?

— Она м-меня у-ударила, — всхлипывала Аэлина, показывая трясущимся пальцем на «обидчицу».

Флюрина поспешила к оторопевшей девице, утверждавшей, что она ни в чем не виновата. Последовали взаимные обвинения, оскорбления и новые слезы. Теперь уже заплакала и «обидчица», боявшаяся, как бы Флюрина не выгнала ее из труппы.

— В-воды, — всхлипывая, попросила Аэлина. — Пусть принесут воды-ы-ы-ы!

К ним уже шли караульные.

— С-сейчас, — добавила Аэлина, стискивая руку учительницы танцев.

Глаза Флюрины сверкнули. У караульного она не попросила, а потребовала воды. Аэлина затаила дыхание, ожидая, что ее сейчас выгонят или влепят пощечину... но караульный оказался одним из друзей Ресса и Шаола. Она поняла это по красному цветку, приколотому на груди. Все, как она просила. Шаол обещал сделать так, чтобы у дверей дежурил кто-то из надежных людей. На всякий случай. Продолжая разыгрывать испуганного ребенка, Аэлина буквально цеплялась за Флюрину. Наконец принесли воду. И не стакан, а ведро с ковшом. То, что удалось найти караульному. Он благоразумно избегал встречаться с нею глазами.

Всхлипывая и бормоча слова благодарности, Аэлина схватила караульного за руки. Те

слегка тряслись.

Аэлина незаметно дотронулась носком туфли до ноги Флюрины. Первая сцена маленького спектакля была сыграна. Начинаясь вторая.

— Идем со мной, горе мое! — раздраженно бросила ей Флюрина и потащила к двери, минуя очередь. — Только мне твоих глупостей не хватало. Почти весь грим смазала своими дурацкими слезами.

Стараясь не пролить воду, Аэлина вместе с ведром послушно отправилась к дверям.

— Господин караульный, вы уж пропустите без очереди мою дурочку. Дэна ее зовут. Новенькая она. Совсем голову от волнения потеряла... если было что терять.

Все это было произнесено с безупречностью актрисы. И раздражение, и металлические нотки в голосе — признак человека, привыкшего повелевать. Флюрину ничуть не испугали пустые черные глаза караульного. Глаза демона.

Он вперился в список и все смотрел, смотрел... Наконец вычеркнул ее имя.

Аэлина хлебнула из ковша, затем погрузила ковш в ведро.

Караульный еще раз взглянул на Аэлину. Усилием воли она заставила нижнюю губу задрожать. Еще немного, и снова хлынут слезы. Она чувствовала, как демон внутри караульного жадно пожирает ее глазами. Можно подумать, что хорошенькие танцовщицы были для него десертом.

— Проходи, — буркнул караульный, кивая в сторону коридора.

Мысленно поблагодарив Мэлу, Аэлина подошла к самым знакам Вэрда. Там, словно зацепившись за выбоину в камне, она споткнулась и вылила всю воду на знаки.

Аэлина взвыла, ударившись коленями о каменный пол. Боль, увы, была настоящей. К ней тут же подлетела Флюрина, обозвав растяпой и плаксой. Она протянула руку, помогая Аэлине встать, и толкнула вперед.

В стеклянный замок.

Флюрину и ее танцовщиц собрали в узком коридоре, которым обычно пользовались слуги. Очень скоро двери на другом конце коридора открылись, и танцовщицы, словно бабочки, запорхали, устремившись в бальный зал. Черные, сверкающие бабочки, готовые исполнить завораживающе красивый танец «Служанки Смерти». Так называлась часть одной из недавно сочиненных симфоний.

Больше их никто не останавливал и не подвергал расспросам, хотя караульные, расставленные повсюду, поглядывали на них, как ястребы. Только эти ястребы не умели превращаться в фэйских принцев.

Людей Шаола можно было пересчитать по пальцам. Ресс и Брулло отсутствовали. Остальные находились в тех местах, где и должны. Аэлина мысленно поблагодарила Ресса и Брулло за точность.

Мимо пронесся слуга, держа на плече поднос с аппетитным окороком, утопавшим в зелени. Аэлина сделала над собой усилие, запретив себе наслаждаться запахом вражеской пищи. Даже очень вкусной.

Раскрасневшиеся от быстрой ходьбы и волнения слуги тащили бесконечные подносы с разными яствами. Бальный зал соединялся с королевской кухней прямым коридором. Мимо проплывали форель в ореховой подливе, хрустящая спаржа, взбитые сливки, пироги с мясом или с грушей...

Глуповато улыбаясь и продолжая играть роль любопытной новенькой, Аэлина следила за слугами. Она ждала, когда слуги пробегут мимо с пустыми подносами, возвращаясь на кухню. Наконец дверь открылась. В тускло освещенный коридор устремилась служанка. На ней был накрахмаленный до хруста белый фартук. Из косы выбилась прядка черных волос. Служанка торопилась на кухню за очередными порциями грушевого пирога.

Несарина Фелак глянула в ее сторону. Аэлина сделала равнодушное лицо.

Темные, чуть раскосые глаза Несарины сощурились. Возможно, от удивления. Или от беспокойства. Принять решение Аэлина не успела. Командир караульных подал Флюрине знак: пора начинать.

Аэлина опустила голову. Она чувствовала внимание демона, что обитал внутри командира. Демон жадно следил за всей труппой сразу. Когда Аэлина вновь оглянулась на дверь, Несарина уже исчезла.

Флюрина шла вдоль танцовщиц, ждущих у двери.

— Спины прямые, плечи расправлены, шеи подняты. Вы — свет, воздух, грация. Не посрамите меня.

В руках Флюрины оказалась корзинка с черными стеклянными цветками. Корзинку было поручено нести самой спокойной и уверенной танцовщице. Даже при тусклом свете эти шедевры искусства стеклодувов поблескивали, словно черные бриллианты.

— Если вы уроните их раньше времени, вам конец. Эти цветы стоили мне дороже, чем все вы с потрохами. Учтите, запасных у меня нет.

Флюрина раздала цветы, которые были достаточно прочными, чтобы выдержать несколько минут танца. Когда она подошла к Аэлине, корзинка была пуста. Аэлина воззрилась на учительницу, изображая детское удивление.

— А мне? — проямлила она.

— А ты наблюдай за движениями других и учись, — нарочито громко, чтобы слышал демон, ответила Флюрина и положила руку ей на плечо.

Она мастерски играла роль заботливой учительницы, подбадривающей свою неуклюжую ученицу. Остальные танцовщицы, приняв указанную позу, забыли о существовании Аэлины.

Аэлина скромно кивнула. Казалось, она сдерживает слезы разочарования. Видя, что на нее никто не смотрит, она встала рядом с Флюриной.

Из приоткрытых дверей зала донеслись звуки фанфар. Послышались приветствия и рукоплескания гостей. Они так старались, что даже в коридоре дрожал пол.

— Я успела заглянуть в зал, — едва слышимым шепотом произнесла Флюрина. — Видела генерала. Бледный, исхудавший. Но держится бодро. Готов... для тебя.

Аэлина застыла.

— Я долго ломала голову, пытаюсь понять, где же Аробинн тебя нашел, — продолжала Флюрина, поглядывая на двери. — Казалось бы, зачем ему тратить столько сил, подчиняя тебя своей воле. С другими он так не возился.

Флюрина на мгновение прикрыла глаза, потом открыла снова. Ее глаза преобразились: в них появился стальной блеск.

— Когда ты разобьешь цепи этого мира и начнешь строить новый, не забудь, что настоящее королевство нуждается в искусстве даже больше, чем человек в пище. Королевство, пренебрегающее искусством, обречено на скорое забвение. За свою несчастную жизнь я скопила достаточно денег и теперь могу заниматься истинным творчеством. Пойми меня правильно. Я не знаю, сколько времени тебе понадобится, чтобы воссесть на троне. Но когда это случится, я появляюсь при твоём дворе, и со мною туда придут музыка и танец.

Аэлина с трудом сглотнула. Не дожидаясь ее ответа, Флюрина направилась к дверям. Она внимательно смотрела на каждую танцовщицу, но заговорила, лишь когда встретила глазами с Аэлиной.

— Устроим же нашему королю представление, которого он заслуживает.

Флюрина открыла двери. В коридоре сразу стало светло. Вместе со светом сюда ворвались звуки музыки и дразнящий аромат жареного мяса.

Затаив дыхание, танцовщицы поодиночке выпархивали в зал, размахивая над головой черными стеклянными цветами.

Следя за ними, Аэлина усилием воли взнудывала кровь, превращая ее в черный огонь. Все внимание Аэлины было устремлено на Эдиона. Ей не было дела до тирана, расположившегося на возвышении. Его черед наступит потом. И пусть не думает, что демоны его спасут. Он ответит за смерть ее родителей, Маурины и десятков тысяч жителей Террасена и других королевств... Но если вдруг сегодня ее не станет, она хотя бы погибнет, сражаясь, под звуки прекрасной музыки.

Пора.

Вдох. Еще вдох.

Она была наследницей огня.

Она сама была огнем, светом, пеплом и углями. Она была Аэлиной Огненное Сердце. Она не склонялась ни перед кем и ни перед чем, кроме террасенской короны, принадлежащей ей по наследству. Но чтобы надеть эту корону, вначале нужно победить и остаться в живых.

Аэлина расправила плечи и выпорхнула в зал, полный разряженных, увешанных драгоценностями гостей.

Все это время Эдион внимательно наблюдал за караульными. Он выяснил, кого из них лучше атаковать первым. Изучил их позы. Кто-то слегка прихрамывал, — видимо, сказывалась полученная рана. Эдион запомнил и это. Жесты и движения караульных тоже многое открыли ему. Он выделил тех, кто может оробеть, оказавшись лицом к лицу с Волком Севера. Важнее всего для Эдиона были порывистые и глупые, которые могли его прикончить, не дождавшись приказа короля.

Началось представление. Толпа гостей перестала беззастенчиво пялиться на него: теперь их внимание было приковано к двум десяткам молодых женщин. Те кружились и подпрыгивали, беспечно порхая в пространстве между королевским возвышением и эшафотом. На мгновение Эдиону стало совестно прерывать их танец. Танцовщицы перед ним ничем не провинились. Так зачем и их делать жертвами кровопролития, которое он намеревался вскоре устроить?

С другой стороны, их танец был лучшим фоном для его последнего боя. И эти костюмы: черные, украшенные серебром. Эдион сразу узнал музыку. Значит, «Служанки Смерти».

Как и во всем сегодня, Эдион усмотрел в этом знак. Возможно, темноглазая богиня Сильба дарует ему милосердную смерть, и он не попадет в жестокие, густо залитые кровью руки бога Хелласа. В любом случае он встретит смерть с улыбкой. Ведь он много раз видел ее на полях сражений.

Танцовщицы посыпали пол черным порошком. Наверное, порошок символизировал пепел умерших. Одна за другой они подбегали к возвышению и кланялись королю и принцу.

Пора начинать. Король отвлекся на караульного: тот принялся что-то шептать ему на ухо. Принц со скучающим видом следил за танцовщицами. Королева болтала с очередной придворной дамой, обласканной ее вниманием.

Толпа гостей хлопала танцовщицам, подбадривая их возгласами. «Ишь как разоделись», — с неприязнью подумал Эдион. За все эти шелка, золото и бриллианты было заплачено кровью бесчисленных жертв, в том числе и его сограждан.

Среди танцовщиц он вдруг заметил ту, чьи движения не отличались такой же слаженностью и отточенностью, как у остальных. Должно быть, новенькая, которая много не умеет. Возможно, Эдион забыл бы о ней, но... Ростом она превосходила других танцовщиц. Она была крупнее, шире в плечах, фигуристее. И двигалась тяжелее, словно невидимые нити тянули ее к земле. Луч солнца, упавший на нее, пробился сквозь кружева рукавов и спины. А на спине сквозь толстый слой грима проступали темные узоры татуировки.

Для танцовщиц такого уровня, часто приглашаемых на королевские празднества, татуировки были недопустимы и немислимы.

Прежде чем Эдион успел все это обдумать, странную танцовщицу загородила небольшая толпа придворных дам в вычурных бальных платьях. Последнее, что он видел, — танцовщица с татуировкой исчезла за занавеской, скрывавшей дверь бокового выхода. Она глуповато улыбалась караульным. Со стороны могло показаться, что она заблудилась.

Но через минуту странная танцовщица появилась снова. Теперь Эдион узнал ее лишь по росту и фигуре. Грима как не бывало. Пропал и шелковый танцевальный костюм с широким тюлевым подолом.

Нет, не пропал. Когда танцовщица вернулась в зал, караульные даже не взглянули на нее. Танцевальный костюм, вывернутый наизнанку, превратился в плащ с капюшоном, из-под

которого выбивались темно-рыжие волосы. Она двигалась, как подвыпивший франт, красующийся перед дамами.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Карранам — на языке народа фэ это означает особый вид кровной связи, когда ты можешь передавать тому, с кем связан, свою силу и тем самым помогать преодолевать трудные и опасные обстоятельства. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*